

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Ясперс Карл

Духовная ситуация времени.

В течение более чем полувека все настойчивее ставится вопрос о ситуации; каждое поколение отвечало на этот вопрос, характеризуя свое мгновение. Однако если раньше угроза нашему духовному миру ощущалась лишь немногими людьми, то с начала войны этот вопрос встает едва ли не перед каждым человеком.

Эта тема не может быть не только исчерпана, но и однозначно определена, так как в процессе ее осмысления она уже видоизменяется. Канувшие в историю ситуации можно рассматривать как завершенные, ибо они уже известны нам в своем значении и больше не существуют, наша же собственная ситуация волнует нас тем, что действующее в ней мышление продолжает определять, чем она станет. Каждому известно, что состояние мира, в котором мы живем, не окончательное.

Было время, когда человек ощущал свой мир как непреходящий, таким, как он существует между исчезнувшим золотым веком и предназначенным божеством концом. В этом мире человек строил свою жизнь, не пытаясь изменить его. Его деятельность была направлена на улучшение своего положения в рамках самих по себе неизменных условий. В них он ощущал себя защищенным, единым с землей и небом. Это был его мир, хотя в целом он и представлялся ему ничтожным, ибо бытие он видел в трансцендентности.

В сравнении с таким временем человек оказывается оторванным от своих корней, когда он осознает себя в исторически определенной ситуации человеческого существования. Он как будто не может более удерживать бытие. Как человек жил раньше в само собой разумеющемся единстве своего действительного существования и знания о нем, становится очевидным только нам, кому жизнь человека прошлого представляется протекающей в некоей сокрытой от него действительности. Мы же хотим проникнуть в основание действительности, в которой мы живем; поэтому нам представляется, будто мы теряем почву под ногами; ибо после того, как не вызывающее сомнения единство оказалось разбито вдребезги, мы видим только существование, с одной стороны, осознание нами и другими людьми этого существования – с другой. Мы размышляем не только о мире, но и о том, как он понимается, и сомневаемся в истине каждого такого образа; за видимостью каждого единства существования и его осознания мы вновь видим разницу между действительным миром и миром познанным. Поэтому мы находимся внутри некоего движения, которое в качестве изменения знания вынуждает измениться существование и в качестве изменения существования, в свою очередь, вынуждает измениться познающее сознание. Это движение втягивает нас в водоворот безостановочного преодоления и созидания, утрат и приобретений, который увлекает нас за собой только для того, чтобы мы на мгновение могли остаться деятельными на своем месте во все более ограниченной сфере власти. Ибо мы живем не только в ситуации человеческого бытия вообще, но познаем ее каждый раз лишь в исторически определенной ситуации, которая идет от иного и гонит нас к иному.

Поэтому в сознании данного движения, в котором мы сами участвуем и фактором которого являемся, скрывается некая странная двойственность: поскольку мир не окончательно таков, какой он есть, человек надеется обрести покой уже не в трансцендентности, а в мире, который он может изменить, веря в возможность достигнуть совершенства на земле. Однако, поскольку отдельный человек даже в благоприятных ситуациях всегда обладает лишь ограниченными возможностями и неизбежно видит, что фактически успехи его деятельности в значительно большей степени зависят от общих условий, чем от его представлений о цели, поскольку он при этом осознает, насколько узость сферы его власти ограничена по сравнению с абстрактно мыслимыми возможностями, и поскольку, наконец, процесс развития мира, не

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
соответствующий в своем реальном ничьему желанию, становится сомнительным по своему смыслу, в настоящее время возникло специфическое ощущение беспомощности. Человек понимает, что он зависим от хода событий, который он считал возможным направить в ту или иную сторону. Религиозное воззрение как представление о ничтожности мира перед трансцендентностью не было подвластно изменению вещей; в созданном Богом мире оно было само собой разумеющимся и не ощущалось как противоположность иной возможности. Напротив, гордость нынешнего универсального постижения и высокомерная уверенность в том, что человек в качестве господина мира может по своей воле сделать его устройство по истине наилучшим, превращаются на всех открывающихся границах в сознание подавляющей беспомощности. Как человеку удастся приспособиться к этому и выйти из такого положения, встав над ним, – является основным вопросом современной ситуации.

Человек – существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть. Уверенный в своих силах, он исследует окружающий его мир и меняет его по определенному плану. Он вырвался из природного процесса, который всегда остается лишь неосознанным повторением неизменного; он – существо, которое не может быть полностью познано просто как бытие, но еще свободно решает, что оно есть; человек – это дух, ситуация подлинного человека – его духовная ситуация. Тот, кто захочет уяснить эту ситуацию как ситуацию современную, задаст вопрос: как до сих пор воспринималась ситуация человека? Как возникла современная ситуация? Что означает вообще "ситуация"? В каких аспектах она проявляется? Какой ответ дается сегодня на вопрос о человеческом бытии? Какая будущность ждет человека? Чем яснее удастся ответить на эти вопросы, тем решительнее знание приведет нас к состоянию незнания, и мы окажемся у тех границ, соприкасаясь с которыми человек начинает понимать себя как существо одиночное.

1. Возникновение эпохального сознания

Критика времени так же стара, как сознающий самого себя человек. Наша коренится в христианском представлении об истории как некоем упорядоченном согласно замыслу спасения процессе. Это представление уже не разделяется нами, но наше понимание времени возникло из него или в противоположность ему. Согласно этому замыслу спасения, когда исполнилось время, пришел Спаситель; с его приходом история завершается, теперь предстоит лишь ждать и готовиться к наступлению суда; то, что происходит во времени, уподобляется миру, ничтожество которого очевидно и конец которого неизбежен. По сравнению с другими представлениями – о круговороте вещей, о возникновении человеческой культуры, о смысле мирского устройства – христианское представление обладает для отдельного человека ни с чем не сравнимой убедительностью благодаря своей универсальности, благодаря неповторимости и неотвратимости своей концепции истории и благодаря отношению к Спасителю. Осознание эпохи как времени решения, несмотря на то что эпоха была для христианина миром вообще, чрезвычайно усилилось.

Эта концепция истории была сверхчувственной. Ее события (грехопадение Адама, откровение Бога Моисею и избранность еврейского народа, пророчество) являются либо в качестве прошлых – не допускающими постижение, либо в качестве будущих – концом мира. Вызывая безразличие, мир в его имманентности, по существу, лишен истории. Лишь превращение этой трансцендентной концепции в видение мира как имманентного движения при сохранении сознания о неповторимости истории как целого пробудило сознание, которое увидело отличие своего времени от всякого иного и, пребывая в нем, воодушевилось патетической верой в то, что благодаря ему незаметно или посредством сознательного действия что-либо решится.

Начиная с XVI в., цепь больше не рвется; в последовательности поколений одно звено передает другому сознание эпохи. Началось это с сознательной секуляризации человеческого существования. Возрождение античности, новые планы и их реализация в технике, искусстве, науке привели в движение небольшую, но влиятельную в Европе группу людей. Ее настроенность хорошо передана в словах Гуттена: пробуждается дух, жить радостно. В течение веков открытия сменяли друг друга: открытия морей и неизведанных стран Земли, открытия в астрономии, в естествознании, в технике, в области рационализации государственного управления. Это сопровождалось сознанием общего прогресса, которое достигло своей вершины в XVIII в. Казалось, что путь, который вел раньше к концу мира и Страшному суду, ведет теперь к завершению человеческой цивилизации. Против этой удовлетворенности выступил Руссо. С того момента, когда он в 1749 г. в сочинении на вопрос

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
объявленного конкурса, способствовало ли возрождение наук и искусств
улучшению нравов, ответил, что они их испортили, началась критика культуры,
которая с тех пор сопровождает веру и прогресс.

В мышлении эпохи произошел сдвиг. Возникнув как духовная жизнь фактически не многих людей, считавших, что они – представители времени, оно обратилось к блеску упорядоченной государственной жизни и, наконец, к самому бытию людей. Теперь были созданы предпосылки, благодаря которым стала действительностью мысль, что с помощью человеческого разума можно не принимать существование человека таким, как оно сложилось, а планомерно изменять его, превратив в такое, каким оно действительно должно быть. Французская революция была событием, примера которому история не знала. Рассматриваемая как начало того времени, когда человек, руководствуясь принципами разума, сам будет определять свою судьбу, французская революция пробудила в сознании самых выдающихся людей Европы восторженное воодушевление.

Несмотря на все нововведения предшествующих веков, люди того времени не стремились к преобразованию общества. Так, для Декарта, хотевшего следовать нравам и законам своей родины, решаясь на новое лишь в глубинах духа, не было смысла в намерениях отдельного человека произвести реформы в государстве, изменяя в нем все, начиная с основания, и уничтожая его, чтобы потом вновь восстановить. Английская революция XVII в. еще коренится в религии и в ощущении мощи своей родины. Правда, протестантизм обновил христианство, вернув его к истокам, но не секуляризировал его, напротив, в противоположность обмирщению церкви, утвердил его строго и безусловно. Это сделало возможной героическую борьбу кромвелевских святых, которые под его началом хотели в своем служении Богу привести избранный народ Англии к существованию, угодному Богу и служащему его прославлению в мире. Только французская революция совершалась в сознании того, что существование людей должно быть в корне преобразовано разумом после того, как исторически обретенный образ, признанный дурным, будет уничтожен. Ее предшественниками можно считать только тех основавших американские колонии протестантов, которые, исходя из безусловности своей веры, покинули родину, чтобы на новой почве осуществить то, что потерпело неудачу в отчизне; в начинавшейся секуляризации они прониклись идеей общих прав человека.

Ход французской революции был неожиданным – она превратилась в противоположность тому, что служило ее началом. Воля, направленная на установление свободы человека, привела к террору, уничтожившему свободу полностью. Реакция на революцию росла. Возможность предотвратить ее повторение была возведена в принцип политики европейских государств.

Со времени революции людей охватило беспокойство по поводу их существования в целом, ответственность за которое они несут сами, так как оно может быть изменено в соответствии с определенным планом и устроено наилучшим образом. Предвидение Канта (1798) сохранило свое значение вплоть до настоящего времени: "Подобный феномен не забывается, ибо он открыл задатки человеческой природы и ее способность к лучшему, что до той поры не уразумел из хода вещей ни один политик".

Со времени французской революции в самом деле живет специфически новое сознание эпохального значения времени. В XIX в. оно расщепилось: вере в прекрасное будущее противостоит ужас перед развертывающейся бездной, от которой нет спасения; в некоторых случаях успокоение приносит мысль о переходном характере времени, которая с тех пор умиротворяет и удовлетворяет при каждой трудности слабым духом людей.

Прошлый век создал историческое осознание времени в философии Гегеля, в этой философии было высказано невысказанное до той поры богатство исторического содержания и применен поразительно привлекательный и выразительный метод диалектики в соединении с пафосом чрезвычайного значения настоящего. Диалектика показала, как человеческое сознание преобразуется посредством самого себя: каждое сознание проходит в своем существовании ряд стадий благодаря знанию о себе; каждое мнение и знание изменяют того, кто знает именно так; измененный, он должен искать в мире новое знание о себе; так, теряя покой, он, поскольку бытие и сознание принимают в своем разделении все новый образ, переходит от одного к другому – это исторический процесс человека. Как проходит этот процесс, Гегель показал в таком многообразии и с такой глубиной, которые и сегодня еще не достигнуты. В этом мышлении беспокойство человеческого самосознания познало

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
себя, хотя оно еще и находило метафизическое укрытие в тотальности духа, которому принадлежит все особенное во времени, ибо в нем временное колебание исторического знания человека всегда есть совершенный покой вечности.

Диалектика бытия и сознания, которая может быть понята не только интеллектуально, но во всей своей содержательной полноте (понята тем, что посредством предъявления требований к самому себе – есть возможность великой души), была искажена в марксизме тезисом о превращении бытия в однозначно определяемое бытие человеческой истории, а именно в материальное бытие средств производства. Диалектика была низведена до уровня простого метода и лишена как содержания исторического бытия человека, так и метафизики. Однако она сделала возможной постановку вопросов, послуживших поводом для плодотворного исследования отдельных историко-социальных связей. Но вместе с тем она сделала возможными ложно освященные ореолом науки лозунги, превратившие глубокое историческое сознание времени в исконном мышлении в разменную монету. В конце концов отпала и диалектика. Против марксизма выступили в своей слепой диалектике материалистические и экономические упрощения и варианты натурализации человеческого бытия, основанные на различии рас. В них было утеряно подлинное историческое сознание времени.

В диалектике Гегеля картина всеобщей мировой истории служила образом, в котором настоящее понимало само себя; оставалась другая возможность отстраниться от конкретной истории с ее далеким богатством и полностью направить все внимание на настоящее. Уже Фихте занимался такой критикой времени в своих "Основных чертах современной эпохи", правда основываясь на абстрактной конструкции всемирной истории от ее начала до ее завершения (в качестве секуляризации христианской философии истории) и устремляя взор на ее самую низкую точку – на современность как эпоху совершенной греховности. Первую обширную критику своего времени, отличающуюся по своей серьезности от всех предшествующих, дал Кьеркегор. Его критика впервые воспринимается как критика и нашего времени, она воспринимается так, будто написана вчера. Кьеркегор ставит человека перед ничто. Ницше, не зная Кьеркегора, выступил через несколько десятилетий его последователем. Он предвидел появление европейского нигилизма, неумолимо поставив диагноз своему времени. Оба философа воспринимались их современниками как чудаки, которые вызвали, правда, сенсацию, но к которым серьезно относиться нельзя. Эти философы предрекли будущее, исходя из того, что уже существовало, но еще никого не беспокоило. Поэтому они только теперь стали вполне современными мыслителями.

Через XIX в. проходило, по сравнению с Кьеркегором и Ницше, более мрачное осознание времени. В то время как публика была удовлетворена образованием и прогрессом, ряд самостоятельно мыслящих людей были полны мрачных предчувствий. Гете мог сказать: "Человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения". Нибур, испуганный июльской революцией, в 1830 г. писал: "Теперь нам, если Бог не поможет чудом, предстоит разрушение, подобное тому, которое испытал римский мир около середины III века нашего летосчисления: уничтожение благосостояния, свободы, образования, науки". Несмотря на то что уже Талейран сказал, что подлинную сладость жизни знали только те, кто жил до 1789 г., теперь, когда мы ретроспективно взираем на десятилетия до 1830 г., они представляются нам днями счастливого покоя, блаженным временем. Так это и идет: каждое новое поколение ощущает упадок и, обращая свой взор к прошлому, видит сияющим то, что само уже ощущало себя погибшим. Токвиль считал (1835) возникающую демократию не только неизбежной, но и исследовал ее в ее особенности; вопрос заключался для него не в том, как ее предотвратить, а как направить ее развитие таким образом, чтобы разрушения были минимальны. Многие различали сопутствующее ей варварство. Буркгардт пророчески испытывал перед ней глубочайший ужас. До этого (1829) с трезвой объективностью вывел свои заключения Стендаль: "По моему мнению, свобода в течение ста лет убьет эстетическое восприятие. Оно безнравственно, ибо совращает, ведя к блаженству любви, к пассивности и к преувеличению. Представим себе, что человека, обладающего эстетическим восприятием, ставят во главу строительства канала; вместо того чтобы холодно и разумно закончить строительство, он полюбит этот канал и наделает глупостей". "Двухпалатная система завоюет мир и нанесет изящным искусствам смертельный удар. Вместо того чтобы построить прекрасную церковь, властители будут помышлять об

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
инвестиции своего капитала в Америке, чтобы при неблагоприятных обстоятельствах остаться богатыми людьми. При господстве двухпалатной системы я предвижу две вещи: они никогда не истратят двадцать миллионов в течение пятидесяти лет, чтобы создать нечто подобное собору святого Петра; они введут в салоны множество почтенных, очень богатых людей, лишенных, однако, благодаря своему воспитанию того тонкого такта, без которого невозможно восторгаться искусством". Художникам, которые хотя бы чего-либо достигнуть в обществе, следует посоветовать: "Становитесь владельцами сахарных заводов или фабрикантами фарфора, тогда вы скорее станете миллионерами и депутатами". Ранке пишет об упадке в дневниковой записи 1840 г.: "Прежде великие убеждения были всеобщие; на их основе строили свою дальнейшую деятельность. Теперь же все является, так сказать, призывом, и это все. Ничто больше не проникает в душу, все тонет в тишине. Достигает успеха тот, кто высказывает настроение своей партии и находит у нее понимание". Политик Кавур видит неизбежность демократии так же, как и исследователь Токвиль. В письме 1835 г. Кавур пишет: "Мы не можем больше обманывать себя, общество большими шагами движется к демократии... Аристократия быстро гибнет... Для патрициата нет больше места в сегодняшней организации общества. Какое же оружие остается еще в борьбе с поднимающимися народными массами? У нас нет ничего прочного, ничего действенного, ничего постоянного. Хорошо это или плохо? Не знаю. Но, по моему мнению, это неизбежное будущее людей. Подготовимся же к этому или подготовим к нему по крайней мере наше потомство" [[1]]. Он видит, что современное общество "фатально движется в своем развитии в сторону демократии", а "пытаться препятствовать ходу событий означало бы поднять бурю, не обладая возможностью привести корабль в гавань".

Рассматривается ли время под углом зрения политики, благополучия людей, процветания искусства или оставшейся еще возможности человеческого существования, ощущение опасности проходит через все последнее столетие: человек ощущает угрозу. Подобно тому как христианин, ожидая упадка мира как мира, держится за благую весть и находит вне мира то, что ему только и было нужно, так теперь некоторые, ожидая гибели мира, держатся за свою убежденность в созерцании сущностного. Гегель, видя упадок своего времени, признает, что умиротворена должна быть сама действительность, а не только философия. Ибо философия в качестве умиротворения человека есть лишь частичная всеобщность, без внешней. "Она в этом отношении - лишь обособленное святилище, и ее служители составляют лишь изолированную группу священников, которым нельзя идти вместе с миром, а следует хранить владение истиной. Как временная, эмпирическая современность выйдет из состояния разлада, следует предоставить решить ей самой; это не есть непосредственное практическое дело философии". Шиллер пишет: "Мы хотим быть и остаться гражданами нашего времени, так как иначе быть не может, однако по своему духу философ и поэт обладают привилегией - и в этом их долг - не принадлежать ни одному народу и ни одному времени, но оставаться в подлинном смысле слова современником всех времен". В других случаях пытаются вернуться к христианству, как это делает Грундтвиг: "Наша эпоха находится на перепутье, быть может, на самом резком повороте, известном истории; старое исчезло, а новое колеблется, не зная спасения; никто не решит загадку будущего, где же найти нам покой души, если не в слове, которое будет незыблемо стоять, когда смешаются Земля и Небо и миры будут свернуты, как ковер?" Им всем, однако, противостоит Кьеркегор; он жаждет христианства в его исконной подлинности таким, каким оно только и может быть теперь в такое время: как мученичество отдельного человека, который сегодня уничтожается массой и избегает фальши благополучия в качестве пастора или профессора в сфере объективной теологии или активной философии, в качестве агитатора или стремящегося к правильному устройству мира; он не может указать времени, того, что надлежит делать, но может заставить почувствовать, что оно лишено истины.

Эти выдержки из документов, свидетельствующих о сознании времени преимущественно в первую половину XIX в., можно было бы бесконечно увеличивать. Почти все мотивы критики современности оказываются вековой давности. Перед войной и в ходе войны появились наиболее известные отражения нашего мира: "Критика нашего времени" Ратенау (1912) и "Закат Европы" Шпенглера (1918). Ратенау дает проницательный анализ механизации нашей жизни, Шпенглер - богатую материалом и наблюдениями натуралистическую философию истории, в которой упадок утверждается как необходимое в определенное время и соответствующее закону морфологии культур явление. Новое в этих попытках составляет близость к материалу современности, подтверждение мыслей автора количественно увеличившимся материалом (ибо мир

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org приблизился к тому, что раньше наблюдалось лишь в начатках, к проникновению мыслей в самые далекие сферы) и все более отчетливое пребывание перед ничто. Ведущими мыслителями являются Кьеркегор и Ницше. Однако христианство Кьеркегора не нашло последователя; вера ницшевского Заратустры не принимается. Но к тому, как оба мыслителя открывают ничто, после войны прислушиваются, как никогда раньше.

Распространилось сознание того, что все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности. Отделившееся сознание времени перевернулось.

2. Истоки современного положения

Вопрос о современной ситуации человека как результате его становления и его шансов в будущем поставлен теперь острее, чем когда-либо. В ответах предусматривается возможность гибели и возможность подлинного начинания, но решительный ответ не дается.

То, что сделало человека человеком, находится за пределами переданной нам истории. Орудия в постоянном владении, создание и употребление огня, язык, преодоление половой ревности и мужское товарищество при создании постоянного общества подняли человека над миром животных.

По сравнению с сотнями тысячелетий, в которых, по-видимому, совершались эти недоступные нам шаги к тому, чтобы стать человеком, зримая нами история приблизительно в 6000 лет занимает ничтожное время. В нем человек выступает как существо, распространившееся на поверхности Земли в множестве различных типов, которые лишь очень мало связаны или вообще не связаны друг с другом и не знают друг друга. Из их числа человек западного мира, который завоевал земной шар, способствовал тому, чтобы люди узнали друг друга и поняли значение своей взаимосвязанности внутри человечества, выдвинулся посредством последовательного проведения следующих принципов: Ни перед чем не останавливающаяся рациональность, основанная на греческой науке, ввела в существование господство техники и счета. Общезначимое научное исследование, способность к предвидению правовых решений в рамках формального, созданного Римом права, калькуляция в экономических предприятиях, вплоть до рационализации всей деятельности, в том числе и той, которая в процессе рационализации уничтожается, - все это следствие позиции, безгранично открытой принуждению логической мысли и эмпирической объективности, которые постоянно должны быть понятны каждому.¹

Субъективность самобытия ярко проявляется у еврейских пророков, греческих философов и римских государственных деятелей. То, что мы называем личностью, сложилось в таком облике в ходе развития человека на Западе и с самого начала было связано с рациональностью в качестве ее коррелята.²

В отличие от восточного неприятия мира и связанной с этим возможностью "ничто" как подлинного бытия западный человек воспринимает мир как фактическую действительность во времени. Лишь в мире, а не вне мира он обретает уверенность в себе. Самобытие и рациональность становятся для него источником, из которого он безошибочно познает мир и пытается господствовать над ним.³

Эти три принципа утвердились лишь в последних столетиях. XIX в. принес их полное проявление вовне. Земной шар стал повсюду доступен, пространство распределено. Впервые планета стала единым всеобъемлющим местом поселения человека. Все взаимосвязано. Техническое господство над пространством, временем и материей растет беспредельно уже не благодаря случайным отдельным открытиям, а посредством планомерного труда, в рамках которого само открытие становится методическим и достижимым.

После тысячелетней обособленности развития человеческих культур в последние четыре с половиной века шел процесс завоевания мира европейцами, а последнее столетие знаменовало завершение этого процесса. Это столетие, в котором движение совершалось ускоренным темпом, знало множество личностей, полностью зависевших от самих себя, знало гордыню вождей и правителей, восторг первооткрывателей, отвагу, основывающуюся на расчете, знание

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
предельных границ; оно знало также глубину духа, сохраняющуюся в подобном мире. Сегодня мы воспринимаем этот век как наше прошлое. Произошел переворот, содержание которого мы воспринимаем, правда, не как нечто позитивное, а как нагромождение неизмеримых трудностей: завоевание внешних территорий натолкнулось на предел; расширяющееся вовне движение как бы натолкнулось на самое себя.

Принципы западного человека исключают простое повторение по кругу. Постигнутое сразу же рационально ведет к новым возможностям. Действительность не существует как сущая определенным образом, она должна быть охвачена постижением, которое является одновременно вмешательством и действием. Быстрота движения росла от столетия к столетию. Нет больше ничего прочного, все вызывает вопросы и втянуто в возможное преобразование при внутреннем трении, неизвестном XIX в.

Ощущение разрыва со всей предыдущей историей присуще всем. Но новое не является таким преобразованием общества, которое влечет за собой разрушение, перемещение имущества, уничтожение аристократии. Более чем четыре тысячи лет тому назад в Древнем Египте произошло то, что папирус описывает следующим образом: "Списки отняты, писцы уничтожены, каждый может брать зерна, сколько захочет... Подданных больше нет... страна вращается, как гончарный круг: высокие сановники голодают, а горожане вынуждены сидеть у мельницы, знатные дамы ходят в лохмотьях, они голодают и не смеют говорить... Рабыням дозволено разглагольствовать, в стране грабежи и убийства... Никто больше не решается возделывать поля льна, с которых снят урожай; нет больше зерна, голодные люди крадут корм у свиней. Никто не стремится больше к чистоте, никто больше не смеется, детям надоело жить. Людей становится все меньше, рождаемость сокращается и в конце концов остается лишь желание, чтобы все это скорее кончилось. Нет ни одного должностного лица на месте, и страну грабят несколько безрассудных людей царства. Начинается эра господства черни, она возвышается над всем и радуется этому по-своему. Эти люди носят тончайшие льняные одежды и умащают свою плешь мирром... Своему богу, которым они раньше не интересовались, они теперь курят фимиам, правда фимиам другого. В то время как те, кто не имел ничего, стали богаты, прежние богатые люди лежат беззащитными на ветру, не имея постели. Даже сановники старого государства вынуждены в своем несчастье лыстить поднявшимся выскочкам".

Не может быть это новое и тем сознанием зыбкости и плохих условий, в которых нет более ничего надежного, о котором повествует Фукидид, описывая поведение людей в период Пелопоннесской войны.

Для характеристики этого нового мысль должна проникнуть глубже, чем при рассмотрении общих для человечества возможностей переворота, беспорядка, упадка нравов. Спецификой Нового времени является со времени Шиллера разбожествление мира. На Западе этот процесс совершен с такой радикальностью, как нигде. Существовали неверующие скептики в Древней Индии и в античности, для них имело значение только чувственно данное, к захвату которого они, хотя и считая его, правда, ничтожным, устремлялись без каких-либо угрызений совести. Однако они еще совершали это в таком мире, который фактически и для них оставался как целое одухотворенным. На Западе как следствие христианства стал возможным иной скепсис: концепция надмирового Бога-творца превратила весь сотворенный им мир в его создание. Из природы были изгнаны языческие демоны, из мира - боги. Сотворение стало предметом человеческого познания, которое сначала как бы воспроизводило в своем мышлении мысли Бога. Протестантское христианство отнеслось к этому со всей серьезностью; естественные науки с их рационализацией, математизацией и механизацией мира были близки этой разновидности христианства. Великие естествоведы XVII и XVIII вв. оставались верующими христианами. Но когда в конце концов сомнение устранило Бога-творца, в качестве бытия остался лишь познаваемый в естественных науках механизированный образ, что без предшествующего сведения мира к творению никогда бы с такой резкостью не произошло.

Это разбожествление - не неверие отдельных людей, а возможное последствие духовного развития, которое в данном случае в самом деле ведет в ничто. Возникает ощущение никогда ранее не испытанной пустоты бытия, по сравнению с которой самое радикальное неверие античности было защищено полнотой образов еще сохраненной мифической действительности; она сквозит и в дидактической поэме эпикурейца Лукреция. Такое развитие не является, правда, неотвратимо обязательным для сознания, ибо оно предполагает

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
искажение смысла точных наук в познании природы и абсолютизацию, перенесение их абсолютизированных категорий на бытие в целом. Однако оно возможно и стало действительностью, чему способствовали громадные технические и практические успехи названного познания. То, что ни один бог за тысячелетие не сделал для человека, человек делает сам. Вероятно, он надеялся узреть в этой деятельности бытие, но, испуганный, оказался перед им самим созданной пустотой.

Современность сравнивали со временем упадка античности, со временем эллинистических государств, когда исчез греческий мир, и с третьим веком после рождения Христа, когда погибла античная культура. Однако есть ряд существенных различий. Прежде речь шла о мире, занимавшем небольшое пространство земной поверхности, и будущее человека еще было вне его границ. В настоящее время, когда освоен весь земной шар, все, что остается от человечества, должно войти в цивилизацию, созданную Западом. Прежде население уменьшалось, теперь оно выросло в неслыханных ранее размерах. Прежде угроза могла прийти только извне, теперь внешняя угроза для целого может быть лишь частичной, гибель, если речь идет о гибели целого, может прийти только изнутри. Самое очевидное отличие от ситуации третьего века состоит в том, что тогда техника была в состоянии стагнации, начинался ее упадок, тогда как теперь она в неслыханном темпе совершает свое неудержимое продвижение.

Тем внешне наблюдаемым новым, что с этого времени должно служить основой человеческому существованию и ставить перед ним новые условия, является это развитие технического мира. Впервые начался процесс подлинного господства над природой. Если представить себе, что наш мир погибнет под горами песка, то последующие раскопки не поднимут на свет прекрасные произведения искусства, подобные античным (нас до сих пор восхищают античные мостовые); от последних веков Нового времени останется по сравнению с прежними такое количество железа и бетона, что станет очевидным: человек заключил планету в сеть своей аппаратуры. Этот шаг имеет по сравнению с прежним временем такое же значение, как первый шаг к созданию орудий вообще: появляется перспектива превращения планеты в единую фабрику по использованию ее материалов и энергий. Человек вторично прорвал замкнутый круг природы, покинул ее, чтобы создать в ней то, что природа, как таковая, никогда бы не создала; теперь это создание человека соперничает с ней по силе своего воздействия. Оно предстает перед нами не столько в зримости своих материалов и аппаратов, сколько в действительности своих функций; по остаткам радиомачт археолог не мог бы составить представление о созданной ими всеобщей для людей всей Земли доступности событий и сведений.

Однако характер разбожествления мира и принцип технизации еще недостаточны для постижения того нового, что отличает наши века, а в своем завершении – нашу современность от прошлого. Даже без отчетливого знания людей нас не покидает ощущение, что они живут в момент, когда в развитии мира достигнут рубеж, который несоизмерим с подобными рубежами отдельных исторических эпох прошлых тысячелетий. Мы живем в духовно несравненно более богатой возможностью и опасностями ситуации, однако, если мы с ней не справимся, она неизбежно превратится в наиболее ничтожное время для оказавшегося несостоятельным человека.

Взирая на прошедшие тысячелетия, может показаться, что человек достиг в своем развитии конца или же он в качестве носителя современного сознания находится лишь в начале своего пути, в начале своего становления, но, обладая на этот раз средствами и возможностью реального воспоминания, на новом, совершенно ином уровне.

3. Ситуация вообще

До сих пор о ситуации речь шла в абстрактной неопределенности. В конечном итоге в определенной ситуации находится лишь отдельный человек. Перемещая ее, мы мыслим ситуацию групп, государств, человечества, институтов, таких, как церковь, университет, театр; объективных образований – науки, философии, поэзии. Когда воля отдельных людей охватывает их как свою вещь, эта воля оказывается вместе со своей вещью в определенной ситуации. Ситуации могут быть либо бессознательными – тогда они оказывают воздействие так, что тот, кого это касается, не знает, как это происходит. Либо они рассматриваются как наличные для сознающей самое себя воли, которая может их принять, использовать и изменить. Ситуация, ставшая осознанной, вызывает к определенному поведению. Благодаря ей не происходит автоматически

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
неизбежного; она указывает возможности и границы возможностей: то, что в ней происходит, зависит также от того, кто в ней находится, и от того, как он ее познает. Само постижение ситуации уже изменяет ситуацию, поскольку оно апеллирует к возможному действию и поведению. Увидеть ситуацию означает начать господствовать над ней, а обратить на нее пристальный взор – уже борьбу воли за бытие. Если я ищу духовную ситуацию времени, это означает, что я хочу быть человеком до поры, пока я еще противостояю человеческому бытию, я размышляю о его будущем и его осуществлении, но как только я сам становлюсь им, я пытаюсь мысленно реализовать его посредством уяснения фактически схваченной ситуации в моем бытии.

Каждый раз возникает вопрос, какую же ситуацию я имею в виду.

Во-первых, бытие человека находится в качестве существования в экономических, социальных, политических ситуациях, от реальности которых зависит все остальное, хотя не они только делают ее действительной.

Во-вторых, существование человека как сознания находится в сфере познаваемого. Исторически приобретенное, наличное теперь знание в своем содержании и в характере того, как происходит познание и как знание методически расчленяется и расширяется, является ситуацией, по возможности ясной для человека.

В-третьих, то, чем он сам станет, ситуационно обусловлено людьми, с которыми он встретится, и возможностями веры, к нему зывающими.

Поэтому, если я ищу духовную ситуацию, я должен принимать во внимание фактическое существование, возможную ясность знания, апеллирующее самобытие в своей вере, все те обстоятельства, в которых находит себя отдельный человек. В своем социологическом существовании индивид неизбежно занимает предназначенное ему место и поэтому не может присутствовать повсюду в одинаковой мере. Даже чисто внешнее знание того, как человек себя чувствует во всех социологических ситуациях, никому в настоящее время не доступно. То, что человеку одного типа представляется само собой разумеющимся повседневным существованием, может быть чуждо большинству остальных людей.

Правда, в настоящее время для отдельного человека возможна большая мобильность, чем когда-либо, пролетарий мог в прошлом веке стать хозяйственником, теперь – министром. Но эта мобильность фактически существует лишь для немногих, и в ней обнаруживается тенденция к сокращению и к принудительному социальному статусу.

В настоящее время мы действительно обладаем знанием основных типов нашего общества – знанием о рабочем, служащем, крестьянине, ремесленнике, предпринимателе, чиновнике. Однако именно это делает сомнительной общность человеческой ситуации для всех. При распадении прежних связей теперь вместо общей судьбы людей стала ощущаться новая связь каждого индивида с его местом внутри социального механизма. Обусловленность происхождения теперь, как и прежде, не может быть, невзирая на мобильность, устранена. Общим сегодня является не человеческое бытие как всепроникающий дух, а расхожие мысли и лозунги, средства сообщения и развлечения. Они образуют воду, в которой плавают, а не субстанцию, быть частью которой означает бытие. Общая социальная ситуация не есть решающее, она скорее то, что ведет к ничтожеству. Решающим является возможность самобытия, еще не становящегося сегодня объективным в своем особом мире, который включает в себя мир общий для всех, вместо того чтобы подвергаться его вторжению. Это самобытие не есть сегодняшний человек вообще; оно состоит в недоступной определению задаче узнать посредством овладения судьбой свою историческую связанность.
1.

В области знания сегодняшняя ситуация характеризуется растущей доступностью его формы, метода и часто содержания все большему числу людей. Однако границы знания очень различны не только по объективным возможностям, но и прежде всего, потому что субъективная воля человека недостаточно велика и неспособна к исковой жажде знания. В знании общая ситуация была бы в принципе возможна для всех как наиболее универсальная коммуникация, которая с наибольшей вероятностью могла бы единообразно определить духовную ситуацию людей одного времени. Однако из-за различия людей по их стремлению к знанию такая коммуникация исключена.
2.

Для того, как самобытию принимать в себя другое самобытие, обобщенной

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
ситуации не существует, необходима абсолютная историчность встречающихся, глубина их соприкосновения, верность и независимость их личной связи. При ослаблении содержательной объективной прочности общественного существования человек отбрасывается к этому исконному способу его бытия с другими, посредством которого только и может быть построена заново полная содержанием объективность.3.

Несомненно, что единой ситуации для людей одного времени не существует. Если бы я мыслил бытие человека как единую субстанцию, существовавшую на протяжении веков во всех специфических ситуациях, то моя мысль потерялась бы в сфере воображаемого. Если для божества и есть подобный процесс в развитии человечества, то я при самых обширных знаниях все-таки нахожусь внутри такого процесса, а не вне его. Несмотря на все это, т. е. невзирая на три типа, мы привыкли говорить о духовной ситуации времени, как будто она одна. В этом пункте, однако, пути мышления разделяются.

Перемещаясь на позицию наблюдающего божества, можно набросать картину целого. В тотальном историческом процессе человечества мы находимся на данном определенном месте, в современности как целостности отдельный человек занимает данное определенное место. Объективное целое, представляется ли оно отчетливо конструированным или смутным в своей неопределенности, становящимся, составляет тот фон, на котором я утверждаюсь в моей ситуации, в ее необходимости, особенности и изменяемости. Мое место как бы определено координатами: то, что я существую, – функция этого места; бытие – целое, я его следствие, модификация или член. Моя сущность – историческая эпоха, как и социологическое положение в целом.

Историческая картина универсального развития человечества как необходимого процесса, в каком бы образе его ни мыслить, оказывает магическое воздействие. Я – то, что есть время. А то, что есть время, выступает как определенное место в развитии. Если я его знаю, то знаю требование времени. Для того чтобы достигнуть понимания подлинного бытия, я должен знать целое, в соответствии с которым я определяю, где мы находимся сегодня. Задачи современности следует высказывать как совершенно специфическое, высказывать с пафосом абсолютной значимости для настоящего. Ими я ограничен, правда, настоящим, но поскольку я вижу их в нем, я принадлежу одновременно целому во всей его протяженности. Никому не дано выйти за пределы своего времени, стремясь к этому, он провалился бы в пустоту. Зная свое время благодаря знанию целого или рассматривая это знание как осмысленную цель, обладая этим знанием, я обращаюсь в своей самодостоверности против тех, кто не признает известные мне требования времени: они обнаруживают свою несостоятельность перед временем, трусливость, это – дезертиры действительности.

Под влиянием таких мыслей возникает страх оказаться несовременным. Все внимание направлено на то, чтобы не отстать: будто действительность сама по себе идет своим шагом и надо стараться идти в ногу с ней. Высшее требование – делать то, "чего требует время". Считать что-либо прошедшим: докантовским, домартовским, довоенным – означает покончить с ним. Полагают, что достаточно с упреком сказать: это не соответствует времени, ты чужд требованиям времени, не понимаешь нового поколения. Только новое становится истинным, только молодежь – действительностью времени. Исходить надо любой ценой из сегодняшнего дня. Это стремление к утверждению, к себе такому, как человек есть, ведет к шуму современности, к прославляющим его фанфарам, будто уже доказано, что есть сегодняшний день.

Это рассмотрение целого, мнение, будто можно знать, что есть в истории и современности целое, – основное заблуждение; само бытие этого целого проблематично. Определяю ли я целое как Духовный принцип, как своеобразное ощущение жизни, как социологическую структуру, как особое хозяйственное устройство или государственность, во всех этих случаях я постигаю не глубину происхождения целого, а лишь возможную перспективу ориентации. Ибо то, из чего я ни в каком смысле не могу выйти, я не могу увидеть извне. Там, где собственное бытие еще участвует в том, что теперь совершается, превосходящее знание не более чем волеизъявление: воздействие того пути, на который я хочу вступить, обида, от которой я, ненавидя это знание, избавляюсь, пассивность, которая получает таким образом свое оправдание, эстетическое удовольствие от величия этой картины, жест, от которого я жду признания своей значимости.

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
Тем не менее, для того чтобы прийти к пониманию подлинной основы собственной ситуации, перспективы знания во всей своей относительности не только осмысленны, но и необходимы, если делается попытка пойти другим, истинным путем, неизвестным целому. Я могу беспрестанно стремиться понять мое время, исходя из его ситуаций, если знаю, как, посредством чего и в каких границах я знаю. Знание своего мира – единственный путь, на котором можно достигнуть сознания всей величины возможного, перейти затем к правильному планированию и действенным решениям и наконец обрести те воззрения и мысли, которые позволят посредством философствования понять сущность человеческого бытия в его шифрах как язык трансцендентности.

Следовательно, на истинном пути возникает антиномия; она состоит в том, что импульс к постижению целого должен потерпеть неудачу из-за неминуемого распада целого на отдельные перспективы, и констелляции, из которых затем вновь пытаются построить целое.

Поэтому абсолютизация полюсов ведет на ложные пути: я принимаю целое за нечто знакомое, а между тем передо мной только образ; или руководствуюсь отдельной перспективой, не обладая даже интенцией к поискам целого, и искажаю ситуацию тем, что принимаю случайность, определенную как конечную, за абсолютное.

Заблуждения в отношении к целому имеют в своей противоположности нечто общее. Абстрактный образ целого служит успокоением для того, кто стоит как бы в стороне и фактически ни в чем не участвует, разве что сожалея, восхваляя или вдохновенно надеясь – так, будто он говорит о чем-то, его не касающемся. Фиксация конечной ситуации в своем знании бытия сама по себе замыкает сознание в узости его случайности. Образы же целого и полная уверенность особенного также ведут к инертности, к желанию удовлетвориться своей деятельностью; то и другое препятствует проникновению в собственную основу.

Обоим этим заблуждениям противостоит отношение к бытию как к ориентирующемуся самобытию; целью уяснения ситуации является возможность сознательно с наибольшей решимостью постигнуть собственное становление в особой ситуации. Для действительно существующего в ней индивида бытие не может обрести в знании свою полноту ни как история, ни как современность. По отношению к действительной ситуации единичного человека каждая воспринятая в своей всеобщности ситуация является абстракцией, ее описание обобществляющей типизацией; по сравнению с ней в конкретной ситуации будет многого недоставать и добавляться многое другое, не достигая завершающего знания. Но образы ситуации служат импульсом, который вновь заставляет индивида обратиться к тому, что, по существу, только и имеет значение.

Построение духовной ситуации современности, целью которого не является замкнутый образ созданной картины бытия, не будет завершеным. Зная о границах доступного знанию и об опасности абсолютизации, оно создаст каждый образ так, чтобы ощущался и другой. Оно сведет их к отдельным перспективам, каждая из которых в своей обособленности значима, но значима не абсолютно.

Если порядок существования масс людей в качестве принципа и положен в основу действительности, то этот принцип перестает действовать на тех границах, на которых решающими для этого существования окажутся анонимные силы.

Если распад духовной деятельности и рассматривается, то лишь до той границы, на которой становится видимым начало новых возможностей.

Если специфичность времени видеть так, как мыслят человеческое бытие, то изложение приведет именно к тому пункту, где философия человеческого бытия переходит в экзистенциальную философию.

Если, излагая, автор указывает на прогноз в своем рассмотрении, то лишь с целью выявить этот прогноз как побуждающий к действию.

Если речь идет о бытии, то лишь с целью сделать зримым самобытие.

В антитезах, не контрастирующих друг с другом на одной плоскости (с каждой из них появляется совершенно новая плоскость бытия), будет проходить размышление о духовной ситуации времени – мышление, которое в конечном итоге не знает, что есть, но ищет посредством знания, что может быть.

То, что могло бы знать божество, человек знать не может. Этим знанием он устранил бы свое бытие во времени, которое должно лечь в основу его знания.

Первая часть

Массовый порядок и обеспечение существования

В водовороте современного существования часто становится непостижимым, что, собственно, происходит. Неспособные спастись на берегу, что позволило бы обозреть целое, мы косимся в своем существовании, как по морю. Водоворот создает то, что мы видим только тогда, когда он нас увлекает за собой.

Однако это существование рассматривается в настоящее время как само собой разумеющееся, как массовое обеспечение посредством рационального производства на основе технических открытий. Когда это знание постигаемого процесса в целом превращается в осознание бытия современности, неизбежным становится уже не непостижимый в своих возможностях водоворот, а действующий в ходе необходимого экономического развития аппарат.

Ставя перед собой цель уяснения нашей духовной ситуации, мы исходим из того, как в настоящее время рассматривается действительность. Сжатое воспроизведение известного должно сделать ощутимым значение этого знания: если постигнутая в нем действительность сама по себе могущественна, то это знание, как таковое, превращается в новую, духовную силу, которая, если она будет не ограничена обстоятельно обоснованным рациональным применением для отдельной целенаправленной деятельности, а абсолютизирована и превращена в общую картину существования, оказывается верой, которую остается лишь принять или отвергнуть. В то время как научное исследование по своей специфике направлено на исследование характера и уровня хозяйственных сил, для духовного осознания ситуации решающим является ответ на вопрос, следует ли считать эти силы и то, что они создают, единственной господствующей над всем действительностью человека.

Массовое существование и его условия. По подсчетам 1800 г., население Земли составляло около 850 миллионов, сегодня оно равно 1800 миллионам. Этот неведомый ранее рост населения в течение одного столетия стал возможным благодаря развитию техники. Открытия и изобретения создали: новый базис производства, организацию предприятий, методическое изучение наибольшей производительности труда, транспорт и сообщение, повсюду доставляющие все необходимое, упорядочение жизни посредством формального права и полиции; и на основании всего этого – точную калькуляцию на предприятиях. Создавались предприятия, планомерно руководимые из центра, несмотря на то что на них заняты сотни тысяч людей; они распространили свое влияние на многие регионы планеты.

Это развитие связано с рационализацией деятельности: решения принимаются не инстинктивно или по склонности, а на основании знания и расчета; развитие связано и с механизацией: труд превращается в просчитанную до предела, связанную с необходимыми правилами деятельность, которая может быть совершена различными индивидами, но остается одной и той же. Там, где раньше человек только выжидал, предоставляя возникнуть необходимому, он теперь предвидит и ничего не хочет оставлять на волю случая. Рабочий вынужден в значительной степени превратиться в часть действующего механизма.

Массы населения не могут жить без огромного аппарата, в работе которого они участвуют в качестве колесиков, чтобы таким образом обеспечить свое существование. Зато мы обеспечены так, как никогда еще на протяжении всей истории не были обеспечены массы людей. Еще в начале XIX в. в Германии были периоды, когда люди страдали от голода. Болезни катастрофически уменьшали население, большинство детей умирало в грудном возрасте, лишь немногие люди доживали до старости. В настоящее время в регионах западной цивилизации возникновение голода в мирное время исключено. Если в 1750 г. в Лондоне ежегодно умирал один человек из двадцати, то теперь – один из восьмидесяти. Страхование на случай безработицы или болезни и социальное обеспечение не дают умереть с голоду нуждающемуся человеку, тогда как раньше это было само собой разумеющимся для целых слоев населения и по сей день является таковым для ряда стран Азии.

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
Обеспечение масс совершается не по определенному плану, а в чрезвычайно сложном взаимодействии различных видов рационализации и механизации. Это не рабовладельческое хозяйство, где людей используют как животных, а хозяйство, в котором люди по своей доброй воле каждый на своем месте, пользуясь полным доверием, участвуют в создании условий для функционирования целого. Политическая структура такого аппарата деятельности – демократия в той или иной ее разновидности. Никто не может больше на основе измышленного плана определять без согласия массы, что ей следует делать. Аппарат развивается в столкновении борющихся и согласно действующих волевых направленностей; критерием того, что делает индивид, служит успех, который в конечном итоге определяет продолжение или устранение его деятельности. Поэтому все действует по плану, но не по плану целого.

В соответствии с этим в течение двух веков сложилась в качестве основной науки политическая экономия. Поскольку в это время экономические, технические и социальные процессы все более определяли для общего сознания исторический ход вещей, знание их превратилось как бы в науку человеческих вещей вообще. С этим связана безмерная сложность в осуществлении принципа целерационального порядка в обеспечении существования, принципа, который сам по себе представляется столь простым. В этой сложности проявляется целый мир допустимого господства, который, будучи нигде не различимым как целое, существует только в постоянном видоизменении.

Сознание и век техники. Следствием развития техники для повседневной жизни является уверенность в обеспеченности всем необходимым для жизни, но таким образом, что удовольствие от этого уменьшается, поскольку эту обеспеченность ожидают как нечто само собой разумеющееся, а не воспринимают как позитивное исполнение надежды. Все становится просто материалом, который можно в любую минуту получить за деньги; в нем отсутствует оттенок лично созданного. Предметы пользования изготавливаются в громадном количестве, изнашиваются и выбрасываются; они легко заменимы. От техники ждут создания не чего-то драгоценного, неповторимого по своему качеству, независимого от моды из-за его ценности в жизни человека, не предмета, принадлежащего только ему, сохраняемого и восстанавливаемого, если он портится. Поэтому все связанное просто с удовлетворением потребности становится безразличным; существенным только тогда, когда его нет. По мере того как растет масштаб обеспечения жизни, увеличивается ощущение недостатка и угрозы опасности.

Среди предметов пользования существуют целесообразные, совершенно законченные виды, окончательные формы, производство которых может быть нормировано по определенному плану. Их не изобрел какой-нибудь один умный человек; это – результат процесса открытия и формирования на протяжении целого поколения. Так, велосипед развивался в течение двух десятилетий, принимая формы, которые теперь кажутся нам смешными, пока не обрел в ряде модификаций свой окончательный вид, сохраняемый им до сих пор. Если теперь несоответствием формы, завитушками и излишеством деталей, непрактичностью приспособлений, подчеркнутой и поэтому ненужной техничностью, идеал в целом ясен и в ряде случаев он осуществляется. Там, где он осуществлен, привязанность к какому-либо отдельному экземпляру теряет всякий смысл; нужна только форма, а не отдельный экземпляр, и, несмотря на всю искусственность, ощущается некая новая близость к вещам, как к чему-то созданному людьми.

Преодоление техникой времени и пространства в ежедневных сообщениях газет, в путешествиях, в массовом продуцировании и репродуцировании посредством кино и радио создало возможность соприкосновения всех со всеми. Нет более ничего далекого, тайного, удивительного. В имеющих важное значение событиях могут участвовать все. Людей, занимающих ведущие посты, знают так, будто ежедневно с ними встречаются.

Внутреннюю позицию человека в этом техническом мире называют деловитостью. От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности, не раскрытия действия таинственных сил, а ясного установления фактов. Сообщения должны быть выражены сжато, пластично, без каких-либо сантиментов. Последовательно излагаемые ценные соображения, воспринимаемые как материал полученного в прошлом образования, не считаются достойными внимания. Обстоятельность отвергается, требуется конструктивная мысль, не разговоры, а просто сообщение фактов. Все

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
существующее направлено в сторону управляемости и правильного устройства. Безотказность техники создает ловкость в обращении со всеми вещами; легкость сообщения нормализует знание, гигиену и комфорт, схематизирует то, что связано в существовании с уходом за телом и с эротикой. В повседневном поведении на первый план выступает соответствие правилам. Желание поступать, как все, не выделяться создает поглощающую все типизацию, напоминающую на другом уровне типизацию самых примитивных времен.

Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена. Отдельный человек живет как сознание социального бытия. В пограничном случае он ощущает радость труда без ощущения своей самости; живет коллектив, и то, что отдельному человеку казалось бы скучным, более того, невыносимым, в коллективе он спокойно принимает как бы под властью иного импульса. Он мыслит свое бытие только как "мы".

Бытие человека сводится к всеобщему; к жизнеспособности как производительной единицы, к тривиальности наслаждения. Разделение труда и развлечений лишает существование его возможного веса; публичное становится материалом для развлечения, частное – чередованием возбуждения и утомления и жаждой нового, неисчерпаемый поток которого быстро предается забвению; здесь нет длительности, это – только времяпрепровождение. Деловитость способствует также безграничному интересу к общей всем сфере инстинктивного: это выражается в воодушевлении массовым и чудовищным, созданными техникой, огромным скоплением народа, публичными сенсациями, вызванными делами, счастьем и ловкостью отдельных индивидов; в утонченной и грубой эротике, в играх, приключениях и даже в способности рисковать жизнью. Число участников в лотереях поразительно; решение кроссвордов становится излюбленным занятием. Объективное удовлетворение духовных стремлений без личного участия гарантирует деловое функционирование, в котором регулируется утомление и отдых.

В разложении на функции существование теряет свою историческую особенность, в своем крайнем выражении вплоть до нивелирования возрастных различий. Молодость как выражение высшей жизнеспособности, способности к деятельности и эротического восторга является желанным типом вообще. Там, где человек имеет только значение функции, он должен быть молодым; если же он уже немолод, он будет стремиться к видимости молодости. К этому добавляется, что возраст отдельного человека уже изначально не имеет значения; жизнь его воспринимается лишь в мгновении, временное протяжение жизни – лишь случайная длительность, она не сохраняется в памяти как значимая последовательность неотвратимых решений, принятых в различных биологических фазах. Если у человека, в сущности, нет больше возраста, он все время начинает с начала и всегда достигает конца: он может делать и то и это, сегодня это, завтра другое; все представляется всегда возможным, и ничто, по существу, не действительно. Отдельный человек – не более чем случай из миллионов других случаев, так почему бы ему придавать значение своей деятельности? Все, что происходит, происходит быстро, а затем забывается. Поэтому люди ведут себя, как будто они все одного возраста. Дети становятся по возможности раньше как бы взрослыми и участвуют в разговорах по собственному желанию. Там, где старость сама пытается казаться молодой, она не вызывает почтения. Вместо того чтобы делать то, что ей пристало, и тем самым служить молодым на определенной дистанции масштабом, старость принимает облик жизненной силы, которая свойственна в молодости, но недостойна в старости. Подлинная молодость ищет дистанции, а не беспорядка, старость – формы и осуществления, а также последовательности в своей судьбе.

Поскольку общая деловитость требует простоты, понятной каждому, она ведет к единым проявлениям человеческого поведения во всем мире. Единными становятся не только моды, но и правила общения, жесты, манеры говорить, характер сообщения. Общим становится и этос общения: вежливые улыбки, спокойствие, никакой спешки и настоятельных требований, юмор в напряженных ситуациях, готовность помочь, если это не требует слишком больших жертв, отсутствие близости между людьми в личной жизни, самодисциплина и порядок в толпе – все это целесообразно для совместной жизни многих и осуществляется.

Господство аппарата. Превращая отдельных людей в функции, огромный аппарат обеспечения существования изымает их из субстанциального содержания жизни, которое прежде в качестве традиции влияло на людей. Часто говорили: людей пересыпают, как песок. Систему образует аппарат, в котором людей

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
переставляют по своему желанию с одного места на другое, а не историческая субстанция, которую они заполняют своим индивидуальным бытием. Все большее число людей ведет это оторванное от целого существование. Разбрасываемые по разным местам, затем безработные, они представляют собой лишь голое существование и не занимают больше определенного места в рамках целого. Глубокая, существовавшая раньше истина – каждый да выполняет свою задачу на своем месте в сотворенном мире – становится обманчивым оборотом речи, цель которого успокоить человека, ощущающего леденящий ужас покинутости. Все, что человек способен сделать, делается быстро. Ему дают задачи, но он лишен последовательности в своем существовании. Работа выполняется целесообразно, и с этим покончено. В течение некоторого времени идентичные приемы его работы повторяются, но не углубляются в этом повторении так, чтобы они стали достоянием того, кто их применяет; в этом не происходит накопления самобытия. То, что прошло, не имеет значения, значимо лишь то, что в данную минуту происходит. Основное свойство этого существования – умение забывать; его перспективы в прошлом и будущем почти сжимаются в настоящем. Жизнь течет без воспоминаний и без предвидений во всех тех случаях, когда речь идет не о силе абстрагирующего, целесообразно направленного внимания на производительную функцию внутри аппарата. Исчезает любовь к вещам и людям. Исчезает готовый продукт, остается только механизм, способный создать новое. Насильственно прикованный к ближайшим целям, человек лишен пространства, необходимого для видения жизни в целом.

Там, где мерой человека является средняя производительность, индивид, как таковой, безразличен. Незаменимых не существует. То, в качестве чего он был, он – общее, не он сам. К этой жизни предопределены люди, которые совсем не хотят быть самими собой; они обладают преимуществом. Создается впечатление, что мир попадает во власть посредственности, людей без судьбы, без различий и без подлинной человеческой сущности.

Кажется, что объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное. Для него ни в чем не сквозит присутствие подлинного бытия. В удовольствии и неудовольствии, в напряжении и утомлении он выражает себя лишь как определенная функция. Живя со дня на день, он видит цель, выходящую за пределы сиюминутного выполнения работы, только в том, чтобы занять по возможности хорошее место в аппарате. Масса остающихся на своих местах отделяется от меньшинства бесцеремонно пробивающихся вперед. Первые пассивно пребывают там, где они находятся, работают и наслаждаются после работы досугом; вторых побуждают к активности честолюбие и любовь к власти; они изматываются, придумывая возможные шансы к продвижению и напрягая последние силы.

Руководство всем аппаратом осуществляется бюрократией, которая сама является аппаратом, т. е. людьми, превратившимися в аппарат, от которых зависят работающие в аппарате.

Государство, общество, фабрика, фирма – все это является предприятием во главе с бюрократией. Все, что сегодня существует, нуждается в множестве людей, а следовательно, в организации. Внутри бюрократического аппарата и посредством него возможно продвижение, которое предоставляет большую значимость при сходных, по существу, функциях, требующих только большей интеллигентности, умения, особых способностей, активных действий.

Господствующий аппарат покровительствует людям, обладающим способностями, которые позволяют им выдвинуться: умеющим оценивать ситуацию беспардонным индивидам, которые воспринимают людей по их среднему уровню и поэтому успешно используют их; они готовы в качестве специалистов подняться до виртуозности, одержимые желанием продвинуться, они способны жить, не задумываясь и почти не тратя времени на сон.

Далее, требуется умение завоевать расположение. Надо уметь уговорить, даже подкупить – безотказно нести службу, стать незаменимым, – молчать, надувать, немного, но не слишком лгать, быть неутомимым в нахождении оснований – вести себя внешне скромно, – в случае необходимости взывать к чувству, трудиться к удовольствию начальства, не проявлять никакой самостоятельности, кроме той, которая необходима в отдельных случаях.

Для того, кто по своему происхождению не может претендовать на высокие посты в бюрократическом аппарате, не подготовлен к тому воспитанием и должен добиться соответствующего положения своими силами, это связано с манерой поведения, с инстинктом, отношением к ценностям, и все это

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org представляет опасность для подлинного самобытия как условия ответственного руководства. Иногда может помочь счастливая случайность; однако, как правило, преуспевающие отличаются такими качествами, которые препятствуют им мириться с тем, что человек остается самим собой, и поэтому они с безошибочным чутьем пытаются всеми средствами вытеснить таких людей из своей сферы деятельности: они называют их самонадеянными, чудаками, односторонними и неприемлемыми в деле; их деятельность оценивается фальшивым абсолютным масштабом; они вызывают подозрение, их поведение рассматривается как провоцирующее, нарушающее покой, мир в обществе и престапующее должные границы. Поскольку высокого положения достигает только тот, кто пожертвовал своей сущностью, он не хочет допустить, чтобы другой ее сохранил.

Методы продвижения в аппарате определяют отбор нужных лиц. Так как достигает чего-либо только тот, кто рвется к успеху, но именно это он никогда не должен признавать в конкретной ситуации, приличным считается ждать, когда ты будешь позван: от поведения зависит, каким образом достигнуть желаемого, сохраняя видимость сдержанности. Сначала, обычно в обществе, как бы незаметно направляют разговор в нужную сторону. Как бы безразлично высказываются предположения. Им предшествуют такие выражения: я об этом не думаю... не следует ожидать, что... - и таким образом выражают свои желания. Если это ни к чему не приводит, то ничего сказано не было. Если же желаемый результат достигнут, то можно вскоре сообщить о поступившем предложении, сделав вид, что это произошло независимо от своего желания. Создается привычка утверждать многое, противоречащее друг другу. Со всеми людьми следует устанавливать такие отношения, чтобы обладать по возможности большими связями, используя ту, которая именно в данном случае необходима. Вместо товарищества самобытных людей возникает некая псевдодружба тех, кто молча находит друг друга в случае надобности, придавая своему общению форму обходительности и любезности. Не нарушать правил игры в удовольствиях, выражать каждому свое уважение, возмущаться, когда можно рассчитывать на соответствующий отклик, никогда не ставить под вопрос общие материальные интересы, какими бы они ни были, - все это и тому подобное существенно.

Господство массы. Масса и аппарат связаны друг с другом. Крупный механизм необходим, чтобы обеспечить массам существование. Он должен ориентироваться на свойства массы: в производстве - на рабочую силу массы, в своей продукции - на ценности массы потребителей.

Масса как толпа не связанных друг с другом людей, которые в своем сочетании составляют некое единство, как преходящее явление существовала всегда. Масса как публика - типический продукт определенного исторического этапа; это связанные воспринятыми словами и мнениями люди, не разграниченные в своей принадлежности к различным слоям общества. Масса как совокупность людей, расставленных внутри аппарата по упорядочению существования таким образом, чтобы решающее значение имела воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира, которая в публике и массах в качестве толпы принимает облик преходящего явления.

Прекрасный анализ свойств массы как временного единства толпы дал Лебон, определив их как импульсивность, внушаемость, нетерпимость, склонность к изменениям и т. д. Свойство массы в качестве публики состоит в призрачном представлении о своем значении как большого числа людей; она составляет свое мнение в целом, которое не является мнением ни одного отдельного человека; бесчисленные другие, ничем не связанные многие, мнение которых определяет решение. Это мнение именуется "общественным мнением". Оно является фикцией мнения всех, в качестве такового оно выступает, к нему взывают, его высказывают и принимают отдельные индивиды и группы как свое. Поскольку оно, собственно говоря, неосвязаемо, оно всегда иллюзорно и мгновенно исчезает - ничто, которое в качестве ничто большого числа людей становится на мгновение уничтожающей и возвышающей силой.

Познание свойств расчлененной в аппарате массы не просто и не однозначно. Что представляет собой человек, проявляется в том, что делает большинство: в том, что покупается, что потребляется, в том, на что можно рассчитывать, когда речь идет о многих людях, а не о склонности отдельных индивидов. Так же как статьи бюджета в частном хозяйстве служат характерным признаком сущности отдельного человека, так бюджет зависимого от большинства государства служит признаком сущности масс. О сущности человека можно судить, если быть осведомленным о наличных у него средствах, исходя из

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
того, на что у него есть деньги и на что их не хватает. Самым непосредственным образом узнать, чего можно в среднем ожидать, учит опыт, складывающийся из соприкосновения со многими людьми. Эти суждения поразительно сходны на протяжении тысячелетий. Объединенные в большом количестве люди как будто хотят только существовать и наслаждаться; они работают под действием кнута и пряника; они, собственно говоря, ничего не хотят, приходят в ярость, но не выражают свою волю; они пассивны и безразличны, терпят нужду; когда наступает передышка, они скучают и жаждут нового.

Для расчлененной в аппарате массы главное значение имеет фикция равенства. Люди сравнивают себя с другими, тогда как каждый может быть самим собой, только если он не сравним ни с кем. То, что есть у другого, я тоже хочу иметь; то, что может другой, мог бы и я. Тайно господствует зависть, стремление наслаждаться, иметь больше и знать больше.

Если в прежние времена, для того чтобы знать, на что можно рассчитывать, следовало знакомиться с князьями и дипломатами, то теперь для этого нужно быть осведомленным о свойствах массы. Условием жизни стала необходимость выполнять какую-либо функцию, так или иначе служащую массам. Масса и ее аппарат стали предметом нашего самого животрепещущего жизненного интереса. В своем большинстве она господствует над нами. Для каждого, кто сам не обманывает себя, она является сферой его полной служебной зависимости, деятельности, забот и обязательств. Он принадлежит ей, но она угрожает человеку гибелью в риторике и суеве, связанными с ее утверждением "мы - все"; ложное ощущение силы этого утверждения улетучивается как ничто. Расчлененная в аппарате масса бездуховна и бесчеловечна. Она - наличное бытие без существования, суеверие без веры. Она способна все растоптать, ей присуща тенденция не терпеть величия и самостоятельности, воспитывать людей так, чтобы они превращались в муравьев.

В процессе консолидации огромного аппарата по упорядочению жизни масс каждый должен ему служить и своим трудом участвовать в создании нового. Если он хочет жить, занимаясь духовной деятельностью, это возможно, только участвуя в умиротворении какой-либо массы людей. Он должен показать значимость того, что приятно массе. Она хочет обеспечения своего существования пропитанием, эротикой, самоутверждением; жизнь не доставляет ей удовольствия, если что-либо из этого отсутствует. Помимо этого ей нужен способ познания самой себя. Она хочет быть ведомой, но так, чтобы ей казалось, будто ведет она. Она не хочет быть свободной, но хочет таковой считаться. Для удовлетворения ее желаний фактически среднее и обычное, но не названное таковым должно быть возвышено или во всяком случае оправдано в качестве общечеловеческого. Недоступное ей именуется далеким от жизни. Для воздействия на массу необходима реклама. Поднимаемый ею шум служит в настоящее время формой, которую должно принимать каждое духовное движение. Тишина в человеческой деятельности в качестве формы жизни по-видимому исчезла. Необходимо показываться, читать доклады и произносить речи, вызывать сенсацию. В массовом аппарате в представительстве недостает подлинного величия. Нет празднеств. В подлинность праздников никто не верит, даже сами их участники. Достаточно представить себе папу совершающим торжественное путешествие через весь земной шар в центр нынешнего могущества, в Америку, примерно так, как он в средние века разъезжал по Европе, и мы сразу же увидим, насколько несравним с прошлым феномен нашего времени.

Вторая часть

Границы порядка существования

Описанные образы современного существования не следует считать единственными. Однако сегодня сложилось определенное направление в осуществлении, которое им соответствует, к тому же эти образы обрели столь далеко идущее господство в современном сознании, что многое из того, что было сказано, присутствует в современных языках независимо от мировоззрений и партий. Отраженная в них в своих перспективах действительность свидетельствует о неизмеримой зависимости человека; не только то, как он воспринимает знание, навязываемое ему в настоящее время духовной ситуацией, показывает, каким становится человек. Уже простое описание массового порядка неизбежно вызывает положительные и отрицательные оценки и тем самым отношение к нему мыслящего человека; перед человеком стоит вопрос, хочет ли он подчиниться осознаваемому им могуществу, которое как будто все

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org определяет, или видит иные открытые ему пути, куда не достигает эта мощь.

Абсолютизация всеохватывающего порядка существования формулируется таким образом: существование мыслится как планомерное удовлетворение всеобщих необходимых жизненных потребностей; пусть духовное вступает в мир, который требует его для себя, но оно не должно препятствовать желанию работать, напротив, ему надлежит способствовать удовлетворению потребностей, служить улучшению методов труда, техники и социального аппарата. Индивид существует только на службе целого, которое и обеспечивает в соответствии с этим возможное удовлетворение его потребностей; замыкающаяся в себе самой сфера человеческого существования, уходящего в бесконечность, сохранится до той поры, пока по утопическому предположению не настанет время, когда радость существования станет для всех тождественной радости, доставляемой трудом, на котором они держатся. Исходя из величайшего счастья наибольшего числа людей, смысл существования должен якобы заключаться в экономической обеспеченности масс, в полном удовлетворении их самых многообразных потребностей.

Однако, с одной стороны, полностью удовлетворить эти потребности невозможно, с другой – наличие таких представлений не является абсолютно господствующим в сознании современных людей. Техника, аппарат и массовое существование не исчерпывают бытие человека. Эти созданные им самим факторы оказывают, правда, на него обратное воздействие, но не являются полностью решающими в его существовании. Они наталкиваются на него самого, который есть и нечто другое. Человека нельзя вывести из ограниченного числа принципов; их построение бросает свет на связи, которые тем отчетливее показывают, что в них не входит. Поэтому с абсолютизацией знания в таком порядке существования связаны либо тайная ложная вера в возможность окончательно установить правильное устройство мира, либо безнадежное воззрение на все человеческое существование. Типичная для сторонников этого воззрения удовлетворенность при мысли о возможном достижении всеобщего благоденствия сопровождается игнорированием фактов, которых, по их мнению, можно будет избежать. Однако, вместо того чтобы колебаться между утверждением и отрицанием такого существования, следует довести до сознания границы порядка существования; тогда абсолютизация станет невозможной и перед духовно свободным сознанием, доведенным до понимания действительности в ее доступных знанию связях, откроются другие возможности.

Прежде всего оказывается, что обеспечивающий массы порядок существования не может достигнуть в понимании самого себя полной ясности и последовательности; поэтому он создает определенное духовное воззрение, современную софистику, открывающую, в какой мере отношение духа к этой абсолютизированной действительности лишено основы. Сверх того следует отчетливо понимать, что сохранение постоянного порядка существования вообще невозможно. Несомненна также невозможность завершения современного порядка существования: в качестве универсального аппарата существования он стремится охватить всю полноту существования отдельных людей в ее душевной наполненности; при этом аппарат испытывает в ряде случаев противодействие и неизбежно разрушился бы сам, если бы уничтожил своих соперников. Поскольку теперь все это стало полностью осознанным, представление о кризисе является выражением того, что все в опасности и нет более ничего радикально упорядоченного.

1. Современная софистика

Язык маскировки и возмущения. Границы рационального порядка существования проявляются в невозможности того, чтобы это существование могло быть понято и оправдано в своей действительности из самого себя. Для того чтобы удержаться в своей абсолютизации, оно нуждается в языке маскировки. И чем невозможнее становится достигнуть рациональной правильности, тем в большей степени это становится методом. Его масштаб "общее благо", утверждаемое как несомненное; его интерес – умиротворение всех, дабы они спокойно и упорядоченно выполняли свои функции. Ужасные стороны существования находят свое успокаивающее пояснение в определенных инстанциях. Если же приходится применять принуждение и насилие, то это посредством разделения ответственности приписывается недостижимой власти. То, что не мог бы взять на себя отдельный человек, осмеливается совершать аппарат. При неразрешимых проблемах взывают как к наиболее значимой инстанции к науке; служа публичному интересу, понятому как порядок существования, она готова в качестве компетентной инстанции предоставить в распоряжение аппарата вынесенное ею суждение, которое в самых трудных случаях должно быть

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org признано окончательным. Если компетентное лицо фактически не обладает и не может обладать нужным знанием, оно вынуждено обратиться к формулам, создающим видимость знания, например при оправдании политических актов посредством их интерпретации в терминах государственного права, при интернировании преступников, при толковании неврозов, вызванных несчастными случаями, для уменьшения страховых обязательств и т. д. Собственно говоря, сказанное значения не имеет; ценностным масштабом формулы служит возможность сохранить порядок, замаскировать то, что ставит его под сомнение.

Противоположным методом является язык возмущения. Он так же, как успокаивающий метод, служит массовому порядку, но скрывает истину другим методом. Вместо того чтобы обращаться к целому, изолируется и резко выделяется отдельный случай. В ярком свете, направленном на одно, скрывается другое. Совершается в любом смешении апелляция ко всем темным инстинктам, а равно и ко всем высшим этическим ценностям, и все это лишь с одной целью: оправдать возмущение. Подобно тому как язык рационального обоснования служит, исходя из общего блага, средством сохранить порядок, так язык изоляции и протеста служит средством разрушения.

Не обладающее подлинным пониманием самого себя, существование, пользующееся этим языком, теряет устойчивость. Там, где что-либо не является вопросом технического обеспечения существования, но его как будто касается, оставаясь фактически ему недоступным, обнаруживается неуверенность мнения и воления. Под обликом разумности и деловитости в действительности скрывается беспомощность. Если в дискуссии невозможно более утверждать что-либо с несомненностью, приходит на помощь притянутая ad hoc патетика. "Святость жизни", "величие смерти", "величие народа", "воля народа - воля Бога" и т. п. - таковы обороты речи тех, кто обычно кажется погруженным в повседневность существования. Устраняясь таким образом от дискуссий, они косвенно подтверждают, что существует нечто за пределами порядка существования; но поскольку сами они утратили свои корни, они не знают больше, чего они, собственно говоря, хотят. Эта софистика колеблется между оппортунистической ловкостью эгоистического существования и безрассудно гипертрофированной аффектацией.

Там, где нечто должно быть совершено многими, и никто, по существу, не знает, о чем идет речь и какова цель требуемых действий, где каждый пребывает в смятении, не зная, чего ему следует хотеть, возникает маскировка беспомощности. Те, кто обладают обеспечивающей их собственное существование управленческой позицией, апеллируют к единству, к ответственности, требуют трезвого мышления; они убеждают, что необходимо считаться с фактами, не теоретизировать, а действовать практически, находиться в боевой готовности, держать порох сухим (хотя стрелять никто не собирается), не заниматься враждебной властям политикой, предотвращать нападение всеми доступными средствами и прежде всего предоставить решение вождю, который найдет наилучший способ выйти из затруднения. Что же касается вождя, то он, выступая с мужественными речами, хотя в глубине души сам не знает, чего он хочет, держится своей позиции и предоставляет делам идти их ходом, не принимая никакого решения.

Нежелание принимать решения. Порядок существования требует мира для того, чтобы удержаться, и внушает страх перед принятием решения с целью софистически ощущать себя в своей ничтожности истинным поборником общего интереса. Жажда действий укрощается в отдельных индивидах, группах, организациях и партиях тем, что они взаимно ограничивают друг друга. Поэтому выравнивание именуется справедливостью, которую находят в том или ином компромиссе. Этот компромисс является либо установлением связи между гетерогенными интересами во имя единства существования, либо взаимной уступкой во избежание принятия решений. Правда, тот, кто вступает в сообщество взаимно обуславливающей деятельности, должен вследствие необходимой заботы о его сохранении стремиться к согласию, а не к борьбе; поэтому он отказывается в известных границах от себя, от своего индивидуального существования, чтобы сохранить возможность продолжения общего существования; он различает свое самобытие в его безусловности от существования в его относительности, внутри которого он именно как самобытие обладает силой к компромиссу. Но вопрос заключается в том, где компромисс требует в качестве предпосылки силы различающего самобытия и где он ведет к разложению самобытия, превращаясь в безграничное нивелирование в кооперировании со всеми.

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
ибо там, где человек в каком-либо деле полностью является самим собой, для него существует только "или - или", а не компромисс. Он хочет довести понимание вещей до крайнего предела, чтобы затем принять решение. Он знает, что может потерпеть крушение, ему введома изначальная покорность по отношению к существованию как длительности, введома действительность бытия в подлинном крушении. Однако для собственного существования, которое в рамках общего порядка частично отказывается от себя, чтобы гарантировать себя в целом, борьба слишком рискованна. Оно осуществляет насилие, если обладает превосходством, и избегает решения, если с ним связана опасность. Когда возможным остается только существование в определенных границах, оно согласно на все, занимает среднюю позицию, направленную против всех чрезмерных требований и крайностей. Выступая против всяких дерзаний, оно призывает к адаптации и выравниванию. Мир любой ценой исключит борьбу. Идеал заключается в отсутствии трений внутри предприятия. Я исчезаю в кооперации, в которой господствует фикция дополнения всех всеми. Преимуществом обладает не отдельный индивид, а общий интерес, который, будучи определен, по существу, является уже особым, а в качестве общего остается пустым. Исключение конкуренции посредством картелей приукрашивается разговорами об общих интересах, ревность нейтрализуется взаимной терпимостью, борьба за истину растворяется в синтезе различных возможностей. Справедливость уже не субстанциональна, во взвешивании она теряет свою остроту, будто все допускает сравнение на определенном уровне. Стремиться к решению означает уже не определять свою судьбу, а осуществлять насилие, пребывая в прочном обладании властью.

Если же в этих условиях прорывается возмущение, то в своем софистическом искажении мнений и поведения оно также не приводит к решению, а превращается просто в губительную потасовку, которая либо подавляется порядком существования, либо ведет к хаосу.

Дух как средство. На то, от чего все зависит для абсолютизации порядка существования, на экономическую силу и ситуацию, на несомненную мощь, будто все это и есть подлинное, ориентируется и духовная деятельность. Дух уже не верит самому себе как своему собственному истоку; он превращает себя в средство. Превратившись в софистику вследствие совершенной способности к адаптации, он может служить любому господину. Он находит оправдательные основания для любого состояния, осуществленного в мире или долженствующего быть осуществленным могущественными силами. При этом он знает, что все это несерьезно, и соединяет это тайное знание с патетикой ложной убежденности. Поскольку сознание реальных сил существования, с одной стороны, поддерживает эту неправду, с другой - раскрывает то, что если не порождает, то определяет всякое существование, постольку возникает новое правильное знание о неотвратимом. Однако требование трезвого осмысления действительности сразу же становится софистическим средством, призывающим уничтожить все то, что непосредственно не очевидно, и тем самым уничтожить подлинное воление человека. Подобная неправда в ее неизмеримом многообразии неизбежно возникает из искажения возможностей человека, если помимо существования в качестве порядка обеспечения масс больше ничего нет.

2. Невозможность постоянного порядка существования

Для правильной организации существования необходим постоянный порядок. Однако очевидно, что стабильное состояние невозможно. Существование, всегда в себе незавершенное и невыносимое таким, как оно есть, принимает все новые образы.

Уже технический аппарат, как таковой, никогда не может стать завершенным. Утопически эксплуатацию нашей планеты можно изобразить как местоположение и материал гигантской фабрики, которая приводится в движение массой людей. Чистой и непосредственно данной природы больше не будет, в качестве данной природой выступает только материал аппаратуры, однако, использованный для определенных целей человека, он не имеет своего бытия; люди приходят в соприкосновение лишь с обработанным ими материалом; мир существует только как искусственный ландшафт, аппаратура человека в пространстве и свете, в различное время дня и различные времена года, единое производство, связанное непрерывно действующими средствами сообщения; человек привязан к нему, дабы, участвуя в работе, существовать. Достигнуто стабильное состояние. Материалы и энергии использованы без остатка. Контроль рождаемости регулирует прирост населения. С помощью евгеники и гигиены создается наилучший тип человека. Болезни уничтожены. Обеспечение всех посредством обязательной службы регулировано планом. Решения больше не

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org принимаются. Все остается таким, как оно есть в круговороте повторяющихся поколений. Не зная борьбы и судьбы, люди довольствуются неизменной нормой распределения при коротком рабочем времени и множестве развлечений.

Однако такое состояние невозможно. Тому препятствуют непредвиденные силы природы, в их разрушительном действии достигающие технических катастроф. Существует специфическое бедствие технической несостоятельности. Быть может, длительная борьба с болезнями лишит людей всякого иммунитета, и они окажутся беззащитными перед непредвиденным заболеванием. В осуществлении контроля над рождаемостью не так просто Достигнуть желаемого результата; вступит в борьбу инстинкт продолжения рода, более сильный у одних, чем у других. Евгеника не сможет воспрепятствовать сохранению слабых и, быть может, неотвратимо ухудшению рас в наших условиях; ибо нет объективного масштаба для отбора и выявления ценности; более того, вследствие многообразия исконной человеческой природы ее возможности пребывают в непримиримой борьбе.

Удовлетворяющее всех длительное состояние немыслимо. Техника не создает совершенный мир, но на каждом шагу создает в мире новые трудности, а следовательно, и новые задачи - техника создает не только увеличение страдания из-за ее несовершенства; она должна остаться несовершенной или подвергнуться разрушению. Остановка для нее всегда конец: на каждой ее границе неудержимый прогресс - одновременно упадок и стремление вперед в еще неизвестные сферы в качестве духа открытия, изобретения, планирования и создания нового, без чего техника не может существовать.

Что человек окончательно не входит в запланированный порядок существования, очевидно уже из того, что сам этот порядок расщеплен на противоположности. Посредством их борьбы он беспокойно движется сквозь время, не зная завершения ни в одном образе. Противостоят друг другу не только конкретно государство государству, партия партии, государственная воля интересам экономики, класс классу, различные хозяйственные интересы, но антиномичны по своему характеру и сами создающие существование силы; эгоистический интерес возбуждает деятельность отдельного индивида, создает этим то такие условия существования, которые составляют общий интерес, то нарушает их; упорядоченный механизм с его окончательно ограниченными функциями, обязанностями и правами, любым образом заменяемых атомистических людей противопоставляет себя опасной для существующего порядка инициативе, индивидуальной смелости, истокам, без которых, однако, целое не могло бы продолжать существовать во все новых ситуациях среды.

Организация разрушила бы то, что она стремится обеспечить для человека как человека, если бы противоположные ей силы не держали ее в узде. Государства типа пчелиных ульев мыслимы в качестве статичных образований, повторяющихся любым образом; человеческое же существование - только как историческая судьба отдельного человека и человечества в целом, как необозримый путь технических завоеваний, экономической деятельности, политических систем.

Человек обладает существованием лишь в том случае, если он посредством разума и взаимопонимания с другими людьми занимается порядком технического обеспечения масс. Поэтому объектом его страстных усилий должен быть мир, если он не хочет погибнуть вместе с крушением этого мира. Он создает этот мир запланированного порядка, пытается перейти его границы там, где они обнаруживаются. Эти границы выступают здесь как его противники, но в них он, собственно говоря, и присутствует в качестве самого себя, того, кто не входит в установленный порядок. Если бы он полностью одолел противника порядка своего существования, он потерял бы самого себя в созданном им мире. Духовная ситуация человека возникает лишь там, где он ощущает себя в пограничных ситуациях. Там он пребывает в качестве самого себя в существовании, когда оно не замыкается, а все время вновь распадается на антиномии.

3. Универсальный аппарат существования и мир существования человека

Граница порядка существования дана сегодня специфически современным противоречием: массовый порядок создает универсальный аппарат существования, который разрушает мир специфически человеческого существования.

Жизнь человека как такового в мире определена его связью с воспоминанием о прошлом и с предвосхищением будущего. Он живет не изолированно, а как член

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
семьи в доме, как друг в общении индивидов, как соотечественник, принадлежащий некоему историческому целому. Он становится самим собой благодаря традициям, позволяющим ему заглянуть в темные глубины своего происхождения и жить, ощущая ответственность за будущее свое и своих близких; погруженный на долгое время в субстанцию своей историчности, он действительно присутствует в мире, создаваемом им из полученного наследия. Его повседневное существование охвачено духом чувственно присутствующего целого, маленького мира, каким бы он ни был скудным. Его собственность неприкосновенное тесное пространство, которое определяет его принадлежность к общему пространству человеческой историчности.

Технический порядок существования для обеспечения масс сначала еще сохранял эти действенные миры человека, снабжая их товарами. Но если в конце концов я ничего не стал бы больше создавать, формировать, передавать в действительно окружающем меня мире, а все поступало бы людям просто как средство удовлетворения сиюминутной потребности, только использовалось бы и обменивалось, само пребывание у себя получило бы машинный характер, не сохранился бы дух собственной среды, труд стал бы лишь выполнением данной на день задачи и ничто не поднялось более до уровня жизни, тогда человек утратил бы мир. Человек не может быть человеком, если он оторван от своей почвы, лишен осознанной истории, продолжительности своего существования. Универсальный порядок существования превратил бы существование действительно, живущего в своем мире человека просто в функцию.

Однако человек как отдельный индивид никогда не растворяется полностью в порядке существования, которое оставляет ему бытие только как функцию, необходимую для сохранения целого. Он может, правда, жить в аппарате благодаря тысячам связей, от которых он зависит и внутри которых он действует; но поскольку он там в своей заменяемости столь безразличен, будто он вообще ничто, он восстает, если уже ни в каком смысле не может быть самим собой.

Если же он хочет свое бытие, он сразу же оказывается в состоянии напряжения между собственным бытием и подлинным самобытием. То, что есть просто его своеволие, сопротивляется, борясь и обманывая, и стремится в своей потребности в значимости и слепом желании преимуществ своего индивидуального существования. Только в качестве возможности самобытия он ищет в воле своей судьбы выходящий за пределы всех расчетов риск, чтобы достигнуть бытия. Исходя из обоих импульсов, он подвергает опасности порядок существования как покоящееся пребывание. Поэтому существует двойная возможность крушения этого порядка, его постоянная антиномия. Создавая пространство, в котором самобытие может реализоваться в качестве существования, своеволие является как бы телом этого порядка, который сам по себе знаменует его крушение, но в определенных условиях есть его действительность.

Следовательно, если своеволие и существование ищут свой мир, они впадают в противоречие с универсальным порядком существования. Он же пытается, в свою очередь, подчинить себе эти силы, которые грозят ему здесь на его границах. Поэтому он в значительной степени озабочен тем, что само по себе не служит обеспечению существования. Оно, двойственное как собственное жизненное существование и как экзистенциальная безусловность, называется, будучи рассмотрено с точки зрения его *ratio*, иррациональным. Этим отрицательным понятием оно, правда, снижается до бытия второго ранга. Однако при этом оно либо допускается в определенных сферах, где, отвечая потребности контраста, *ratio*, оно обретает положительный интерес, например в эротике, в приключении, в спорте, в игре; либо рассматривается как нежеланное и преодолевается, например, в страхе перед жизнью, нерасположении к работе. И в обоих направлениях оно решительно уводит в область только жизненных интересов, чтобы заглушить дремлющее в нем притязание на экзистенцию. Тому, что желательно собственному существованию, стремятся способствовать в качестве необходимой потребности и лишают его возможной безусловности, рационализируя иррациональное, чтобы пользоваться им в случае необходимости как определенным способом удовлетворения потребности; хотят создать именно то, что, если оно не подлинно, никогда создать нельзя. Таким образом, то, что первоначально ощущалось и требовалось как другое, под предлогом заботы уничтожается; то, что подверглось технизации, обретает своеобразный серый цвет или яркую пестроту, в которых человек больше не узнает себя; бытие в человеке как индивидуальная судьба похищена. Однако как не допускающее подчинения оно обратится против тех структур, которые хотят его уничтожить.

Напряжение между универсальным аппаратом существования и действительным миром человека не может быть снято. Одно воздействует только через другое; если бы одна сторона окончательно победила, она сразу же была бы и сама уничтожена. Притязание своеволия и экзистенции так же не могут быть устранены, как в осуществленном массовом существовании необходимость универсального аппарата в качестве условия существования каждого индивида.

Поэтому границы порядка существования обнаруживаются там, где человек станет ощутимым как таковой. Планирующее преодоление и истоки возмущения будут попеременно встречаться, заблуждаться по поводу друг друга, находиться в плодотворном напряжении, начинать борьбу друг с другом. Эта многообразная возможность становится повсюду двойственной из-за напряжения между собственным существованием в его витальном желании и экзистенцией в ее безусловности.

В пояснении этой духовной ситуации будут затронуты сферы, где человек как отдельный индивид достигает своего существования, борется, ощущает самого себя. Символом мира, как исторической среды человека, в котором человек, пока он остается человеком, должен жить в каком-либо образе, является жизнь в доме. То, как он ощущает опасность, проявляется в страхе перед жизнью; то, как он, совершая ежедневно свою работу, себя чувствует, в радости от труда; то, как он ощущает действительность своего существования, – в спорте. Но то, что он может погибнуть, становится очевидным в возможности отсутствия вождей.

Жизнь в доме. Дом как совместная жизнь семьи возникает из любви, которая на всю жизнь связывает индивида в безусловной верности с другими членами семьи; она хочет воспитывать своих детей в субстанциальности традиций и сделать возможным постоянное общение, которое способно осуществиться полностью в своей открытости только в повседневной трудности будней.

Именно здесь встречается самая прочная, служащая основой всему остальному человечность. В массе сегодня неведомая, эта изначальная человечность теперь рассеяна повсюду, полностью предоставлена самой себе и связана со своим маленьким мирком и его судьбой. Поэтому сегодня брак имеет более существенное значение, чем раньше; когда субстанция публичного духа была выше и служила опорой, брак значил меньше. В настоящее время человек как бы вернулся к узкому пространству своего происхождения, чтобы решить здесь, хочет ли он остаться человеком.

Если существует семья, ей нужен свой дом, свой жизненный уклад, солидарность и пиетет, возможность для всех полагаться друг на друга, и все они вместе служат друг другу опорой в семье.

Этот изначальный мир и сегодня сохраняется с неодолимой силой; но тенденции его разрушения растут с абсолютизацией универсального порядка существования.

Начиная с внешнего: стремление перевести человека на казарменное положение, превратить его жилище в место для ночлега, попытки полностью технизировать не только практическую его деятельность, но и всю жизнь – все это превращает одухотворенный мир в безразличную взаимозаменяемость. Силы, выступающие как бы в интересах большинства, целого, пытаются поддерживать себялюбие отдельных членов семьи, ослабить их солидарность, призывать детей восстать против отчего дома. Вместо того чтобы рассматривать публичное воспитание как углубление домашнего, его превращают в основное, причем очевидной целью служит стремление отнять детей у родителей, превратив их в детей государства. Вместо того чтобы с ужасом взирать на развод, полигамную эротику, аборты, гомосексуализм как на выход за пределы исторического существования человека, которое он стремится создать и сохранить в семье, все это внутренне облегчается, иногда с фарисейским морализированием по поводу того, что это испокон веку осуждено, иногда безучастно принимается как нечто связанное с существованием массы в целом; или же аборты и гомосексуализм бессмысленно и насильственно караются уголовным правом как мера государственной политики, к которой они, собственно говоря, никакого отношения не имеют.

Тенденции распада угрожают существованию семьи тем в большей степени, что ей приходится складываться из бытия отдельных индивидов, которое еще сопротивляется распаду, который несет поток универсального порядка

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
существования. Поэтому в настоящее время в браке заключена потрясающая проблематика человеческого бытия. Невозможно предвидеть, сколько людей, изначально неспособных справиться со стоящей перед ними задачей, потеряв опору в публичном и авторитарном духе, падают в пропасть с того острова, владение которым связано с их самобытием, и создают смешение дикости и неспособности владеть собой. К этому прибавляется трудность, связанная с браком из-за экономической самостоятельности женщины, громадное число незамужних женщин, которые могут быть использованы для удовлетворения сексуальной потребности. Брак стал в значительной степени только контрактом, нарушение которого влечет за собой в качестве конвенционального наказания отказ предоставлять содержание. Потеря устоев ведет к требованию облегчить развод. Бесчисленное множество книг, посвященных проблемам брака, свидетельствует о создавшемся положении.

Идея универсального обеспечения направлена на то, чтобы привести в порядок то, что доступно только отдельному человеку в его свободе, который может исходить из первоначального содержания своего сформированного воспитанием бытия. Поскольку эротика стала препятствовать всем связям, рациональный порядок овладевает и этой опасной иррациональностью. Гигиена и различные предписания технизируют и ее, чтобы сделать наиболее удовлетворяющей и устранить возможные конфликты. Сексуализацию брака, например, по типу, предложенному Ван де Вельде, следует рассматривать как симптом времени, стремящегося сделать безвредным то, что иррационально с его точки зрения. Не случайно, в проспектах эту книгу рекомендуют даже католические теологи-моралисты. Этос выраженной в браке безусловности непроизвольно в корне отрицается как религиозным снижением брака до существования второго сорта, которое лишь благодаря церковной легитимации не является развратом, так и технизацией эротика в качестве опасной иррациональности. То и другое бессознательно заключают союз против любви как силы, служащей основанием браку, не нуждающейся в легитимации, поскольку ей по ее экзистенциальному происхождению присуща определяющая жизнь верность, допускающая, быть может, лишь на мгновения счастье эротика. Любовь, уверенная в себе лишь благодаря свободе ее экзистенции, устранила в себе эротика, не снижая ее, но и не признавая ее чувственные требования. Идеалом гармонической технизации она была бы уничтожена для того, кто принимает эти разумные средства и масштабы. Но она не позволяет и подчинить себя в своей безусловности универсальному порядку, который начертил бы сломать ее во имя предполагаемого существенного целого.

Если я отказался от семейных связей и самобытия, вместо того чтобы вырасти из их корня в некое целое, я могу жить лишь в ожидаемом, но всегда отсутствующем духе целого. Взирая на универсальный порядок существования, я хочу всего достигнуть с его помощью, предав мой собственный мир и связанные с ним притязания. Если я больше ни в чем себе не доверяю, если я живу только общими интересами класса и только как функция производства стремлюсь лишь туда, где, по моему мнению, сконцентрирована сила, то семья разрушается. Достигаемое лишь целым, не снимает притязания взять на себя то, на что я способен, исходя из своих истоков.

Таким образом, границей универсального порядка существования служит свобода индивида, который должен своими силами создавать то, чего никто его лишить не может, ибо в противном случае прекратится существование людей.

Страх перед жизнью. Вместе с феноменальными успехами рационализации и универсализации порядка существования утвердилось сознание грозящего крушения вплоть до страха утратить все то, ради чего стоит жить.

Однако еще до осознания возможности этого ужасного будущего отдельного человека как такового охватывает страх, вызванный тем, что он не может жить оторванным от своих истоков, ощущая себя просто функцией. Современного человека постоянно сопровождает такой никогда ранее неведомый жуткий страх перед жизнью. Он боится утратить свое витальное бытие, которое, находясь под постоянной угрозой, находится более чем когда-либо в центре внимания; и совсем по-иному он боится за свое самобытие, до которого ему не удастся подняться.

Страх распространяется на все. Он усиливает неуверенность, если о ней не удастся забыть. Существование может защитить человека от забот лишь без гарантий. Жестокостей, совершаемых раньше скрытно, стало меньше, но о них знают, и они представляются страшнее, чем когда-либо. Каждый человек должен, чтобы выстоять, напрячь свою рабочую силу до предела; постоянно

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org возникает беспокойство, вызванное требованием работать еще интенсивнее; ведь известно, что тот, кто не успевает за другими, будет отброшен; люди, которым больше сорока лет, ощущают себя вытолкнутыми из общества. Существуют, правда, обеспечение, страхование, возможность сбережений; однако то, что соответственно современным масштабам считается необходимым минимумом для существования, не обеспечивается государственной и частной предусмотрительностью и всегда оказывается ниже требуемого уровня, хотя человек и не умирает с голоду.

Страх перед жизнью обращается и на тело. Несмотря на увеличивающиеся шансы на долгую жизнь, господствует все увеличивающаяся неуверенность в жизнеспособности. Потребность во врачебной помощи выходит далеко за рамки осмысленной медицинской науки. Если существование более не поддерживается душевными силами, становится невыносимым в невозможности даже постигнуть его значение, человек устремляется в свою болезнь, которая как нечто обозримое охватывает его и защищает.

Страх усиливается в сознании неизбежности исчезнуть как потерянная точка в пустом пространстве, ибо все человеческие связи значимы лишь во времени. Связывающая людей в сообществе работа продолжается лишь короткое время. В эротических связях вопрос об обязанностях даже не ставится. Ни на кого нельзя положиться, и я также не ощущаю абсолютную связь с другим. Кто не участвует в том, что делают все, остается в одиночестве. Угроза быть брошенным создает ощущение подлинного одиночества, которое выводит человека из состояния сиюминутного легкомыслия и способствует возникновению цинизма и жестокости, а затем страха. Существование как таковое вообще превращается в постоянное ощущение страха.

Принимаются меры, чтобы заставить людей забыть о страхе и успокоить их. Организации создают сознание сопричастности. Аппарат обещает гарантии. Врачи внушают больным или считающим себя больными, что им не грозит смерть. Однако это помогает лишь на время, пока человек благополучен. Порядок существования не может изгнать страх, который ощущает каждое существо. Страх подавляется лишь страхом экзистенции за свое самобытие, заставляющим человека обращаться к религии или философии. Страх жизни должен расти, если парализуется экзистенция. Полное господство порядка существования уничтожило бы человека как экзистенцию, не успокоив его как витальное существование. Более того, именно абсолютизированный порядок существования создает непреодолимый страх перед жизнью.

Проблема радости труда. Минимум самобытия заключается в радости, доставляемой трудом, без чего человек в конце концов теряет всякие силы. Поэтому сохранение данного ощущения составляет основную проблему технического мира. На мгновение важность ее постигается, но вместе с тем о ней забывают. На длительное время и для всех она неразрешима.

Повсюду, где человеку лишь предоставляется работа, которую ему надлежит выполнить, проблема бытия человека и бытия в труде является решающей для каждого. Собственная жизнь обретает новый вес, радость труда становится относительной. Аппарат навязывает все большему числу людей эту форму существования.

Однако для существования всех необходимы и такие профессии, где невозможно гарантировать работу в ее сущностных аспектах посредством задания и объективно измерить фактическое его выполнение. То, что делает врач, учитель, священник и т. п., нельзя рационализировать по существу его деятельности, так как это относится к экзистенциальному существованию. В этих профессиях, служащих человеческой индивидуальности, результатом воздействия технического мира явилась, несмотря на рост умения специалистов и расширения их деятельности, упадок практического применения их профессий. Массовый порядок неизбежно требует, правда, рационализации в наличии материальных средств. Однако то, до каких пределов эта рационализация доходит, а затем сама себя ограничивает, чтобы оставить свободным пространство, где индивид выполняет свои обязанности без предписания, из собственных побуждений, становится для этих профессий решающим. Здесь радость труда вырастает из гармонического сочетания бытия человека с деятельностью, которой он отдает все свои силы, так как речь здесь идет о целом. Эта радость уничтожается, если целое делится универсальным порядком на частичные действия, совершение которых полностью превращается во взаимозаменяемую функцию. Целостность идеи распалась. То, что требовало применения всей своей сущности в длительно протекающей деятельности, теперь

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org совершается посредством простой отработки. В настоящее время сопротивление человека, борющегося за подлинное выполнение своего профессионального долга, еще рассеянно и бессильно; оно кажется неудержимым падением.

Примером может служить изменение во врачебной практике. В медицине наблюдается рациональное обслуживание больных, специальное наблюдение в институтах, болезнь делится на части, и больной передается в различные медицинские инстанции, которые переправляют его друг другу. Однако именно таким образом больной лишается врача. Предпосылкой служит мнение, что и лечение – дело простое. Врача в поликлинике приучают к любезности, личное доверие к врачу заменяют доверием к институту. Но врача и больного нельзя ввести в конвейер организации. Правда, скорая помощь при несчастных случаях действует, но жизненно важная помощь врача больному человеку во всей продолжительность его существования становится невозможной. Огромное предприятие по врачебной деятельности все более находит свое выражение в учреждениях, бюрократических инстанциях, материальных успехах. Склонность большинства пациентов ко все новым способам лечения какого-либо заболевания совпадает со стремлением к организации у технически мыслящих массовых людей, которые с ложной, обычно основанной на политических соображениях патетикой обещают всем даровать здоровье. Заботу об индивидуальности вытесняет деятельность технически оборудованных медицинских специальностей. Если этот путь будет пройден до конца, то тип действительно сведущего в вопросах воспитания и науки врача, который не только говорит о личной ответственности, но и ощущает ее и поэтому может курировать лишь небольшое число людей и помочь им, находясь в историческом единении с ними, по-видимому, вымирает. Вместо преисполненной человечности профессии выступает радость технически выполненного задания при разделении самобытия и бытия труда, которое для многих видов деятельности неизбежно, но здесь уничтожает само деяние. Однако граница этой системы медицинского обслуживания неизбежно наталкивается на свой предел. Государственная организация медицины начинает страдать от злоупотреблений. Максимальное использование возможных предоставляемых государством преимуществ совращает и пациентов, и врачей; возникает тенденция к заболеваемости, чтобы пользоваться этими преимуществами, стремление принять наибольшее число пациентов как можно быстрее, чтобы в сумме незначительных гонораров получить приемлемую выручку. Этому злоупотреблению пытаются препятствовать посредством законов и контроля, которые, однако, лишь еще более разрушительно действуют на медицинскую практику. Но прежде всего следует заметить, что действительно больной человек все меньше может доверять основательности, разумности и ясности лечения единственным, уделяющим ему полное внимание врачом. Больной больше не находит то, на что он вправе надеяться, если настоящих врачей больше не существует, ибо аппарат, который пытался использовать их в массовом порядке, сделал действительность их практики невозможной.

Примеры других профессий также свидетельствуют о повсеместной угрозе их сущности. Принцип уничтожения радости от профессионального труда заключен в границах порядка существования, который не может создать, но вполне может уничтожить то, что ему необходимо. Отсюда глубокая неудовлетворенность человека, лишенного своих возможностей, – врача и больного, учителя и ученика и т. д. Несмотря на интенсивную, едва ли не превышающую силу работу, сознание подлинного ее выполнения отсутствует. Все безудержнее то, что может существовать только как личная деятельность, превращается в предприятие, чтобы достигнуть смутной цели коллективными средствами, полагая, что массу можно удовлетворить как некую стоящую выше отдельных людей личность. Идея профессий отмирает. Сохраняются частные цели, планы и организации. Самое непонятное состоит в том, что же уничтожено, если учреждения, как таковые, находятся технически в безупречном порядке, а человек, который хочет быть самим собой, все-таки не может в этих условиях дышать.

Спорт. Самобытие как жизненная сила находит выход в спорте как остатке возможного удовлетворения непосредственного существования в дисциплине, пластичности, ловкости. Подчиненная воле телесность убеждается в своей силе и своем мужестве; открытый силам природы индивид обретает близость к миру в его элементах.

Однако спорт как массовое явление, организованный в виде обязательной, подчиненной правилам игры, направлен на то, чтобы отвести в иную сферу инстинкты, которые могут стать опасными для аппарата. Заполняя свободное время, спорт служит успокоению масс. Воля к проявлению жизненной силы в

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
виде движения на воздухе и на солнце ищет для такого наслаждения своим существованием общества; тогда спорт теряет свою связь с природой и лишается плодотворного одиночества. Желание борьбы требует величайшей ловкости, чтобы ощутить в соперничестве свое превосходство; целью становится рекорд. Участники в спорте ищут в своем сообществе публичности, им необходимы оценка и успех. В правилах игры заключена форма, которая учит и в действительной борьбе придерживаться правил, облегчающих общественное существование.

То, что недоступно массе, чего она не хочет для самой себя, но чем она восхищается как героизмом, которого она, собственно говоря, требует от себя, показывают смелые свершения других. Альпинисты, пловцы, летчики и боксеры рискуют своей жизнью. Они являются жертвами, лицезрение которых воодушевляет, пугает и умиротворяет массу и которые порождают тайную надежду на то, что и самому, быть может, удастся достигнуть когда-либо чрезвычайных успехов.

Возможно, что этому сопутствует и то, что привлекало массу уже в цирке Древнего Рима: удовольствие, испытываемое от опасности и гибели далекого данному индивиду человека. Подобно экстазу при виде опасных спортивных достижений, дикость толпы проявляется в чтении детективов, горячем интересе к сообщениям о ходе судебных процессов, в склонности к необузданному, примитивному, непонятному. В ясности рационального существования, где все известно или может, безусловно, стать таковым, где нет больше судьбы и остается лишь случайность, где целое, несмотря на всю деятельность, остается безгранично скучным и совершенно лишенным тайны, человек, полагая, что он лишен судьбы, связывающей его с глубинами тьмы, стремится по крайней мере к лицезрению эксцентрических возможностей, и аппарат заботится об удовлетворении этой потребности.

Во что вследствие таких массовых инстинктов превращается спорт, отнюдь не объясняет явление современного человека в спорте. Вне организованного занятия спортом, в котором зажатый в производственном механизме человек ищет лишь эквивалент непосредственного самобытия, в этом движении все-таки ощущается известное величие. Спорт – не только игра и рекорд, он также порыв и напряжение сил. Сегодня он – как бы требование, обращенное к каждому. Даже отличающееся утонченностью существование отдается его естественной импульсивности. Часто современный спорт сравнивают с античными играми. В те времена спорт был подобен косвенному сообщению о себе выдающегося человека в его божественном происхождении; теперь об этом не может быть и речи. Правда, современные люди также хотят представлять собой нечто, и спорт становится мировоззрением; люди стараются избавиться от судорожного напряжения и стремятся к чему-то, но связанная с трансцендентностью субстанция здесь отсутствует. Тем не менее, как бы вопреки окаменевшей современности, этот порыв существует, хотя нежеланный и лишенный общего содержания. Человеческое тело создает свое право в такое время, когда аппарат без всякого снисхождения уничтожает человека. Вокруг спорта царит нечто, несравнимое с античностью в своей историчности, все-таки родственное ей, хотя и нечто иное. Современный человек, конечно, не становится греком, но он и не фанатик спорта; он представляется караемым в существовании человеком, которому грозит опасность, как в постоянной войне, и который, устояв под почти невыносимым бременем, бросает копье.

Однако если спорт и представляется границей рационального порядка существования, его одного недостаточно, чтобы человек обрел себя. Закалкой тела, ростом мужества и овладением формой он еще не может преодолеть опасность утраты самого себя.

Руководство. Если бы развитие в направлении универсального порядка существования вобрало в себя мир человека как отдельного индивида, то в конце концов исчез бы и сам человек. Тогда должен был бы распаться и аппарат, ибо он уничтожил и людей, без которых он не способен существовать, ибо так организация может, правда, указать каждому его функцию и количество того, что должно быть произведено и потреблено, но не может создать человека, который находится во главе управления. Бессмысленно человек допускает высшую трату сил, когда от него самого больше не зависит ничего существенного и отсутствует напряженное внимание в помыслах о правильном внутри постоянно данного неизменным наличного целого. Введенный в аппарат и подчиненный чужой воле, он только отрабатывает заданное; если же ему надлежит принять какое-либо решение, он делает это как бы случайно в пределах своей функции, не вникая в суть вещей. Трудности преодолеваются

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
посредством насильственных правил или в покорности бездумного послушания. Однако лишь в подлинном, данном под личную ответственность приказе и в подлинном, основанном на понимании дела послушании, т. е. в среде людей, являющихся самими собой, удастся создать деловую, создающую мир общность действий, когда человек, осуществляющий управление, знает тех немногих, независимому суждению которых он открыт, и готов вместе с ними склониться перед инстанцией, незримо присутствующей в его душе. Там же, где все заключено в аппарате и исчезает явная опасность, в силу которой удача или неудача влечет за собой суждение о действующих лицах, человек лишен инициативы. Аппарат, правда, и требует только работы, лишенной всякой инициативы; однако функционировать он может только до тех пор, пока на решающих постах, самостоятельно погружаясь в свой мир, находятся люди, отдающиеся своему делу. Если в будущем таких людей не окажется, потому что им с юности не будет предоставлена возможность развития, то и аппарат прекратит свое существование. То, что на границах аппарата казалось угрозой, создаваемой независимостью сущих в своей самости людей, оказывается условием его сохранения в неминуемом преобразовании.

Следовательно, значение индивида как руководителя не исчезает при господстве массы в аппарате; однако теперь совершается особый отбор среди тех, кто может быть таковым. Значительные люди отступают перед людьми дельными. Аппарат, обеспечивающий массовое существование, повсюду обслуживается и управляется людьми, сознание которыми этой деятельности служит фактором в достижении успеха. Господство и власть массы сохраняет свое воздействие в структурах, которые она обретает посредством организаций, большинства публики, общественного мнения и в фактическом поведении больших скоплений людей. Но господство массы действенно лишь постольку, поскольку отдельный индивид поясняет ей, чего она хочет, и выступает в своих действиях от ее имени. Если в таком аппарате иногда появляется руководитель, чья личность растворяется в его деле для бытия мира, ибо он на протяжении десятилетий оправдывал свое положение постоянным влиянием, то все-таки бывает нужен и такой руководитель, который как бы случайно именно в качестве этого индивида занимает именно это место. Силою обстоятельств он временно становится незаменимым. Однако любое действие может быть осуществлено лишь с привлечением массы, которая должна дать свое согласие, хотя в неожиданно сложившихся ситуациях решительное суждение выносит отдельный человек. Но так как он может попасть в эту ситуацию лишь в том случае, если он в постоянном внимании к мнению толпы как бы воспитан для того, чтобы быть ее функционером, то, став выразителем ее сущности, он никогда не будет действовать, противореча желанию толпы. Он сознает, что представляет собой нечто не сам по себе, а в качестве выразителя желаний стоящей за ним толпы. По существу, он столь же беспомощен, как любой другой, совершая то, что должно отразить усредненную волю толпы. Без этой воли он ничто. То, чем он может быть, измеряется не соответственно какой-либо идее, не соотносится с истинно данной трансцендентностью, не обнаруживается исходя из основных свойств человека так, как они проявляются в большинстве и господствующих в качестве подлинной действительности в самом действующем лице. При подобном руководстве в ходе вещей наступает неминуемая путаница. На поворотных пунктах существования, когда возникает вопрос, ведет ли путь к новообразованию или гибели, вынести решение может тот человек, который по сути своей способен взять в свои руки бразды правления, действуя и не считаясь с волей массы. Если возможность появления таких людей будет уничтожена, то наступит такой конец, который мы даже не можем себе представить.

Господство становится в массовой организации призрачным и невидимым. Господство хотели бы вообще уничтожить. При этом игнорируют тот факт, что без господства немисливо существование масс. Отсюда расщепление, управление, переговоры, затягивание, компромиссы, случайные решения и одурачивания. Повсюду существуют различные виды коррупции в интересах частных лиц. Молчаливая осведомленность всех участников позволяет сохранять ее. При огласке какого-либо случая поднимают шум, который быстро утихает из-за туманного сознания того, что обнаружен лишь симптом.

Никто не берет на себя подлинную ответственность; делается вид, что один человек решить вопрос не может. Действуют различные инстанции, контроль, решения комиссий – одни сваливают решение на других. В основе авторитет народа в качестве массы, которая принимает решение посредством выборов. Но это и не господство массы как одного существа, и не предоставление отдельным лицам права принимать ответственные решения и действовать; это – авторитет метода в качестве упорядочения, которое освящено видимостью

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
интереса целого и на которое в одном из его бесконечно меняющихся образов в конце концов падает ответственность. Каждый человек лишь колесико, он лишь участвует в решении, но не решает действительно. Реальная политика понимается только в одном смысле; предоставить развитию идти своим ходом, а затем ограничить свои действия в соответствии с санкцией слепо развивающейся действительности. Иногда отдельный индивид получает громадную власть, однако, неподготовленный к этому своей жизнью в целом, он способен использовать ее в отдельных случаях лишь в особых интересах или чисто доктринерски – в соответствии с теориями. Каждый, кто оказывается на виду у публики, становится предметом сенсации. Масса выражает восторг или возмущение там, где, по существу, не происходит ничего решающего. Люди действуют как бы в густом тумане, если не приходит к господству и не становится значимой сама воля человека, которая происходит из иных истоков и противопоставляет себя общему порядку существования.

4. Кризис

То, что в течение тысячелетий составляло мир человека, в настоящее время как будто потерпело крушение. Мир, возникающий в качестве аппарата обеспечения существования, принуждает все служить ему. То, чему в нем нет места, он уничтожает. Человек как будто растворяется в том, что должно быть лишь средством, а не целью, не говоря уже о смысле. Он не может обрести в этом удовлетворение; ему должно недоставать того, что придает ему ценность и достоинство. То, что во всех бедах было непререкаемым фоном его бытия, теперь находится в стадии исчезновения. Расширяя свое существование, он жертвует своим бытием, в котором он обретает себя.

Одно осознается всеми – с тем, что, собственно, и составляет главное в жизни человека, неблагоприятно. Все стало сомнительным; всему грозит опасность. Подобно тому как некогда принято было говорить, что мы живем в переходный период и тридцать лет тому назад наше духовное бытие определялось как *fin de siècle* [конец века], так теперь в каждой газете речь идет о кризисе.

Ищут основу этого кризиса и приходят к заключению, что это – кризис государственный; если характер правления не ведет к решительному волеизъявлению целого и согласие неустойчиво, то неустойчивым становится все. Иногда говорят о кризисе культуры как распаде духовности или, наконец, о кризисе самого человеческого бытия. Граница абсолютизированного порядка существования выступает настолько резко, что колебание распространяется на все.

В действительности сущность кризиса заключается в недостатке доверия. Если еще сохранялись обязательность формального права, нерушимость науки, прочие условности, то все это было лишь расчетом, не доверием. Когда все подчиняется целесообразности интересов существования, сознание субстанциальности целого исчезает. В самом деле, сегодня невозможно доверять ни вещи, ни должности, ни профессии, ни лицу до того, как обретена уверенность в каждом данном конкретном случае. Каждому сведущему человеку известно об обманах, притворстве, ненадежности и в сфере его деятельности. Существует доверие только в самом маленьком кругу, но не доверие в рамках целого.

Все охвачено кризисом, необозримым и непостижимым в своих причинах, кризисом, который нельзя устранить, а можно только принять как судьбу, терпеть и преодолевать. Необозримость кризиса можно в общем приблизительно определять четырьмя способами.

Все технические и экономические проблемы принимают планетарный характер. Земной шар стал не только сферой переплетения экономических связей и единства технического господства над существованием; все большее количество людей видят в нем единое замкнутое пространство, в котором они соединены для развития процесса своей истории. В мировой войне впервые участвовало все человечество.

Объединение людей земного шара привело к процессу нивелирования, на который мы взираем с ужасом. Всеобщим сегодня всегда становится поверхностное, ничтожное и безразличное. К этому нивелированию стремятся, будто оно создаст единение людей. В тропических плантациях и в северном рыбацком поселке демонстрируются фильмы столиц. Одежда повсюду одинакова. Одни и те же манеры, танцы, одинаковый спорт, одинаковые модные выражения; месиво,

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
составленное из понятий Просвещения, англосаксонского позитивизма и теологической традиции, господствует на всем земном шаре. Искусство экспрессионизма было в Мадриде таким же, как в Москве и Риме. Всемирные конгрессы ведут к усилению этого нивелирования, поскольку там стремятся не к коммуникации гетерогенного, а к общности религии и мировоззрения. Расы смешиваются. Исторически сложившиеся культуры отрываются от своих корней и устремляются в мир технически оснащенной экономики, в пустую интеллектуальность.

Этот процесс только начался, но каждый человек, даже ребенок, втянут в него. Упоение расширением пространства уже начинает превращаться в ощущение его тесноты. Нам кажется странным, что Цеппелин *, пролетая над Сибирью, еще не встречал людей, убежавших и прятавшихся от него. На кочевников взирают как на остановившееся прошлое.

Прежде всего бросается в глаза необратимая утрата субстанциальности, остановить которую невозможно. На протяжении столетий физиогномика поколений все время снижается, достигая более низкого уровня. В каждой профессии наблюдается недостаток в нужных людях при натиске соискателей. В массе повсюду господствует заурядность; здесь встречаются обладающие специфическими способностями функционеры аппарата, которые концентрируются и достигают успеха. Путаница, вызванная обладанием почти всеми возможностями выражения, возникшими в прошлом, почти непроницаемо скрывает человека. Жест заменяет бытие, многообразие – единство, разговорчивость – подлинное сообщение, переживание – экзистенцию; основным аспектом становится бесконечная мимикрия.

Существует духовная причина упадка. Формой связи в доверии был авторитет; он устанавливал закон для неведения и связывал индивида с сознанием бытия. В XIX в. эта форма полностью уничтожена огнем критики. Результатом явился, с одной стороны, свойственный современному человеку цинизм; люди пожимают плечами, видя подлость, которая происходит в больших и малых масштабах и скрывается. С другой стороны, исчезла прочность обязательств в связывающей верности; вялая гуманитарность, в которой утрачена гуманность, оправдывает посредством бессодержательных идеалов самое ничтожное и случайное. После того как произошло расколдование мира, мы осознаем разбожествление мира, собственно говоря, в том, что нет больше непререкаемых законов свободы и его место занимают порядок, соучастие, желание не быть помехой. Но нет такого воления, которое бы могло восстановить истинный авторитет. Его место заняли бы только несвобода и насилие. То, что могло бы заменить авторитет, должно возникнуть из новых истоков. Критика всегда служит условием того, что могло бы произойти, но созидает она неспособна. Некогда положительная жизненная сила, она сегодня рассеялась и распалась; она направляет свое острие даже против самой себя и ведет в бездну случайного. Смысл ее уже не может состоять в том, чтобы выносить суждения и решения в соответствии со значимыми нормами, ее истинная задача теперь в том, чтобы подступить близко к происходящему и сказать, каково оно. А это она сможет лишь в том случае, если она вновь будет одухотворена подлинным содержанием и возможностью создающего себя мира.

На вопрос, что же теперь еще осталось, следует ответить: сознание опасности и утраты в качестве радикального кризиса. Сегодня это сознание лишь возможность, а не обладание и гарантия. Всякая объективность стала двусмысленной; истина как будто заключена в невозвратно утраченном, субстанция – в беспомощности, действительность – в маскарade. Тот, кто хочет преодолеть кризис и достигнуть истоков, должен пройти через утраченное, чтобы, усваивая, вспомнить; измерить беспомощность, чтобы принять решение о себе самом; испробовать маскарad, чтобы ощутить подлинное.

Новый мир может возникнуть из кризиса не посредством рационального порядка существования как такового; человек, являющийся чем-то большим, чем он создает в рамках этого порядка, обретает себя посредством государства в воле к своей целостности, для которой порядок существования становится просто средством, и в духовном творении, посредством которого он приходит к сознанию своей сущности. На обоих путях он может вновь удостовериться в истоках и цели, в своем бытии человеком – в благородном и свободном самосозидании, утраченном им в том, что было лишь порядком существования. Если он полагает обрести в государстве существенное, то вскоре поймет, что государство само по себе еще не все, а лишь сфера осуществления возможного. Если же он доверится духу как бытию в себе, то присутствие его в каждой

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
существующей объективности начнет вызывать у него сомнение. Он должен вернуться к началу, к бытию человеком, которое придает государству и духу полнокровность и действительность.

Тем самым человек привносит относительность в единственную связь, способную охватить всех, внешний порядок мира рассудочного целенаправленного мышления. Однако истина, создающая в человеке ощущение общности, является чисто исторической верой, которая никогда не может быть верой всех. Конечно, истина разумного понимания одна для всех, но истина, которой является сам человек, достигающая в нем ясности, отделяет его от других. В бесконечной борьбе исконной коммуникации возгорается чуждое в столкновении друг с другом; поэтому человек, который Достиг своей сущности в духовной ситуации современности, отвергает насильственно навязываемую всем веру. Единство целого в качестве постигаемого остается историческим для данного государства, дух остается связанным с его истоками жизнью, человек – его специфической незаменимой сущностью.

Третья часть

Воля в целом

Неизбежность порядка существования находит свою границу в человеке, не растворяющемся в функции, а также в том, что не может быть только одного, и притом окончательного, порядка существования. Человек, который хочет не только просто существовать, решает, какой порядок будет избран и утвержден; в противном случае человек полностью отдается во власть существования и подчиняется его решениям.

Решение, принимаемое человеком внутренне о своей сущности, является, правда, главной инстанцией его бытия, однако действительностью в мире оно может обладать лишь в зависимости от характера власти, в рамках целого, в котором люди могут прийти к единству воли в вопросе об устройстве мира и своего самоутверждения в нем. То, чем человек действительно становится, зависит от воления этой власти, определяющей существование в целом как историческую конкретность; зависит это также от воспитания, которое сознательно направляет определенным образом передачу человеческих возможностей от поколения к поколению.

Если действительность целого осознается как инстанция последнего решения, то рычагом, посредством которого проводится в жизнь решение, становится воля государства. Государственная воля – это воля человека обрести свою судьбу, что он никогда не может совершить в качестве отдельного индивида, а может только в своей общности посредством смены поколений. Государственная воля сразу же обнаруживает себя во множестве борющихся государств и в своем внутреннем напряжении, связанном с формированием своего определенного исторического образа. Для государственной воли порядок существования не является больше лишь предметом рационального планирования для всех людей, а становится предметом исключяющего все остальное решения посредством применения своей власти. Она, правда, исходит из идеи государства благосостояния как экономической системы, однако направлена посредством него на самого человека.

Поскольку государство не может создать человека своей планомерно направленной волей, оно создает ему в идее по крайней мере область полнейших возможностей. Воля государства вынуждена прокладывать себе путь через неразрешимые трудности. Его особое положение в мире (в качестве всемирно-исторической ситуации) заставляет его усиливать свою мощь за счет раскрытия в нем человеческого бытия. И наоборот, человеческое бытие заставляет его ограничивать усиление своей мощи, если эта мощь направлена на уничтожение смысла и назначения человека – создать наивысший тип человека. Если когда-либо в государственном деятеле или солдате это внутреннее напряжение на мгновение смягчается и вызывает в нем возвышение человека, который благодаря этому усилит мощь своего государства, то на длительное время это напряжение между тем, чего требует ситуация данного момента, и единственно существующей целью – тем, во что превратится человек, устранено быть не может. Поэтому государственная воля может пасть до оппортунистической политики момента во имя внешнего успеха; может также в плену духовного идеала игнорировать действительность момента и неправильно оценить всякое существование.

Конкретное содержание государства составляет свобода в выполнении человеком

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
многообразия профессиональных идей, которые не могут быть осуществлены как простые функции внутри аппарата; субстанцию этого составляют люди, следующие посредством воспитания своей исторической традиции. В обоих случаях государство, обеспечивая массовый порядок, потому что этот порядок сохраняется только благодаря ему, может одновременно служить и защитой от этого массового порядка.

В той мере, в которой действует сознательная воля, будущее полностью зависит от политической и педагогической деятельности. Напрягать волю в бессилии перед ходом вещей, воздействовать на них – в этом мужество самобытия действующего в политике человека; в бессилии перед сложившимся типом человека все-таки делать все возможное, чтобы посредством передачи глубочайшего содержания традиции придать человеку благородство, заключена сила воспитателя.

1. Государство

Государственное сознание. Обретя государственное сознание, человек пришел к познанию насилия как возможного осуществления власти, всегда решающей проблему состояния и Движения вещей. Государство притязает на монополию легитимного применения насилия (Макс Вебер).

Этим было достигнуто двоякое: исключение применения насилия из человеческого существования, которое теперь мирно следует правилам и законам, и рост насилия в единственном месте, чье существование подчеркнуто выражает, что без насилия или возможного насилия существование людей невозможно. Применение насилия, которое раньше было рассеяно, теперь сконцентрировано. Человек, всегда готовый прежде силою оружия защитить и увеличить сферу своего существования, становится средством технического осуществления насилия, введенного в определенное русло государством. К профессиональным полицейским относятся лишь немногие, в случае войны в армию призываются все. Государство есть власть, которая существует посредством угрозы применить насилие или выносит свое решение, осуществляя его. В зависимости от ситуации эта власть чрезвычайно усиливается или доводится до минимума.

Духовная ситуация должна бы состоять для индивида в притязании занять определенную позицию по отношению к действительности этой власти, которая, поскольку он существует только благодаря ей, в каком-то смысле и его власть. Тогда государство выступало бы не как слепая природа любого насилия, а как результат духовных актов, которые в своей свободе все-таки сознают себя связанными действительностью, такой, как она есть здесь и сейчас. Государство может погрузиться в хаос тупого насилия, но может и возвыситься в качестве идеи воли, которая направлена на такое бытие человека и для этого захватывает власть. Поэтому государство либо теряется в пустом насилии, пользуясь интеллектуальной софистикой, и тогда оно подобно природе, которая может меня уничтожить и уничтожит, по существу, оставляет меня в моем бессилии равнодушным; либо, если смутное притязание действительности проясняется в духовно осознанной воле, государство – исторически обусловленная субстанциальная власть. В настоящее время духовная действительность государства как бы распалась, но еще не исчезла.

Когда государство обладало авторитетом легитимированной божеством воли, люди покорялись меньшинству и терпели то, что происходило, видя в этом провидение. Однако, если, как это происходит сегодня, люди осознали, что действия государства, как таковые, уже не являются выражением божественной воли, обязательной для всех, они видят в этом проявление человеческой воли, участвовать в осуществлении которой может быть целью каждой индивидуальной воли. Человек живет в массовом устройстве между полюсами мирного аппарата обеспечения его существования и в ежеминутно ощущаемой власти, в направленность и содержание которой он хочет проникнуть, так как стремится оказывать на нее влияние.

Человек не может больше скрывать от себя действительное наличие силы, например, тем, что видит в ней остатки прошлых, якобы доступных преодолению страхов. Для непредвзятого взгляда сегодня очевидно, что каждый порядок сохраняется только посредством силы потому, что наталкивается на границы чуждой ему воли. Рассматривается ли такой порядок как сдерживающий это зло или сам в своей абсолютизации как зло, в государстве как форме монополизирующего насилия люди вступают на темную почву своего совместного существования, где всякое действие, если эта сила сама по себе зла,

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org выступает как договоренность с тем, что неразумно и противно природе человека. Лишь по этой причине решительная воля входит в континуум исторической возможности, или в этой воле тонет лишенная решения деятельность, связанная с раздробленными минутными интересами, и ее власть. Наше общественное существование пребывает во времени, будучи сформировано этой силой.

Государство, само по себе не легитимное и не нелегитимное, есть, не обладая глубокими корнями, основывающее самого себя существование воли, к которой перешла власть и которая сама себе ее предоставила. Поэтому вокруг государства и между государствами всегда идет борьба. Ибо власть никогда не бывает всеисключающей властью населяющих мир людей, но лишь одной властью наряду с другими, действующей совместно с ними и против них. Правда, всегда ищут законный порядок, но каждый существующий порядок так или иначе основан на актах насилия, которые в борьбе и войне определили, в рамках какого рода зависимости и на основе каких принципов этот порядок будет существовать. Полного покоя не бывает; ситуации меняются, силы, на концентрации которых основана власть, слабеют или растут. Вместо государства человечество может быть лишь беспокоейство всей совокупности человеческого существования посредством идентификации себя с собственной исторической ситуацией.

Нет никакого смысла ни обожествлять государство, ни считать его дьявольским порождением. Патетические разглагольствования такого рода обычно лишь делают слепым к действительности, вместо того чтобы довести до сознания, чем определено существование. Существенное различие между людьми состоит в том, охвачены ли они внутренне историческим изменением существования, видя в нем нашу судьбу, или слепо пребывают в успокоенности иллюзорного мира дружелюбных чувств к людям или неудовольствия, в наслаждении своим существованием или вызванным им страданием до тех пор, пока непредвиденный крах не откроет им ничтожество их иллюзий.

После расколдования мира, которое по-настоящему поставило государство в центр вопросов и исследований, духовная ситуация настоящего позволяет каждому вступить в это пространство совместного существования людей. Человек видит ужас мира человеческой деятельности в действительности государства как безжалостной непреклонности. Тот, кто не был парализован страхом, не предал это забвению или маскировке, хочет проникнуть в точку соучастия в знании этой действительности человеческой деятельности и принятия решений, где он сможет уяснить себе, чего он сам хочет не вообще и повсюду, а исторически вместе с людьми, в которых он видит подлинное человеческое бытие.

Ухватить политическую сторону этого – настолько дело людей высокого ранга, что едва ли можно ожидать, будто кто-нибудь сможет одолеть эту высокую задачу. Существуют две противоположные возможности несостоятельности.

В одном случае человек не принимает участия в ходе вещей. Правда, принимают в расчет выгоду в случайных обстоятельствах собственного существования. Но целое считают делом других, профессией которых это является. В самом деле, человек повсюду наталкивается на действие насилия в бытии существующего порядка. То или другое он считает несправедливым или бессмысленным. Но терпит это как нечто чуждое, за что он не несет ответственность. Он настолько последователен, что даже не обвиняет. Безразличный по отношению к тому, что происходит, человек внутренне не откликается на это. Он с легкостью признает, что недостаточно осведомлен ни о возможностях вообще, ни о сложившейся ситуации, и поэтому воздерживается как от суждения, так и от действий. Такая аполитичность – отказ от вмешательства того, кому незачем знать, чего он хочет, ибо он хочет только одного: осуществлять себя в своем, лишенном мира самобытии, как бы в лишенном времени пространстве. Историческую судьбу людей он принимает в пассивном терпении, так как он верит в бытие как во внеисторическое спасение души. Ему неведомо чувство ответственности, свойственное тому, кто только в мире есть он сам и считает себя виновным в том, что происходит, если он не сделал того, что было в его силах, чтобы позаботиться о том, что должно было произойти.

В другом случае люди слепо бросаются в политическое воление. Они недовольны своим существованием и обвиняют обстоятельства, в которых ищут единственную причину, вместо того чтобы искать ее в себе самих. В них действует инстинкт ненависти, а также воодушевления, но прежде всего инстинкт воли к власти как таковой. Несмотря на то что они не знают того, что им уж следовало бы знать, а также чего они, собственно, хотят, они говорят, выбирают,

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org действуют, как будто это им известно. Опрометчивое заключение сразу же ведет от ничтожного знания к неистинной безусловности фанатизма. Это шумное соучастие – самое распространенное явление мнимой политической осведомленности и волеяния; в своей шаткости оно движется во времени, способное вызывать и пробуждать беспокойство, но неспособное идти определенным путем.

Сегодня для тех, кто не оказывается несостоятельным, задача заключается в том, чтобы жить вместе с другими в государстве, которое не обладает сиянием авторитета, которое бы свидетельствовало о сверхчувственном оправдании его определенной деятельности в настоящем и не может быть упрочено как недоступный рационализации центр планомерного обеспечения людей всем необходимым. Сознательно стоять на этой почве, посредством которой существует все человеческое существование, является подлинным государственным сознанием. То, что человек внутренне признает эту связь, заставляет его окончательно поставить вопрос о бытии человека. Здесь исчезают все иллюзии, позволяющие грезить о гармоническом существовании в правильном устройстве мира. Здесь не разрешено окончательное знание о сущности государства даже как знание о чудовище, которое приняло форму законности. Здесь в необозримом переплетении человеческих действий и желаний человек в его ситуациях отдан во власть исторического процесса, движение которого совершается в действиях политической власти, но обзреть который как целое невозможно. На этой основе слепые желания, страстное возмущение, нетерпеливое стремление к владению теряют свой смысл. Лишь длительное терпение при внутренней решимости к внезапному вмешательству, обширное знание, остающееся сверх обязательного действительного открытым бесконечному пространству возможного, может здесь достигнуть чего-либо – большего, чем просто хаос, уничтожение, покорность логике хода вещей. Обрести в бессилии все-таки свободу действия человеку особенно трудно, если, как обстоит дело сегодня, основа должна быть найдена в чисто мирской сфере; за то, что раньше совершалось по указанию божественного авторитета государства, теперь человек несет ответственность сам; в напряжении, ослабления которого ожидать невозможно, он, проходя через конечные цели, ищет путь, конец которого ему неизвестен. И все-таки это то место, где, в отличие от способа разумно обеспечивать существование, то, что есть, открывается лишь тому, кто, несмотря на все, способен взирать на трансценденцию.

Вполне понятно, что мы почти все оказываемся неспособны к этому. В качестве путей, ведущих к более легкой возможности, предстают большевизм и фашизм. Можно вновь просто повиноваться, удовлетворяться доступными лозунгами и предоставить всю деятельность тому единственному, кто захватил управление. Эти формы являются заменой авторитета; но заменой ценой отказа почти всех от того, чтобы быть самим собой. В ситуации сегодняшнего мира государства, в которых до сих пор этот способ отклонения от прямого пути не применялся, рассматривают эти формы как действительность других государств, существующих наряду с ними, как действительность, с которой приходится считаться; в их внутренней духовной ситуации эти возможности подступают к ним как притязания людей массы. Самобытие начинается с отношения к этим ложным путям, озадаченности действительного и возможного. Собственное существование будет содрогаться от воздействия мировых событий времени и беспрестанно проясняться в знании возможного, пока это знание не созреет до соучастия в рамках своей ситуации.

В ней останется напряжение между массовым порядком в обеспечении существования и основанном на власти решении или между обществом и государством.

Смыслу порядка существования общества человек служит трудом, обеспечивающим его собственное существование в этом обществе. Всякое разумное планирование направлено на улучшение существующего строя и его функций, на устранение помех, на достижение справедливости, законности и мира. Импульсом этого действия служит социальное ощущение государственности.

Но есть неизбежные границы: к ним относятся свойства людей массы, неизбежная безжалостность социального и биологического отбора; неравномерное ограничение жизненной сферы большинства людей; различие рас, характеров и способностей; различный прирост населения в отдельных группах. Поэтому государство следует рассматривать не только в его функции обеспечения законного порядка, но и как сферу борьбы за характер и направленность неизбежного где-либо применения насилия. Человек был во все

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
время обременен страданием. Сегодня он сознательно хочет от него освободиться посредством наиболее правильного устройства мира в целом. Поскольку выполнение этого желания невозможно, ощущение социального характера государства заменяется сознанием государственной судьбы. В качестве средоточия жизни целого государство является не путем к окончательному устройству единого целого, а ситуационной властью определенного государства в период, когда существуют данные средства техники и данные возможности человеческого бытия. Поэтому только в абстрактном понимании духовная ситуация государства и общества является всеобщей ситуацией времени. В качестве действительной может рассматриваться только ситуация исторического отдельного государства, отправляясь от которого взирают на другие государства. Ослабление человеческой индивидуальности может, правда, дойти до того, что индивид меняет свою принадлежность определенному государству или вообще теряет государственную принадлежность, живет где-либо как гость, которого терпят. Однако историческое волеизъявление человека может стать действительным лишь в идентификации его с отдельным государством. Никто не расстается без ущерба со своей страной. Если он чувствует себя вынужденным к этому, то он не теряет, правда, возможность быть самим собой, свое сознание судьбы, но теряет участие в обосновывавшем его самом целом, свой действительный мир.

Методы и сфера власти политической деятельности. Поскольку государственная власть не единственна, а лишь одна индивидуальность наряду с другими и поскольку в ней заключены и возможности других порядков, кроме существующего, власть переходит в насилие, как только договорное или фактическое единение перестает действовать. Границами обеспечения существования являются война и революция, и в зависимости от их результата меняется основа его действия и закона. Несмотря на то что их всячески стараются избежать, они остаются в качестве возможностей нерешенным вопросом всякого существования. Если хотят любой ценой предотвратить войну, то все равно придется вступить в нее, причем слепо, когда окажется, что создана такая ситуация, при которой без войны неизбежно уничтожение или рабство. Если же стремятся во всяком случае по мере своих сил избежать войны, то жестокая действительность заставляет ежеминутно считаться с ее возможностью и ясно понимать все время, что значит "любой ценой".

В войне как фактическом действии насилия судьба выносит решение на пути обдуманных политических решений посредством физического решения. Войне свойствен пафос - жертвовать жизнью за веру в безусловную ценность собственной сущности. Лучше умереть, чем быть рабом. Чем яснее, исходя из собственной воли, сражающийся понимает, о чем идет речь, тем возможнее этот взлет в человеке. Чем дальше он от этого, тем в большей степени тот высокий импульс превращается в неистинную романтику.

В настоящее время смысл войны изменился; она уже борьба не за веру, а за интересы, борьба не подлинных культурных сообществ, а государств, не только борьба людей, а техническая борьба машин друг с другом и с пассивным населением. В войне уже человеческое благородство за свое будущее. Она не приводит более к историческим решениям, как победа греков над персами, которая вплоть до сего дня служит основой экзистенции западноевропейской личности, или как победа римлян над карфагенянами, которая это гарантировала. Если результат войны ничего не меняет в мире, а приводит только к разрушениям и одна группа людей, существенно не отличающаяся по своей природе от группы побежденных, получает большие выгоды в будущем, то истинный пафос веры в бытие, судьба которой решается, отсутствует. Поскольку то, что люди рискуют жизнью, само по себе еще не создает содержания, в последней войне между солдатами, сражавшимися не на жизнь, а на смерть, могла возникнуть своеобразная солидарность; существовала общность в необходимости переносить трудности, в которых каждый должен был проявить свою стойкость, готовность быть принесенным в жертву. Выдержка при постоянной опасности, связанной с непредвидимой и непреодолимой случайностью, требовала, несмотря на изнурение, в определенные моменты присутствия духа для принятия решения. В этой ситуации мужество создало тихий, новый, неведомый истории до той поры героизм. Но именно это мужество не берет на себя ответственность за создание ситуации, при которой все вынуждены воевать. Отсюда воззвание: "Больше никогда не должно быть войны".

Однако мы не видим гарантии того, что европейские народы не будут больше воевать. Возможность мира, к которому стремятся, могла бы стать реальной благодаря тому, что техническое развитие оружия заставит признать

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
невозможность войны в Европе, так как в условиях ограниченного пространства нападающая сторона будет также уничтожена. Однако остается возможность новой войны, более страшной, чем все предыдущие, которая приведет к уничтожению населения современной Европы. Даже если экономические вопросы и урегулированные договорами проблемы будут решены, останется нерешенным вопрос, есть ли в человеке нечто подобное темной и слепой воле к войне – стремление к иному, к выходу из повседневности, из стабильности обстоятельств, нечто подобное воле к уничтожению и жертвенности, туманный энтузиазм, направленный на создание нового мира, или далекая от действительности рыцарская жажда борьбы; воля к самоутверждению, стремящаяся доказать, на что она способна, и предпочитающая пассивному ожиданию смерти в конце бессмысленного существования свободно избранную смерть. Быть может, в глубинах духа есть нечто время от времени пробуждающееся, когда чувственное впечатление действительной войны забыто. Тогда задача подлинного вождя – не только пацифистски бороться против этого, чтобы длительный мир дал бы по крайней мере созреть необходимым возможностям, но и предусмотрительно наполнить войну, если предотвратить ее в данной конstellации уже невозможно, содержанием исторически релевантного решения. В настоящее время следует признать, что ни для полного мира, ни для исторически содержательной войны возможность не обнаруживается, и все-таки человек продолжает жить в напряжении порядка существования и насилия, *circulus vitiosus* [порочный круг], боязни войны и увеличения вооружения для обеспечения своей безопасности – оно, в свою очередь, ведет к войне, которую хотели предотвратить; этот круг может быть прорван либо одной силой, сложившейся из единения людей, обладающих средствами ведения войны (например, из действительного объединения Англии и Америки, способных в настоящий момент запретить всем остальным народам воевать), либо посредством неведомой нам судьбы, пролагающей путь из разрушения к бытию нового человека. Желать такого пути было бы бессильной слепотой, но тот, кто не заблуждается, должен быть готов к нему как к возможности.

Методы политической деятельности до применения насилия должны заключаться в формировании воли, способной привести массы к единению. Однако в аппаратах массы каждая воля обладает своеобразной неуловимостью. В напряжении между лидером и массой заключена определенная тенденция: в тот момент, когда одна сторона стала действенной, парализовать ее посредством другой.

Всемирно-историческим основным политическим вопросом нашего времени является вопрос о том, можно ли демократизировать массы, способен ли вообще средний по своей природе человек фактически включить в свою жизнь ответственное соучастие в качестве государственного подданного посредством соучастия в знании и в принятии решений об основных направлениях политики. Нет сомнения в том, что сегодня избиратели в подавляющем большинстве следуют не основанному на знании убеждению, а непроверяемым иллюзиям и неистинным обещаниям; что пассивность тех, кто не участвует в выборах, играет большую роль; что колеблющееся меньшинство, бюрократы или отдельные лица господствуют благодаря случайно сложившимся ситуациям. Масса может принять решение только посредством большинства. Борьба за большинство, пользуясь всеми средствами пропаганды, внушения, обмана, следования частным интересам, является, по-видимому, единственным путем к господству.

Подлинный лидер, который на протяжении своей жизни хочет указывать путь и может принимать решения, появляется лишь там, где он находит подготовленную почву. Сегодня вопрос в том, к чему апеллирует лидер, обращаясь к массам? Какие инстинкты пробуждаются, для какого рода способности существуют шансы? Какие характеры исключаются? Тот, кто желает чего-либо достигнуть в политике, должен внушить волею массам. Массы могут быть меньшинством. Однако лидеры, которые в качестве самих себя пользуются доверием у самосущих людей, до сих пор в нынешней ситуации не обнаруживаются. Они – либо постоянно связанные условиями и контролем, наблюдаемые с недоверием выразители ситуации или минутного волеия многих, с изменением которого они исчезают; либо неизвестные в своей истинной действительности демагоги, в течение некоторого времени увлекающие массы; либо, наконец, обладатели совместно с неким меньшинством фактической военной власти, господствующие посредством этой власти над всеми остальными, хотя бы этого или нет.

При такого рода лидерстве государство в эпоху абсолютизации массового порядка свидетельствует в технике и экономике о том, что оно само подвластно тенденциям, разрушающим его в его идее. Оно превращается как хаотическое предприятие в духовной сфере либо просто в единение рационального порядка существования масс с властью, без которой ничего в

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
мире не существует; тогда в распадающемся государственном сознании действительность государства сводится к случайным решениям и неуправляемому чередованию насильственных действий. Либо государственная воля становится в своей реакции против этого диктаторским восстановлением единства, авторитета, послушания, и тогда в фанатизированном государственном сознании теряется свобода человеческого бытия и остается только сила умной грубости. В обоих этих случаях остается лишь насильственное лидерство, не оправдываемое возвышенным до подлинной человеческой сущности бытием.

Таким образом, политической судьбой всех оказывается как будто отсутствие судьбы, ибо судьба есть лишь там, где самобытие посредством своей активности охватывает существование, вбирает его в себя, осуществляет и подвергает испытанию. Сегодня сфера власти политической деятельности нигде не служит ареной, на которой решается во всемирно-историческом масштабе характер человеческого бытия. Однако эта духовная ситуация все-таки предъявляет каждому возможному самобытию требование достигнуть понимания того, что может быть сделано на основании знания того, что происходит.

Далее, сфера власти не обладает сегодня больше той непосредственной простотой фактических действий, которой отличалась борьба европейских государств. Бесконечно запутанный мир, проникнуть во внутреннее переплетение которого после многолетнего опыта и исследования возможно человеку лишь отчасти, этот мир с его неясными фронтами борьбы, которые надлежит еще осознать как проявление подлинного смысла борьбы, – такова сфера, где действия, не основанные на специальном знании, не более чем бессмысленные попытки. Только ясность ситуации, которая в деятельности все время вновь создается, может сделать эту деятельность осмысленной и действенной.

Если же никто не может действовать длительное время, а самый могущественный проявляет свою власть посредством воли большинства, с исчезновением которой исчезает и он, то он действует в ожидании результата и благоприятного для него исхода выборов, будучи ответственным не перед своим Богом, а перед неуловимой массой. Ему приходится считаться с другими могущественными людьми, находящимися в том же положении. Поэтому сфера власти и практической деятельности явно и неопределенно ограничена переговорами. Мирная конференция в Версале была симптомом общего состояния мира. Неведомый ранее механизм общения и передачи сведений создал присутствие там всего земного шара за исключением Германии. Силы общественного мнения создали хаос трений, в которых случайность соединяется с ловкостью договаривающихся сторон, и утомление от конференций способствовало малым результатам этого выматывающего отдельного человека занятия. Этим результатам в дальнейшем держались, ибо в противном случае возникала угроза, что все развалится. Президент Вильсон хотел создать новое устройство мира и потерпел сокрушительное поражение из-за того, что он, будучи неопытен в маневрировании при обсуждении, действовал с теоретической прямолинейностью и привел к состоянию, названному "дешевым идеализмом".

2. Непостижимость целого

Целое в планирующем мышлении есть, во-первых, идея общего состояния, к которому стремятся программы; во-вторых, конкретное всемирно-историческое положение в настоящем.

Могущественными факторами являются, правда, своекорыстные интересы, объединенные в группы общего интереса. Однако выступают они, как бы представляя общие интересы. В программах как духовных образованиях общие интересы выступают в изначально гетерогенных образах: в виде утопии правильного устройства мира, обеспечивающего существование массы в состоянии вечного мира; в виде метафизики бытия государства самого по себе, которому должно быть подчинено все остальное; в виде этоса, который утверждает изменение мира, опираясь на фактические силы, существующие в данный момент, и не желает ничего знать о будущем, ибо это движение должно открыть непредвидимое будущее; в виде этоса самоограничения со стороны государства и общественного аппарата в пользу неприкосновенных прав человека и пространства, представляющих сферу действия возможному бытию людей в его многообразии; в виде исторической жизни народа как нации.

Эти образы борются в духовной сфере и становятся побудительными основаниями для смутных ранее мотивов. Но каждый из них становится неистинным в качестве тотальной программы, поскольку она претендует на абстрактную

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
всеобщность. Ибо политическая деятельность проистекает всегда из конкретной исторической ситуации в необозримом целом; каждый человек, каждая группа и каждое государство находятся только в единственном месте, а не повсюду; всему присуща лишь его возможность, а не возможность человечества вообще. Политическая деятельность – это действительность, схваченная в борьбе в ее последней зависимости и открывающая в фактическом результате свою сущность.

Однако то, что сегодня фронты борьбы неясны, делает столь необычайно трудным в определенной борьбе этих фронтов перемещение из неопределенной воли в подлинную волю.

Так, например, понятие народа в качестве целостности, о бытии которого идет речь, сегодня вызывает сомнение, которое не преодолено. Стремления к национализации во всем мире более нетолерантны, чем когда-либо, хотя нация рассматривается в них лишь как усредненная общность языка в ассимиляции, приближающейся к нивелирующему типу. Нация перестает быть подлинным народом там, где ее принуждают принять несвободу такого самосознания. Наоборот, многие отрицают национальность, считая ее ложным фронтом чуждых им интересов, и верят в неисторический характер народа, присущий всем родственным по своей судьбе массам исторических народов.

Как националистический народ, так и неопределенный народ массы, обеспечиваемый в своем существовании, подавляют сегодня изначальное, связанное с темной основой самобытие своего народа. Ясному сознанию уже невозможно вступить в фронт их борьбы. Тот, кто действительно хочет участвовать в судьбе человека, должен достичь более глубокой основы. Историчность собственной сущности в духовной традиции, покоящейся на глубокой основе преемственности крови, есть – когда об этом дискутируют и спрашивают – не просто действительная сила судьбы в ее данности, а лишь в том случае, если она взята и воспринята из свободы. Страшная ситуация современного человека проявляется, когда он не может больше верить в свой народ в тех образах, посредством которых он обладает своей нынешней объективностью и выражает свои требования, но вынужден погружаться в более глубокие слои, из которых он либо выводит субстанциальную историчность своего бытия, либо падает в бездну.

Судьба не может быть насильственно создана в соответствии с идеалом. Она открывается только в конкретной всемирно-исторической ситуации. Исторически данное – это субстанция, которую человек со времен Французской революции, правда, пытался радикально уничтожить. Это равносильно тому, что он сознательно рубит ветку, на которой сидит. Его возможность как будто стала попытка приложить руку ко всему своему существованию, превратив его в предмет планирования. Когда хотели сделать существование как целое правильным, с одной стороны, возникла опасность его крушения, с другой угроза возникновения неведомой ранее принудительности; обе они одновременно познаются и переносятся людьми. Любая попытка перерыва или прекращения истории терпит крушение, поскольку, к счастью для духовного состояния, история вновь начинает действовать в измененном образе. Постигнуть настоящий момент всемирной истории – дело политической конструкции, которая должна исходить из конкретного положения. Описать его изолированно невозможно.

Политика как эгоистический расчет государственной сферы рассматривает все остальное как изменяемое в зависимости от конstellляции союзников или врагов. Она вступает в союз с самым чуждым против духовно и исторически ближайшего. При наличии серьезного конфликта с Америкой Англия, не задумываясь, заключила бы союз с Японией, Англия и Франция послали на Рейн отряды индейцев и негров. Германия вряд ли отклонила бы союз с Россией, если бы он предоставил ей шансы обрести свою свободу.

Однако политики, основывающиеся на историческом осознании целого, уже сегодня увидели бы не интересы каждого отдельного государства, а будущие интересы человеческого бытия, которые неопределенно вырисовываются в противоречиях между западными странами и Азией, между европейской свободой и русским фанатизмом. Подобные политики не забывали бы о тесной человеческой и духовной связи между немецкой сущностью и сущностью англосаксонской и романской и содрогнулись бы от измены, которая в этой области все время встречается вплоть до сегодняшнего дня.

Как когда-либо расположатся фронты борьбы, непредсказуемо; или, вернее, как

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
бы их себе ни представлять, они абсурдны, ибо фактический фронт борьбы
сегодня в нашем знании никогда не будет соответствовать внутреннему смыслу
борющегося за свое будущее человеческого бытия.

Ближе, чем эти возможные фронты борьбы, нам вопрос об обороноспособности
вообще. Даже если бы удалось установить длительный мир, того, кто отказался
бы от внутренней готовности к физической борьбе, в конечном счете ждет
гибель. То, что было навязано Германии – сокращение армии при отказе от
всеобщей воинской повинности, – означало бы, если бы оно получило всеобщий
характер, величайшую угрозу миру и подлинной исторической войне, т. е.
отказ масс от войны, а это невольно привело бы к тому, что народы стали бы
объектом господства таких солдатских меньшинств. Возможность войны
исключается отнюдь не отказом от преобладающего вооружения. Даже если
милитаристский пафос стал ложным, то теперь в горькой серьезности
неизбежного духовная ситуация заключается в том, чтобы найти и осуществить
тот образ истинного смысла, без которого теряется все остальное. Тот, кто в
вихре чрезмерно форсированных милитаристских призывов и при инстинктивной
боязливой попытке скрыть то, что еще действительно, все-таки сохранит
трезвое мужество и найдет путь к вооружению, по которому другие могут
следовать за ним, был бы творцом человеческой субстанции, на которой
основано будущее. Это никоим образом не было бы чисто милитаристским
мужеством; оно явилось бы лишь звеном того более глубокого мужества,
которое может стать соучастником знания целого и из ответственности,
просветленной этим знанием, действовать на пути, в конце которого находится
не необходимость, а лишь возможность насилия.

Ситуация как будто требует в мирное время активности в духовной борьбе за
или против войны. Однако держаться этой альтернативы возможно перед лицом
непостижимого целого только при гарантии мира для всех посредством
могущества одного, которому все согласны подчиниться. Трудность возникает
из-за всеобщей маскировки. Возбуждающая волю к войне выставка военного
оружия не знакомит население с применением газов, с голодом и смертью. С
другой стороны, пацифистские аргументы умалчивают о том, что означает жить
в рабстве и подчиняться требованию не оказывать сопротивления. То и другое
маскирует основу зла, в котором находят мрачный выход все силы, которые в
конце концов находят свое выражение в войне. К ним относятся: уверенность в
беспорном превосходстве, считающая собственное существование единственно
истинным; неспособность стать на точку зрения другого, исходить из его
ситуации, не предавая себя; страх, требующий уверенности и обретающий ее
лишь в превосходстве над всеми; удовольствие от власти как таковой;
отсутствие истины в отношении к себе и другим, в результате чего жизнь
становится хаосом, из которого ищут насильственный выход слепое
утверждение, неодолимая страсть и влечение во тьму. Человечность, по
существу, не действительна, она зависит от условий, при нарушении которых
прорывается дикость звериного своеволия как устанавливающее свое
преимущество существование – как это и происходит в отношениях между
отдельными людьми в страшные, обнажающие страсти мгновения, так и между
государствами.

Вооружение в милитаристском применении действительно могло бы когда-нибудь
в будущем мире сократиться до границы исчезновения. Ибо в переплетении
государств существует сила, способная господствовать, не обладая формой
господства и заметными милитаристскими средствами. Суверенные по своей
форме государства фактически находятся в полной зависимости. Вопрос в том,
каким образом сегодня выгода и осуществление мирового господства могут
выглядеть иначе, чем когда-либо. То, что бросается в глаза, может не иметь
исторического значения. Однако где-то ведь существует точка, где в основе
целого лежит по крайней мере возможность победоносного применения насилия.

В этой ситуации тот, кто стал соучастником знания о целом, либо хочет
участвовать в борьбе на исторически релевантном месте, т. е. для
становления подлинного человеческого бытия, либо вообще не участвовать в
политической борьбе. Периферийная борьба, результатом которой могут быть
лишь разрушения, лишённые исторического воздействия, ниже его достоинства.
Ибо безусловность в решимости рисковать жизнью возможна только там, где
речь идет о характере человеческого бытия, который должен сохраняться в
жизни, следовательно, о собственно исторической судьбе, а не там, где речь
идет только об интересах государства и экономических коллективов.

Однако действительность требует другого. Чем является целое в определенной
ситуации вне данной перспективы, остается непостижимым. Сегодня мы вряд ли

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
еще можем верить в то, что всемирная история является судом мира, – убеждение Шиллера и Гегеля, осуществление может быть в крушении столь же действительным, как в успехе. Что обладает преимуществом перед лицом трансценденции, никто знать не может.

Целое являет собой напряжение несоединимого. Оно для нас – не предмет, а в неопределенном горизонте местопребывания людей как самосущих экзистенций, их творений как зримых образов, возвеличение сверхчувственного в чувственном – и все это в погружении в бездну небытия.

Быть может, свобода человека может сохраняться и неизмеримо расширять опыт своего бытия только в том случае, если пребывает неразрешимость напряжения. Как диктатор, так и лишенное судьбы обеспечение масс ведут к механизму, в котором человек в качестве человека не мог бы больше жить. Наша потребность в покое может действительно стремиться к такому решению как единство. Однако то, что мы должны были бы хотеть, если бы можно было того хотеть, это – то, что решение, к которому мы стремимся, никогда не наступит. В области политики парадоксальность состоит в том, что то, на что направлены все силы, не должно быть завершено.

3. Воспитание

Смысл воспитания. Становление человека происходит не только посредством биологического наследования, но и существенным образом посредством традиций. Воспитание человека – процесс, который повторяется применительно к каждому индивиду. Средством фактического исторического мира, в котором вырастает индивид, а в этом мире посредством планомерного воспитания родителями и школой, посредственно свободно используемыми учреждениями, и, наконец, в течение всей жизни посредством всего, что он слышит и узнает, в него входит то, что, объединенное в активности его существа, становится его образованностью, как бы второй его натурой.

Образование делает индивида посредством его бытия соучастником в знании целого. Вместо того чтобы неподвижно пребывать на своем месте, он вступает в мир, и таким образом его существование может быть в своей узости все-таки одушевлено всем. Человек тем решительнее может стать самим собой, чем яснее и наполненнее мир, с которым его собственная действительность составляет единство.

Если субстанция целого бесспорно присутствует, то воспитание, связанное с прочной формой, обладает своим само собой разумеющимся содержанием. Оно означает строгую серьезность, с которой новое поколение каждый раз втягивается в дух целого как образованность, исходя из которой живут, трудятся и действуют. То, что совершает воспитатель, почти не осознано. Полностью пребывая в своем деле, он служит, не делая экспериментов, потоку становления человеком, который протекает в равномерности уверенного континуума.

Но если субстанция целого стала вызывать сомнение и находится в состоянии распада, воспитание становится неуверенным и раздробленным. Оно уже не приводит детей к величию всеохватывающего целого, а служит разнообразному опосредствованию. Личная деятельность учителя выступает на первый план, подчеркивается и вместе с тем теряет свое значение, поскольку она не опирается на целое. Предпринимаются различные попытки, чередуются рассчитанные на короткое время содержания, цели и методы.

Мир охватывает беспокойство; сползая в бездну, люди чувствуют, что все зависит от того, каким будет грядущее поколение. Известно, что воспитание определяет будущее человеческое бытие; упадок воспитания был бы упадком человека. И воспитание приходит в упадок, если исторически воспринятая субстанция распадается в людях, которые в своей зрелости несут за нее ответственность. Забота об этой субстанции становится сознанием опасности ее абсолютной утраты. Один обращается назад и хочет передать детям в качестве абсолютного то, что для него самого уже не безусловно. Другой отвергает историческую традицию и занимается воспитанием так, будто оно находится вне времени и состоит в обучении техническому умению, в приобретении реального знания и в умении ориентироваться в существующем мире. Каждый знает – кто завоеует молодежь, обладает будущим.

Симптомом обеспокоенности нашего времени в воспитании является интенсивность педагогических усилий, лишенных единой идеи, необозримая

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
ежегодная литература, рост дидактического искусства, то, что отдельные учителя отдают все свои силы в до сих пор едва ли существовавшей степени. Тем не менее до сих пор для нашей ситуации характерен распад субстанциального воспитания, замена его бесконечными педагогическими опытами, растворением в безразличных возможностях, неистинной прямолинейности того, что выражено быть не может. Создается впечатление, будто завоеванная человеком свобода сама отказывается от себя в пустой свободе ничтожного. Эпоха, не доверяющая сама себе, озабочена воспитанием, будто здесь из ничего может вновь возникнуть нечто.

Характерна роль молодежи. Там, где воспитание, исходя из духа целого, субстанциально, молодежь сама по себе незрела. Она почитает, слушается, доверяет и не обладает значимостью в качестве молодежи; ибо она – подготовка и возможная призванность для будущего. В условиях же распада молодежь обретает ценность сама по себе. От нее прямо ждут того, что в мире уже потеряно. Она может чувствовать себя истоком. Уже детям разрешено участвовать в обсуждении школьных порядков. Как будто к молодежи предъявляется требование самим создать то, чем уже не владеют их учителя. Подобно тому как будущие поколения обременяются государственным долгом, они обременяются и следствиями расточительства духовного богатства, которое им предоставляют завоевать заново. Молодежь обретает фальшивый вес и вынуждена оказаться несостоятельной, ибо становление человека возможно только если он растет на протяжении десятилетий и в строгости формируется посредством последовательности шагов. Если после такого воспитания в смешении безразличного и случайного взрослый человек не входит в мир, остается покинутым и сознает это, то неизбежным признаком времени становится требование образования для взрослых. Раньше по отношению к взрослым людям речь шла только о передаче знания более широким кругам; проблемой была возможность популяризации. Сегодня же возник вопрос, как из истоков данного в настоящем существования создать в сообществе народных учителей, рабочих, служащих, крестьян новую образованность, предотвратить вульгаризацию старой. Человек в своей оставленности должен не только, понимая, научиться ориентироваться в действительности, но вновь принадлежать к сообществу, которое, выходя за пределы профессиональной принадлежности и партийности, сближает человека с человеком как таковым; вновь должен возникнуть народ. Сомнительность всего того, что было достигнуто в этом смысле в области образования взрослых, не может препятствовать пониманию всей серьезности поставленной задачи. Если все то, что было идеей, разбивается о действительность времени, то взлет в ситуации превращается в невыполнимое, быть может, требование, но в качестве требования оно – остаток человеческого достоинства. Если народа, к которому индивид ощущает безусловную принадлежность, больше не будет – или если этот народ будет существовать только в виде руин, – если все станет массой в неодолимом процессе распада, то становление нового народа превратится в утопическое содержание романтического устремления. Но импульс сохраняет свое право. В настоящее время существует только товарищество друзей, физиогномически зрима действительность отдельных индивидов, воля к коммуникации с чужими, первоначально иначе настроенными людьми. Поэтому образование взрослых в том смысле, как оно понимается сегодня, не есть действительность, а требование вследствие потерянности человека в разрушенном образовании в нашу эпоху, человека, воспитание которого оказалось несостоятельным.

Государство и воспитание. Государство посредством своей власти выступает как гарант любой формы массового порядка. Сама по себе масса не знает, чего она, собственно говоря, хочет. Требования массы сводятся к усредненному, которое может быть выражено в форме вульгарной понятности. Если требования массы вообще определяют содержание воспитания, то лишь следующим образом: учиться тому, что имеет применение в жизни; ощущать близость к жизни, причем под жизнью понимается умение ориентироваться в существовании вплоть до знания правил движения в больших городах; формироваться в личность (под этим понимается, с одной стороны, приспособленность, которую называют деловитостью, с другой – распущенность в качестве уступки склонностям и удовольствиям в том виде, в каком они свойственны всем, что именуют естественностью); препятствовать строгости, связанной с идеей, ибо она создает дистанцию и иерархию бытия вместо простой пригодности; видеть свободную от трений жизнь индивидов и уничтожать возможность ответственного за свои действия человека.

Государство, которое само является формой длительного воспитания всех, озабочено воспитанием молодежи. Ибо посредством этого воспитания формируются люди, которые впоследствии будут его опорой. Сегодня

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
государству даны две крайние возможности. Либо оно предоставляет полную свободу в деле воспитания, дает требованиям массы утратить свою силу, пытаясь в борьбе с ними установить аристократическую форму воспитания. Государство господствует без единства и устойчивости в этой сфере посредством своей персональной политики, которая ведет к распределению преподавательских должностей между господствующими партиями. Допускается многообразие учебных планов и попыток вплоть до необозримой раздробленности, ограничиваемой только тем, что утвердиться может лишь то, что находит опору какой-либо политической группы власти. Иногда создание школы приводит к успеху благодаря личным качествам директора, если он свободен в выборе учителей. Но в целом результатом оказывается противоречивая деятельность учителей, не понимающих друг друга и подчиняющихся механическим учебным планам в школах, где отсутствует дух подлинной общности за фасадом патетики национального, мировоззренческого и социального характера. Контролирование и противодействие друг другу препятствуют установлению континуума. Все совершается скачками и все время меняется. Дети лишены истинных, значительных, благородных впечатлений, которые не забываются и могут определить всю их жизнь. Чрезмерные требования в области фактического обучения заставляют их напрягать силы, не формируя их сущность. Отсутствует чистая объективность вещей, которая на основе веры строго противостояла бы индивидуальному желанию и нежеланию. На индивидуализации настаивают более, чем следует, и все-таки не могут достигнуть того, что нелепо превращают в цель волевой направленности, формирования личности. Вследствие того что ребенка дергают в разные стороны, он обнаруживает лишь обломки традиции, но не мир, в который он мог бы с доверием вступить.

Либо государство овладевает воспитанием, незаметно и насильственно формируя его в своих целях. Тогда возникает единообразное воспитание, парализующее духовную свободу. Основные убеждения фиксируются в виде определенного верования и вместе со знанием и умением вколачиваются как способ чувствования и оценки. То, что происходит при большевизме и фашизме и что сообщается об уменьшении свободы в Америке, конечно, весьма отличается друг от друга, но общим является типизация человека.

Массе введома эта прямолинейная власть государственного униформирования, введома лишенная направленности многообразие. Однако для того, чтобы воспитание вновь стало тем, чем оно было в свои лучшие времена, т. е. возможностью стать в историческом континууме человеком в самобытии, необходимо исходить из веры, косвенно опосредствующей в строгости обучения и упражнения духовное содержание.

Для этого нет рецепта. Государственная власть не может здесь ничего создать: она может только защитить или разрушить. Когда, взирая на будущее, осознается целое, это выдвигает свое требование духовная ситуация. Оно может быть выполнено лишь в том случае, если в противовес массовым оценкам утвердится различие между учением и дисциплиной, между тем, что понятно всем, и тем, что человек достигает посредством дисциплины внутренних действий в силу избранной элитарности.

Воспитание зависит от изначальной жизни духовного мира. Воспитание не может пребывать само по себе; оно служит традиции этой жизни, которая непосредственно выступает в поведении человека, является его ставшим сознательным отношением к действительности обеспечения существования и к государству и возвышается в присвоении созданных духовных творений. Судьба духа в нашу эпоху должна определить содержание еще возможного воспитания.

четвертая часть

Упадок духа и его возможности

Государство в качестве действительности существования было границей, на которой нечто большее, чем существование, определяло его волей в целом. Государство в силу своей власти является последней инстанцией решения в сфере существования, но не последним для самого человека. В нем он не обретает покоя. Даже если он идентифицирует себя с ним, целое остается для него под вопросом, ибо для него государство всегда остается лишь промежуточным бытием в незавершаемом движении сквозь время. Если же государство становится просто слугой массового порядка и теряет всякое отношение к подлинной судьбе, если оно в этой зависимости изменяет возможностям человека в качестве экзистенции в труде, профессии, духовном

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org созидании, тогда человек в качестве самобытия должен внутренне даже противостоять государству. Правда, установленный благодаря власти государства порядок существования никогда не может быть упразднен, ибо тогда наступит полный развал; но может возникнуть жизнь в радикальной оппозиции, основным вопросом которой является – как вновь овладеть этим порядком.

Поскольку человек не находит завершения в осуществлении целостности существования, он, перелетая через существование, строит в пространстве, в котором он во всеобщем образе своего бытия коммуникативно обретает уверенность, второй мир, мир духа. Правда, он и как духовное бытие связан со своей действительностью существования, но в своем взлете он выходит за ее пределы; освобождаясь на мгновение от действительности, он возвращается в нее в качестве бытия, которым он стал в созидании духа.

Из таких истоков в первом мире создается и обнаруживается второй: в знании своего бытия человек выходит за пределы своего лишь данного ему существования. В сфере своего образования он совершает духовный процесс, который, определяя деятельность в заботе о существовании, становится смыслом пронизывающей ее идеи. В творениях искусства, науки и философии дух создает свой язык.

Судьба духа заключена в полярности зависимости существования и изначальности. Он теряется как в одной только зависимости, так и в воображаемой недействительности. Если в действительности существования он был ее идеей, то эта идея может умереть, а то, что было духом, продолжит пребывать в остаточных: явлениях в качестве оболочки, маски и просто раздражения. В нашу эпоху массового порядка, техники, экономики духу вместе с человеческим бытием грозит, если эта неизбежность абсолютизируется, разрушение в своей основе: подобно тому как государство в качестве союзника человека может быть парализовано, так может быть парализован и дух, если он живет уже не истинной жизнью из собственных истоков, в конечной целесообразности, а жизнью в конечной целесообразности, фальсифицированной для службы мысли.

1. Образование

В образовании как форме жизни его стержень – дисциплина в качестве умения мыслить. А среда – образованность в качестве знаний. Его материалом являются созерцание образов прошлого, познание как необходимо значимые воззрения, знание вещей и владение языками.

Образованность и античность. На Западе образованность широких слоев, в отличие от массы, вплоть до настоящего времени осуществлялась только посредством гуманистических знаний, тогда как для отдельных индивидов были возможны и другие пути. Тот, кто в молодости изучал греческий и латинский, читал античных авторов, философов и историков, кто освоил математику, ознакомился с Библией и немногими великими поэтами нации, преисполнен миром, который в своей бесконечной подвижности и открытости дает прочное содержание и делает доступным все остальное. Однако такое воспитание в своем осуществлении уже есть отбор. Не все обретают в нем то, что важно, многие оказываются несостоятельными и способными воспринять лишь внешнее. Решает здесь не специфическая способность к языкам, к математическому мышлению или реалиям, а готовность к духовному постижению. Гуманистическое образование всегда образование единичного человека, который посредством своего бытия в становлении совершает вместе с ним выбор. Поэтому лишь это воспитание обладает тем чудесным свойством, что и плохие учителя могут достигнуть успеха. Тот, кто в ученические годы, читая "Антигону", слышит лишь о грамматике и метрике и противится такому преподаванию, может быть все-таки взволнован самим текстом.

На вопрос, почему же именно этот путь обладает таким преимуществом, ответ может быть дан только исторически, а не исходя из какой-либо рационально понятой целесообразности. Античность дала фактическое обоснование тому, чем мы на Западе можем быть в качестве людей. В Греции идея образованности была впервые осуществлена и постигнута так, как она с тех пор применяется каждым, кто ее понимает. Все великие взлеты человеческого бытия происходили на Западе посредством соприкосновения и размежевания с античностью. Там, где о ней забывали, наступало варварство. Оторвавшемуся от своей почвы суждено колебаться, будучи лишенным опоры, и именно таково будет наше состояние, если мы утратим связь с античностью. Античность – наша почва,

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
хотя она постоянно меняется, и лишь во вторую очередь и без автономной силы образования – прошлое своего народа. Мы европейцы в своей принадлежности народности, которая посредством специфического заимствования стала таковой. Это образование теперь в лучшем случае допускается волей масс. Число людей, для которых оно что-то значит, становится все меньше.

Нивелированное образование и специальная подготовка.

В существовании массового порядка всеобщее образование приближается к требованиям среднего человека. Духовность гибнет, распространяясь в массе, рационализация, доведенная до грубой моментальной доступности рассудку, привносит в каждую область знания процесс обеднения. С нивелирующим массовым порядком исчезает тот образованный слой, который на основе постоянного обучения обрел дисциплину мыслей и чувств и способен откликаться на духовные творения. У человека массы мало времени, он не живет жизнью целого, избегает подготовки и напряжения без конкретной цели, преобразующей их в пользу; он не хочет ждать и допускать созерцание; все должно сразу же дать удовлетворение в настоящем; духовное стало сиюминутным удовольствием. Поэтому эссе стало наиболее подходящей литературной формой, газета вытеснила книгу, а все время меняющееся чтение – сопутствующее на протяжении всей жизни творения. Читают быстро. Нужна краткость, но не та, которая может стать предметом воспоминания в медитации, а та, которая быстро сообщает то, что хотят знать и что затем сразу же забывают. Собственно говоря, подлинное чтение в духовном единении с содержанием стало невозможным.

Теперь образованность означает нечто, никогда не получающее формы, а стремящееся в чрезвычайной интенсивности выйти из пустоты, к которой постоянно возвращаются. Появляются типичные оценки. Люди пресыщены уже тем, что они только что услышали; поэтому они все время ищут нового, привлекающего их уже самой новизной. В нем приветствуют изначальное, которого ждут, и вскоре отворачиваются от него, ибо оно нужно только как сенсация. В сознании того, что наступила эпоха, формирующаяся как новый мир, где прошлого уже недостаточно, люди охотно дают наименование нового тому, что хотят сделать значимым: новое мышление, новое ощущение жизни, новая культура тела, новая деловитость, новое хозяйствование и т. д. Утверждение "нечто ново" является позитивной оценкой, не новопренебрежительной. Даже если сказать нечего, есть ведь рассудок, который можно занять решением сложных задач как объектом преодоления; утверждение, что человек интеллигентен становится оценкой, которая теперь заменяет духовное бытие возможной экзистенции. Нет человеческой близости, нет любви, есть только польза; товарищи и друзья выступают в абстрактной теории или служат сиюминутным целям существования; отдельный человек ценится в качестве интересного, не в качестве самого себя, а как раздражитель; раздражение прекращается, как только он больше не удивляет. Образованным называется тот, кто обладает способностью ко всему этому, являет себя новым, интеллигентным и интересным. Сфера этой образованности – дискуссия, которая сегодня стала массовым явлением. Однако дискуссия могла бы вместо удовольствия, упомянутого выше в трех оценках, дать подлинное удовлетворение лишь в том случае, если она служит подлинной коммуникации в качестве выражения борьбы верований или сообщения опыта и знания, принадлежащих совместно конституированному миру.

Массовое распространение знания и его выражения ведет к изнашиванию слов и фраз. В хаосе образованности можно сказать все, но так, что, собственно говоря, ничего не имеется в виду. Неопределенность смысла слов, более того, даже отказ от отвлеченности, которая только и соединяет дух с духом, делает существенное понимание невозможным. Когда внимание к подлинному содержанию утрачено, в конце концов сознательно обращаются к языку как языку, и он становится предметом намерения. Если я смотрю на местность через стекло и это стекло становится мутным, то я все еще вижу, но если я вставляю стекло в глаз, я не вижу больше ничего. Сегодня избегают воспринимать через язык бытие, более того, бытие подменяется языком. Считая, что бытие "изначально", избегают всех привычных слов, прежде всего высоких слов, которые имели и могли иметь содержание. Непривычное слово и непривычное расположение слов должны симулировать изначально истину, способность быть новым в словах, глубину. Дух как будто пребывает в новых наименованиях. На мгновение поразительное свойство языка приковывает внимание, но вскоре и оно теряет значение или оказывается личиной. Сведение к языку кажется судорожным усилием найти в хаосе образования форму. Таким образом, сегодня проявление образованности, которая заменяет действительность, либо

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
расплывчатые высказывания любыми словами, либо разговорчивость становятся манерой речи. Центральное значение языка для человеческого бытия стало вследствие искажения направленности внимания фантомом.

В этом неудержимом разложении усиливаются возможности образования, обнаруживаются пути к подъему: там, где речь идет о профессиональном знании, точная специализация стала само собой разумеющейся. Распространилась специализация; необходимое для этого знание может быть достигнуто усвоением методов и сведено к простейшей форме в своих результатах. В хаосе повсюду разбросаны оазисы, где люди, обладая профессиональным знанием, к чему-либо способны. Но это знание разбросано; отдельный человек может выполнять лишь отдельные функции, и это его умение часто подобно ограниченной сфере, которой он только обладает, но не приводит к единству со своей сущностью и с целостностью образованного сознания.

Историческое усвоение. Возникла враждебность к образованию, которая сводит содержание духовной деятельности к техническому умению и выражению минимума голого существования. Эта позиция – коррелят к процессу технизации планеты и жизни индивида, который ведет к превращению исторической традиции у всех народов, чтобы поставить собственное существование на новую основу: существовать может лишь то, что входит в новый, созданный Западом, но по своему смыслу и воздействию общезначимый мир технической рациональности. Этот акт обусловливает доходящее до корней человеческого бытия потрясение. Это наиболее глубокий надлом, когда-либо известный Западу; однако, поскольку он создан самим Западом в его духовном развитии, здесь он находится в континууме мира, к которому принадлежит. Ко всем другим культурам этот надлом приходит извне как катастрофа. Ничто не может больше сохраняться в прежнем виде. Один и тот же основной вопрос стоит перед великими культурными народами Индии и Восточной Азии, так же как перед нами. В мире технической цивилизации им надлежит либо преобразовать свои социальные условия и следствия, либо погибнуть. Когда враждебность к образованию самонадеянно уничтожает все прошлое, будто мир начинается сначала, духовная субстанция может быть сохранена в этом преобразовании только посредством исторического воспоминания, которое в качестве такового есть не просто знание о прошлом, а сила жизни в настоящем. Без него человек стал бы варваром. Радикальность кризиса нашей эпохи бледнеет перед вечной субстанцией, частью бытия которой, бессмертного, способного всегда быть, составляет воспоминание.

Поэтому враждебность к прошлому относится к родовым мукам нового содержания историчности. Она оборачивается против историзма как ложной историчности, поскольку он стал неподлинным суррогатом образования. Ибо воспоминание просто как знание о прошлом лишь собирает бесконечные антикварные сведения; воспоминание как понимающее созерцание воспроизводит картины и образы как необязательное противостояние; лишь воспоминание как усвоение создает действительность самобытия человека в настоящем, сначала в почтении, затем в масштабе его собственного чувствования и деятельности и, наконец, в участии в вечном бытии. Проблема характера воспоминания – это проблема еще возможного теперь образования.

Знанию о прошлом служат распространенные повсюду институты; объем, в котором современный мир интересуется прошлым, свидетельствует о наличии глубокого инстинкта, стремящегося к тому, чтобы, несмотря на разрушение, сохранилась бы по крайней мере возможность исторического континуума. В музеях, библиотеках, архивах хранятся творения прошлого с сознанием того, что таким образом сберегается нечто незаменимое по своему значению, даже если оно в данный момент еще не понято. В этом единодушны все партии, мировоззрения и государства, и верность в деле сохранения творений прошлого еще никогда не была столь всеобщей и само собой разумеющейся по своей надежности. Исторические реликвии пользуются во всех местах, где о них помнят, защитой и уходом. То, что некогда обладало величием, продолжает жить как историческая мумия данной местности и становится целью путешествий. Места, обладавшие некогда мировым значением и отражавшие гордость республиканской независимости, живут теперь на средства, поступающие от туризма. Европа становится чем-то вроде большого музея истории западного человека. В склонности отмечать исторические даты основания государств, городов, университетов, театров, годы рождения и смерти знаменитых людей воспоминание служит, хотя еще и без должного наполнения содержанием, симптомом воли к сохранению.

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
Лишь у немногих знаемое воспоминание переходит в понимающее созерцание. Человек как будто уходит из настоящего и живет в прошлом. То, что уже достигло своего конца, продолжает жить как элемент содержания образованности. Панорама тысячелетий подобна пространству душевного созерцания. XIX в. довел это понимание до никогда ранее не достигнутого уровня и объективности: страсть к созерцанию освобождала от ничтожности настоящего, знакомя с наивысшим, на что способны были люди. Конституировался мир образованности, который перешел в традицию жизни в книгах и свидетельствах прошлого. Бледные эпигоны первых созерцателей знакомили с тем, что было увидено. То, что некогда было изначальным видением образов, эпигоны эпигонов сохраняют еще под властью обаяния, воспринятого в понимании мира по крайней мере в слове и учении.

Однако антикварное знание и созерцательное понимание сохраняют свое право в конечном счете только как идеал возможного в настоящем осуществлении. Историческое усваивается не только как знание чего-то; не как лучшее, которое может быть восстановлено, поскольку оно не должно было умереть. Усвоение состоит только в преобразующем прошлом возрождении человеческого бытия посредством вступления в духовную сферу, в которой я, исходя из собственных истоков, становлюсь самым собой. Образование как усвоение прошлого служит не тому, чтобы уничтожить настоящее как неполноценное, чтобы подло бежать от него, но тому, чтобы, взирая на вершины, не утратить то, что на пути к высотам доступной мне действительности я могу искать в настоящем.

То, что берется в новое владение, заново порождается для другого настоящего. Неистинная историчность лишь понимания в образованности есть воля к повторению, истинная же – готовность найти источник, питающий каждую жизнь, а поэтому и жизнь в настоящем. Тогда возникает без определенного намерения и плана подлинное усвоение; невозможно предвидеть, какая осуществляющая сила живет в воспоминании. Сегодняшняя ситуация, когда возникла угроза разрыва в истории, требует сознательно обратиться к возможности этого воспоминания. Ибо, уничтожив ее, человек уничтожил бы и себя. Сегодня, когда в машинный мир массового существования вступают новые поколения, они обнаруживают в качестве средств воспоминания книги, архитектурные памятники и разного рода произведения, вплоть до бытовых особенностей прошлого, наряду с сообщением фактов их собственного происхождения, никогда ранее не бывшими доступными в такой степени всеобщности. Спрашивается, как использует это экзистенция в ее историчности, обнаруживая себя в ней?

Образование в качестве простого знания и понимания могло бы вести к романтическому желанию восстановить то, что возвращено быть не может, к забвению того, что каждой исторической ситуации доступны лишь ее собственные возможности осуществления. Этому противостояла благонравность расчетливой жизненной позиции, ищущей в исторически увиденном лишь то, что для нее самой было безусловно и необходимо для ее деятельности. Истинная образованность предпочитает минимум усвоения в пребывании изначальной самой собой блужданию в путанице великолепнейшего мира. Из этого импульса выросло, по-видимому, и чувство истинного и экзистенциально изначального по отношению к истории. Решающим стало вновь не только богатство многообразного, но прежде всего единственные вершины, с которых человек говорит для всех времен. Сегодняшняя скудость объединяется с величием. Утрата иллюзий, которую пришлось претерпеть романтическим грезам в столкновении с действительностью сегодняшнего бытия, переходит в лишенное иллюзий видение подлинного, которое одновременно было полнотой.

Пресса. Газета является духовным существованием нашей эпохи в качестве сознания того, как оно осуществляется в массах. Находившаяся сначала на службе по сообщению известий, она стала вскоре властительницей. Она создает знание о жизни во всеобщей доступной определенности в отличие от специального знания, которое в своей постижимой лишь для знатоков очевидности пользуется терминологией, недоступной другим людям. Артикуляция этого знания жизни, возникающая как сообщение, оставляя изучение специального знания как промежуточную точку за собой, создает анонимное образование эпохи в его становлении. Газета как идея становится возможностью великолепного осуществления проблемы образования масс. Она избегает пустых общих мест, агрегат внешнего, переходя к зримому, конструктивному, отчетливому представлению фактов. Газета охватывает все, что вообще возникает в сфере духовности, вплоть до самой далекой, эзотерической специальной науки и самых возвышенных личных творений. Она

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
как бы вновь создает, привнося в сознание времени то, что без нее осталось бы не оказывающим воздействия владением отдельных лиц. Она делает понятным в преобразовании, превращающем специальное в видимое каждому. Античная литература, которая делала маленький, прозрачный и простой по сравнению с нашим мир пластическим и отчетливым для него самого, могла бы служить образцом и служила им для некоторых. Ее сущность – гуманность, открытая во все стороны, которая может сама непосредственно видеть вещи. Однако сегодня требование мира, которое хочет быть познанным, вследствие неизмеримой запутанности фактических данностей радикально иное.

Возможность обнаружить в хламе ежедневной печати драгоценные алмазы отшлифованного в поразительной краткости сообщения, предлагаемого совершенным языком непритязательного отчета, дает высокое, хотя и нечасто доставляемое удовлетворение современному человеку. Это – результат духовной дисциплины, которая оказывает в данном случае свое воздействие и незаметно преобразует сознание современного человека. Уважение к журналисту возрастает, когда становится ясным смысл сказанного для сегодняшнего дня. То, что теперь происходит, должно быть не только воспринято с полным присутствием духа; важно также, чтобы оно было высказано для сотен тысяч. Слово, возникшее в данный момент, оказывает действие. Это самое близкое жизни свершение, держащее в своей власти ход вещей, поскольку оно соответствует представлениям, которые присущи людям в качестве массы. То, на что часто жалуются, исходя из того, что влияние печатного слова на читателя невелико по своему объему и своей длительности, что это работа на день, может быть сегодня именно непосредственно активным участием в подлинной действительности. Поэтому существует и своеобразная ответственность журналиста, которая дает ему уверенность в себе и славу в его незаметности. Он знает о своей власти управлять мыслями людей в нагромождении событий. Он становится соучастником момента, находя то, что должно быть сказано теперь.

Однако его высшая возможность может превратиться в крах. Кризисов прессы, правда, не существует. Ее царство гарантировано. Борьба в этом царстве идет не за сохранение господства, не против какого-либо противника, а за решение вопроса о том, сможет ли еще существовать власть независимо присутствующего духа, или ей грозит уничтожение? То, что от мгновенного восприятия духом настоящего часто остается лишь умелая писанина, понятно и должно быть принято как неизбежное. Действительно страшно в ситуации времени то, что возможная ответственность и духовное творчество в журналистике ставятся под вопрос из-за их зависимости от потребностей масс и политико-экономических сил. Высказывается мнение, что, работая в прессе, невозможно сохранить духовную порядочность. Для того чтобы найти сбыт, пресса должна учитывать инстинкт миллионов; сенсация, вульгарность, доступная рассудку большинства, отказ от всех требований к читателю ведут к росту тривиальности и грубости. Чтобы жить, пресса должна все больше переходить на службу политических и экономических сил. Под руководством этих сил она обучается искусству сознательной лжи и пропаганды, рассчитанных на чуждые духу силы. Она должна покоряться диктату ее содержания и убеждений. Только в том случае, если какая-либо власть сама придерживалась бы какой-либо идеи и журналист мог бы объединиться в своей сущности с этой властью, он вступил бы на путь своей истины. Возникновение сословия, обладающего собственным этосом, которое фактически осуществляет духовное господство над миром, – признак нашей эпохи. Его судьба едина с судьбой мира. Без прессы этот мир жить не может. Его будущее зависит не только от читателя и фактических властей, а от изначальной воли людей, которые своей духовной деятельностью формируют это сословие. Вопрос заключается в том, смогут ли свойства масс полностью разрушить все то, что могло бы определить здесь становление человека.

Журналист может осуществить идею современного универсального человека. Он полностью погружается в напряженность и действительность дня и способен сохранить в нем присутствие духа. Он ищет точку, где мог бы пребывать в той глубине, где душа времени совершает свое движение. Он сознательно соединяет свою судьбу с судьбой времени. Он пугается, страдает и отступает там, где наталкивается на ничто; становится неискренним, если к удовольствию большинства объявляет хорошим то, что есть. Свой подлинный подъем он совершает тогда, когда действительно чувствует в настоящем бытие.

2. Духовное созидание

Духовный труд, который в своем ограничении ищет, не принимая во внимание сиюминутные требования среды, творение, которое бы пребывало во времени,

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org ставит перед собой далекую цель. Индивид выходит из мира, чтобы найти то, что он затем возвращает ему. Характер этого труда также, по-видимому, испытывает сегодня угрозу упадка. Подобно тому как экономика при государственном социализме в качестве обеспечения существования масс заступает на место государства или неоправданно использует его во имя выгоды отдельных способов владения, так искусство становится игрой и удовольствием (вместо того, чтобы быть шифром трансценденции), наука – заботой о технической пригодности (вместо того, чтобы служить удовлетворению изначального стремления к знанию), философия – школьным обучением или исторической видимостью мудрости (вместо бытия человека в сознании и опасности, вызванных радикальным мышлением).

Возможности сегодня очень велики. Почти во всех областях достигнуты виртуозные свершения. Фактически существует то, о чем судят как о выдающемся, исключительном. Однако нередко даже в совершенном отсутствует ядро, которое позволило бы и менее совершенному нравиться и стать существенным.

Возрастание духовных возможностей как будто открывает неслыханные перспективы. Однако эти возможности грозят тем, что вследствие все более далеко идущих предпосылок они уничтожат друг друга; новые поколения молодежи больше не усваивают достигнутого; создается впечатление, что люди не способны постигнуть то, что дано прошлым.

Отсутствует уверенное ограничение посредством целого, которое еще для произведенного труда бессознательно указывает пути к внутренне связанному достижению, способному обрести завершенность. На протяжении ста лет становилось все более ощутимым, что человек, творящий духовно, отброшен к самому себе. Правда, одиночество было на протяжении всей истории корнем подлинной деятельности; однако это одиночество личности находилось в определенном отношении к народу, которому она исторически принадлежала. Сегодня же становится необходимым прожить жизнь так, будто человек совершенно одинок и начинает все сначала; кажется, что его жизнь никого не интересует, она не окружена ни атмосферой дружбы, ни атмосферой вражды. Ницше – первый великий образ этого страшного одиночества.

Не находя опоры ни в прежних, ни в нынешних поколениях, оторванный от традиции действительной жизни, человек, занимающийся духовным творчеством, не может в качестве члена сообщества быть возможным завершителем некоего пути. Он не совершает необходимых шагов и не выводит заключения из того, что превосходит его. Ему угрожает случайность, и в ней он не движется вперед, а растрчивает себя. Мир не дает ему заданий, которые бы его связали. Он должен на свой страх и риск сам давать себе задания. Без какого-либо отклика и подлинного противника он сам становится для себя двойственным. Вырваться из рассеянности требует почти нечеловеческих сил. Без само собой разумеющейся воспитанности, которая делает возможным наивысшее, он вынужден искать свой жизненный путь зигзагами, испытывая постоянные потери, чтобы в конце концов увидеть, что он мог бы теперь начать все сначала, если бы для этого еще было время. Он как будто не может дышать, так как мир духовной действительности, из которого должен вырасти индивид для того, чтобы ему в духовной сфере удалось пребывающее, больше не окружает его.

Возникает угроза, что в искусстве исчезнет не только дисциплинирующее, но и содержательное ремесленное образование; в науке – опирающееся на смысл целого обучение в области знания и исследования; в философии – передающаяся от лица к лицу традиция веры. Вместо всего этого сохранится традиция технической рутины, умения и форм, усвоение точных методов и, наконец, ни к чему не обязывающая болтовня.

Поэтому анонимная судьба тех, кто решился зависеть только от себя, крушение во фрагментарном и неудавшемся, если они уже раньше не утратили всех своих сил. Лишь немногие способны покориться необходимости повиноваться тому, чего требует непостижимая организация и что нравится толпе.

Искусство. В нашу эпоху одобрение лучших людей и массы встречает архитектура. Техническая деловитость инженерного искусства находит в анонимном развитии наиболее совершенные по своей целесообразности формы для предметов пользования. Ограничение действительно доступным подчинением доводит его до совершенства, в котором продукт человека выступает как природная необходимость; в нем нет пробелов, жесткости, второстепенности и

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
излишеств. Однако в этой технической деловитости как таковой, даже если она достигает совершенства, отсутствует стиль в понимании прежних времен, когда даже в завитке орнамента, в каждом декоративном элементе просвечивала трансцендентность. Удовлетворенность отчетливыми, ясными линиями, пространством, формами техники поэтому редко сама по себе достаточна. Поскольку время еще не нашло своего стиля и не знает, чего оно, собственно, хочет, оно остается связанным своими целями; церкви, сооруженные методами современной техники, кажутся несообразными, так как у них нет технически адекватной цели существования. Неудовлетворенность невольно ведет к утрате технической чистоты. Правда, в исключительных случаях удается создать большее, чем просто практическую форму, аналог стиля. Здесь архитекторы как бы в свободном от зависти соперничестве совместно борются за нечто, представляющее всем выполнением подлинных задач, требуемых всеобщей жизнью современного человека. За последние десятилетия среди уродливого маскарада европейских строений публичных зданий, в градостроительстве, машинах и средствах сообщения, в жилых домах и садах появляется не только негативно простая, но и позитивно удовлетворяющая способность видеть и чувствовать среду, воспроизведение которой действует не только как модное для данного времени, но как пребывающее в веках явление.

Однако вместо того, чтобы в не допускающей исчисления форме обрести преодоление технической чистоты и превращение ее в содержательное созидание, для нашего времени типичен переход от объективности к форсированному поискам ее противоположности в чередовании и произволе. Чистота нашего лишенного трансценденции технического мира как законченного механизма все время распадается на это чуждое ей, как только она уходит с пути творческой удачи, который вьется как узкая тропинка в зодчестве нашего времени. Однако по оригинальности ни одна разновидность искусства не может сегодня соперничать с архитектурой.

В прошлом искусство в качестве изобразительного искусства, музыки и поэзии волновало человека в его целостности, и посредством нее он ощущал себя в своей трансцендентности. Если уничтожен мир, прославлению которого служило искусство, то возникает вопрос, где же создающий обнаружит подлинное бытие, которое дремлет, но должно благодаря ему обрести сознание и раскрытие. Искусства сегодня как бы бичуются существованием; нет алтаря, у которого они могли бы обрести покой, прийти в себя, наполниться своим содержанием. Если в прошлом веке в импрессионизме еще был покой созерцания, если в натурализме настоящее выступало по крайней мере как материал для возможного творчества, то сегодня мир в ходе событий как будто полностью отвернулся и отвел взор от творческого пребывания. Ощущается не дух как мир сообщества, который мог бы отразиться в искусстве, но ставшая общественной действительность как еще некая мгла. Создается впечатление, что перед ее лицом исчезают смех и слезы, даже на устах сатирика замирает слово. Попытка осмелиться натуралистически подойти к этой действительности поглощается ею самой. Описание страданий человека, яркое отражение современности в ее особенностях, сообщение в романе определенных фактов – все это, конечно, свершение, но еще не искусство. Несоразмерность, как кажется, в наши дни событиям времени, монументальность человека лишила пластику и трагедию их возможностей. Искусство должно было бы сегодня, как испокон веков, ненамеренно делать ощутимой трансценденцию, причем в том образе, которому теперь действительно верят. Может показаться, будто приближается время, когда искусство вновь будет говорить человеку, что есть его Бог и что есть он сам. До тех пор, пока это как будто еще не происходит, мы вынуждены взирать на трагедию человека, на сияние подлинного бытия в образах давно прошедшего мира – не потому, что там искусство было лучше, а потому, что там была еще сегодня действующая истина – мы, правда, принимаем участие в подлинных усилиях наших современников, видя в этом нашу ситуацию, но с сознанием недостатка, который заключается в том, что мы не проникли в наш собственный мир.

Сегодня повсюду бросается в глаза то, что представляется упадком сущности искусства. Поскольку в техническом массовом порядке искусство становится функцией этого существования, оно в качестве предмета развлечения приближается даже к спорту. В качестве развлечения оно, правда, освобождает от принудительности трудовой деятельности, но не может представлять требования к самобытию человека. Вместо объективности шифра сверхчувственного оно обладает только объективностью вещественной игры; поиски новой связанности формой обнаруживают дисциплину формы без проникающего в сущность человека, достойного веры содержания. Вместо того чтобы освобождать сознание в видении бытия трансценденции, оно становится

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org как бы отказом от возможности самобытности, которому только и являет себя трансценденция. В таком занятии искусством действует чрезвычайно высокое требование к умению, но в этом существенным образом и отзвук грубых усредненных инстинктов. Человек массы узнает себя, требуя существования и не вызывая сомнения. Это искусство утверждает оппозицию подлинному человеку в пользу того настоящего, которое есть лишь чистое "теперь". Все, что кажется жаждой прошлого величия, удовольствием от него или требованием трансценденции, считается обманом. Форма становится здесь при всей объективности в конечном итоге техникой, конструкция – расчетом, притязание – требованием рекордов. В той мере, в какой искусство унизило до осуществления этой функции, оно лишено этоса. Оно может подчеркивать как существенное сегодня одно, завтра другое и ищет повсюду только сенсации. У него неизбежно отсутствует то, что было свойственно эпохам бесспорной нравственной субстанции, – связь содержания. Выражение его сущности – хаос, несмотря на внешнее умение. Существование видит в нем лишь свою витальность или ее отрицание; оно обретает иллюзии другого существования: романтику техники, воображение формы, богатство в изобилии наслаждений в существовании, приключения и преступления, веселую чепуху и жизнь, которая в бессмысленном риске как будто преодолевает себя.

При таком отношении к искусству театр стал развлечением, удовлетворяющим потребность в иллюзиях и любопытство. Однако во всем этом слабо, заглушаемый другим, слышен подлинный тон.

Кино показывает мир, каким его не видели. Люди заинтересованы нескромным показом физиогномической человеческой действительности. Расширяются оптический опыт, знание всех людей и местностей. Но ничего не разглядывают основательно и длительно; видят возбуждающее, даже потрясающее, что не забывается, но в большинстве случаев ценой ни с чем не сравнимой пустоты души, сменяющей напряжение.

В театральном искусстве сохраняется еще традиция техники. Новое может на мгновение достичь поразительного эффекта. Постановка Пискатора с ее смешением машин, улиц, танцующих ног, марширующих солдат создает зрелище грубой действительности, которую она одновременно поднимает до сферы нереальности. Когда все отбрасывает свою тень при рассчитанном освещении и таким образом присутствует дважды, как будто живет только как призрак другого, технический механизм кажется средством постановки и уничтожением действительности этого механизма. Однако уничтожение приводит к ощущению не бытия, а только ничто, которое, взывая к зрителю, возбуждает ужас перед бытием. Политическая же тенденция действует глупо и второстепенно.

Современный актер может элементарно представить изначальные аффекты существования, ненависть, иронию и презрение, эротику девок, смешных людей, громогласное, простое, убедительные антитезисы. Но там, где следовало бы показать благородство человека, он в большинстве случаев не справляется со своей задачей. Едва ли кто-нибудь может еще сыграть Гамлета, Эдгара.

Наряду с этим, однако, еще сегодня есть великолепные постановки моцартовских опер, вызывающих бурю восторга исполнения лучшей музыки прежних времен без приспособления к массовым инстинктам, более того, соответствующие самым высоким требованиям. Но вопрос, где же истина, в публике Пискатора или в публике Моцарта, был бы неправильно поставлен. Здесь нет альтернатив, поскольку речь идет о том, что не допускает сравнения; в одном случае – об исчезающем формировании хаотического мгновения в сознании голого бытия в качестве ничто, в другом – об искусстве, которое заставляет говорить бытие.

Музыка влияет сегодня на большинство людей, причем наилучших. Однако в отличие от архитектуры она и наиболее склонна воссоздавать прошлое. В этом ядро ее воздействия. Это – действие не современной музыки, которая является для целого скорее интересной, чем волнующей, скорее экспериментирующей, чем наполняющей особенностью.

Наука. Наука и сегодня создает много замечательного. В естественных науках начался волнующий, быстрый прогресс в основных идеях и эмпирических результатах. Разбросанный по всем странам мира круг исследователей связан рациональным взаимопониманием. Один бросает, как мяч, другому полученные данные. Этот процесс обретает отклик в массе благодаря доступности результатов. Близкое к объективности видение в гуманитарных науках достигло микроскопической тонкости. Доступно стало никогда ранее неизвестное

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
богатство документов и памятников. Достигнута уверенность в критике.

Однако ни бурное продвижение естественных наук, ни расширение материала гуманитарных наук не могло предотвратить рост сомнения по отношению к науке. Естественные науки лишены целостности созерцания; несмотря на их значительное единство, их основные идеи действуют сегодня скорее как рецепты, которые пробуют применять, чем как окончательно достигнутая истина. Гуманитарные науки лишены этоса гуманитарного образования; еще появляются, правда, содержательные работы, но они единичны и воспринимаются скорее как последнее завершение возможности, за которой, быть может, ничего не последует. Борьба, которая велась филологическим и критическим исследованием против философии истории как некоей целостности, завершилась неспособностью представить историю как целостность человеческих возможностей. Расширение объема, известного истории, на тысячелетия привело, правда, к внешним открытиям, но не к новому усвоению субстанциональной сущности человека чести. Кажется, что на прошлое опустилась пустота общего безразличия.

Кризис науки состоит, следовательно, не в границах их умения, а в сознании их смысла. С распадом целого перед неизмеримостью известного встал вопрос, стоит ли оно знания. Там, где знание, лишенное целостного мировоззрения, лишь правильно, оно ценится по своей технической пригодности. Оно погружается в бездонность того, что, собственно говоря, никого не интересует.

Причины этого кризиса отчасти становятся понятны из развития самой науки. Масса обнаруженного материала, уточнение и многообразие методов раздают все больше предпосылок, которые каждое новое поколение должно усвоить, прежде чем оно начнет работать. Кажется, что наука выходит за пределы того, что способен постигнуть человек. Прежде чем он осилит созданное до него, его настигнет смерть. Между тем там, где наука основана на определенном смысле, развиваются основные идеи и отношение к жизни, которые овладевают этой бесконечностью. Объем доступного знанию всегда был таков, что никто не мог полностью им овладеть. Однако средства к овладению каждый раз открывались как решающие шаги к пониманию. То, что есть наука, осуществлялось как целое в личности человека. Дошедшие из прошлого предпосылки обладают поэтому на данной ступени знания и умения, быть может, еще неиспробованной возможностью.

Тот факт, что сегодня повсюду ищутся корни, пробуются и сталкиваются друг с другом теоретические принципы в их многообразных возможностях, вызывает у дилетантов сомнение. Там, где вообще нет твердой точки, известное, по их мнению, висит в воздухе. Однако так воспринимает познание лишь тот, кто в нем не участвует. Творческие шаги к новым принципам колеблют действительно здание познания, но сразу же вновь утверждают его в последовательности исследования, которое сохраняет в новом смысле достигнутое, поставленное им под вопрос, для целого особенной науки.

Следовательно, не имманентное развитие науки в достаточной мере объясняет кризис, а лишь человек, которого затрагивает научная ситуация. Не наука сама по себе, а он сам в ней находится в состоянии кризиса. Историко-социологическая причина этого кризиса заключена в массовом существовании. Факт превращения свободного исследования отдельных людей в научное предприятие привел к тому, что каждый считает себя способным в нем участвовать, если только он обладает рассудком и прилежанием. Возникает слой плебеев от науки; они создают в своих работах пустые аналогии, выдавая себя за исследователей, приводят любые установления, подсчеты, описания и объявляют их эмпирической наукой. Бесконечность принятых точек зрения, в результате чего все чаще люди друг друга не понимают, — лишь следствие того, что каждый безответственно смеет высказывать свое мнение, которое он вымучил, чтобы также иметь значение. Все стремятся "поставить на обсуждение" все, что приходит в голову. Огромное количество печатной научной продукции становится, наконец, в ряде областей выставкой хаотического потока, по существу, непонятых уже *capita mortua* ["Мертвая голова"]; в переносном значении — "лишенное смысла"; здесь — "следов"] некогда живого мышления в головах людей массы. Там, где наука становится функцией тысяч заинтересованных в ней людей, принадлежащих к данной специальности по профессии, смысл исследования и литературы может вследствие усредненности переходить друг в друга. Поэтому в некоторых науках литературная сенсация в качестве ложного журнализма уже стала средством моментального успеха. Результатом всего этого является сознание

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
бессмысленности.

Там, где в науке еще сохраняется континуум продолжающегося открытия, она часто возможна только посредством критерия технического подтверждения своей значимости, ибо изначальное желание знать больше не является целью. Тогда только премии за научные открытия двигают научное исследование, которое продолжается, несмотря на то что силы его парализованы. Тем самым становится возможным создание, которое видит объективный кризис там, где вина только в субъекте. Процесс духовного самоопустошения науки идет на пользу механизированному существованию масс, которое способно награждать премиями, которые заставляют талантливых людей продолжать планомерное исследование даже без иного научного смысла.

В массовом существовании высших учебных заведений проявляется тенденция уничтожить науку как науку. Она должна приспособиться к требованиям массы, которая заинтересована только в практической цели, в экзамене и связанными с ним правами; исследование получает поддержку лишь постольку, поскольку оно обещает практически осуществимые результаты. Это сводит науку к объективным знаниям, которые доступны рассудку и могут быть усвоены в обучении. Вместо университета, который живет в духовном беспокойстве "sapere aude" ["осмелюсь быть мудрым"], возникает просто школа. Индивид обязательным планом занятий освобождается от опасности поиска своего пути. Без риска в свободе не может быть заложена основа возможности самостоятельного мышления. В результате остается виртуозная техническая специализация и, пожалуй, большие знания; решающим становится тип ученого, а не исследователя. То, что начинают считать это одним и тем же, является симптомом упадка.

Подлинная наука является аристократическим занятием тех, кто сам посвящает себя этому. Исконное желание знать, которое единственно предотвратило бы кризис науки, – свойство отдельного человека и осуществляется им на свой страх и риск. Теперь, правда, считается невероятным, если человек посвящает свою жизнь научному исследованию. Но это никогда и не было делом толпы. К науке причастен лишь тот, даже если он применяет ее как профессию на практике, кто по своей внутренней направленности является исследователем. Кризис науки – это кризис людей, который охватил их, когда они утратили подлинность безусловного желания знать.

Поэтому сегодня в мире установилось искажение смысла науки. Наука пользуется чрезвычайным признанием. Поскольку массовый порядок возможен только посредством техники, а техника – только посредством науки, в нашу эпоху царит вера в науку. Но так как доступ к науке возможен лишь посредством методического образования, а удивление перед ее результатами еще не есть причастность к ее смыслу, то эта вера является суеверием. Подлинная наука – это знание, в которое входит знание о методах и границах знания. Если же верят в результаты науки, которые знают только в качестве таковых, а не в связи с методом, посредством которого они достигнуты, то это суеверие в воображаемом понимании становится суррогатом подлинной веры. Создается уверенность в мнимой прочности научных достижений. Содержание этого суеверия следующее: утопическая компетентность во всем, умение создавать и технически преодолевать любую трудность, благосостояние в качестве возможности общего существования, демократии как справедливого пути для всех к свободе посредством решения большинства, вообще вера в положения рассудочного мышления как в догмы, которые считаются абсолютно правильными. Силе того суеверия подчиняются почти все, в том числе и ученые. Иногда она в отдельном случае как будто преодолевается, но сразу же появляется опять; это суеверие разверзает бездну между человеком, который подчинился ему, и критическим разумом подлинной научности.

Научное суеверие легко оборачивается во враждебность науке, в суеверие, которое ждет помощи от сил, отрицающих науку. Тот, кто в своей вере во всемогущество науки заставил молчать свое мышление перед лицом сведущего человека, знающего и указывающего, что правильно, разочарованно отворачивается при неудаче и обращается к шарлатану. Научное суеверие родственно мошенничеству.

Суеверие, противостоящее науке, принимает, в свою очередь, форму науки в качестве подлинной науки в отличие от школьной науки. Астрология, изгнание болезней заклинаниями, теософия, спиритизм, ясновидение, оккультизм и прочее привносят туман в нашу эпоху. Эта сила сегодня встречается во всех партиях и мировоззренчески выраженных точках зрения; она дробит повсюду

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
субстанцию разумного бытия человека. То, что столь немногие люди обретают – вплоть до их практического мышления – подлинную научность, есть явление исчезающего самобытия. Коммуникация становится невозможной в тумане этого, вносящего сумятицу, суеверия, уничтожающего возможность как подлинного знания, так и действительной веры.

Философия. Ситуация философии характеризуется сегодня тремя неопределенными видами действительности: эпоха создала людей, лишенных веры, внедренных в аппарат; религия, прочно переданная церковным организациям, все-таки не находит больше в них творческого выражения, которое исходило бы из своего настоящего; философия за последнее столетие, по-видимому все больше превращаясь в учение и историю, теряет свое значение.

Неверие в мире технической аппаратуры выглядит как обвинение. Великолепные достижения человека, которые позволили ему заключить природу в нужные ему формы, привели с увеличением масс к душевной вялости бесчисленных людей, обвинить которых лично перед действительностью истоков их жизни и хода их жизни не посмеет никто. Однако если спросят, должны ли люди в своем большинстве отступить на службе этому аппарату, то ответ может быть один: единственный путь – дальнейшее движение в рамках аппарата и усилия спастись, пребывая в нем. Ведь и неверующий не становится просто рабочей скотиной, но остается человеком. Именно поэтому для него самого ощутимо, что все стало мутным. Остается только слепая воля к изменению обстоятельств и самого себя. Готовность к этому растет, ибо человек не может не верить. В мире неверия кое-кто еще сохраняет в доброй воле данную ему возможность; но начатки гибнут в своем возникновении, если человек лишен традиции и зависит лишь от самого себя. Однако ни план, ни организация не достигнут того, на что способен лишь сам осуществляющий свою волю человек.

В ложной ясности, созданной сознанием массового обеспечения в качестве сознания того, что все вещи могут быть сделаны, утеряно необоснованное внутреннее присутствие далекого безусловного, которое до сих пор было в своем историческом образе действительным в виде религии. Историческая основа человеческой экзистенции стала как бы невидимой; религия, правда, продолжает существовать, управляемая церквами и вероисповеданиями, но в массовом существовании часто – только как утешение в беде, как привычка к упорядоченному образу жизни, редко – как действенная жизненная энергия. Наряду с действенностью церкви как политической силы религиозная вера отдельного человека встречается все реже. Великие традиции церкви часто выглядят сегодня в своей осознанности как восстановление собственного невозвратного прошлого при широком использовании всех современных идей. Церковь все менее охотно склонна терпеть самостоятельность независимого человека. В ней нет больше подлинной силы авторитета и свободы, но есть способность к решительному исключению самостоятельности в громадной концентрации ее духовного аппарата для господства над массовой душой и наполнении ее определенным содержанием.

Философское мышление испокон веку способствовало проникновению сознания в глубочайшие основы человеческого бытия, оно секуляризировало религию и сделало действительностью независимость свободного индивида. Человек не потерял основу, она лишь глубже освещалась в своей абсолютной историчности. Сомнительной эта действительность индивида оставалась лишь потому, что этот свет мог угаснуть и опустеть в чистом сознании, лишенном экзистенции. А в самом деле со второй половины XIX века, традиционная философия повсюду стала делом университетов, которые все реже являли собой общество философски мыслящих людей, сформировавших себя, исходя из собственных истоков, в передававших в виде мыслей то, что они осознали. Философия была оторвана от ее основы и утратила ответственность за возможность созданной ею действительной жизни, стала в качестве учения второстепенным явлением. Она пыталась оправдать свое существование перед лицом признанных, фактически превосходящих ее наук, определяя себя как чистую науку и пытаясь под именем теории познания утвердить как свое значение, так и значение наук. Фактически, несмотря на видимость ее значения в настоящем, она свелась к знанию ее истории. Но это было в большинстве случаев не столько проникновением в истоки, сколько оперированием принципами, проблемами, мнениями и системами. Будучи внешне филологической, внутренне рациональной, без какого-либо отношения к собственному существованию индивида, она продолжала свою достойную, благодаря унаследованной традиции строгого мышления, деятельность в школах, которые, несмотря на жаркую полемику в литературе, по существу, не отличались друг от друга (называясь идеализмом, позитивизмом, неокантианством, критицизмом, феноменологией, теорией

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org действительности). То, что они обычно не знали Кьеркегора, не признавали Ницше философом, объявляя его поэтом и тем самым устраняя исходящую от него опасность, и тем не менее говорили о нем, хотя и отвергая его как ненаучного модного мыслителя, неспециалиста, служит характерным симптомом их беспомощности. Они превращали радикальные философские вопросы в безопасные для себя.

Подобная философия, не отвечающая поставленным перед ней требованиям, широко распространилась, но растворилась в хаосе. Перед ней стояла величайшая задача. Только в ней мог человек, неспособный больше жить в соответствии с церковной верой, удостовериться в своем собственном волеии. Правда, на того, кто остается верным трансценденции в образе христианской веры, никто не смеет нападать, если только он не становится нетолерантным. Ибо в верующего можно привнести только разрушение; он может быть открыт философствованию и готов испытать распространяющееся и на него неустранимое в человеческом существовании сомнение, однако он обладает позитивностью бытия в историческом образе, она служит ему выходом и мерой, которые неминуемо приводят его к себе. Об этой возможности мы здесь говорить не будем. Сегодня неверие, распространяющееся как поток, прочно связано с нашим временем. Следует задать вопрос, возможна ли вообще вера вне религии. В постановке такого вопроса возникает философствование. Смысл философствования заключается сегодня в том, чтобы увериться, исходя из собственной основы, в своей независимой вере. Предшественниками, указующими путь, являются Бруно, Спиноза, Кант. Там, где религия утрачена, - а она может быть только церковной, называть же что-либо другое религией не более чем бескомпромиссный обман - существует либо фантазия и фанатизм суеверия, либо философствование. Но последнее есть вера лишь на основе своего понимания себя и благодаря ему; мыслящая философия стремится систематически доводить эту веру до ясности и связно сказать то, что действительно может быть узнано лишь в экзистенции, а не во всегда склонном оторваться от нее мышлении. Упомянутые фантазии не нуждаются в философии. Церковная религиозность может обойтись без нее, но может и искать ее, чтобы довести себя в своей сокровенности до полной ясности; церковная вера, как таковая, нуждается в своем существовании в качестве сообщества только в теологии. Философия же нужна индивиду как таковому, т. е. его свободе, пусть даже она с точки зрения теологии не более чем безумный риск, высокомерное притязание или иллюзия несчастных людей, отвергнутых Богом и неспособных найти спасение вне церкви.

Сегодня философия - единственная возможность для тех, кто сознательно не ищет пристанища. Она уже не занятие узких кругов; по крайней мере в качестве вопроса отдельного человека, спрашивающего, как ему жить, она дело бесчисленно многих. Философия различных школ была бы оправдана, если бы она создавала возможность философской жизни. В данный момент она, рассеянная и рассеивающая, проявляется в кратких попытках и нигде не обладает целостностью.

Отсюда понятен и совращающий призыв, который мы уже долгое время слышим: вернуться от сознания к бессознательности, к призыву крови, веры, почвы, души, к историческому и бесспорному. Религию, поскольку в нее, в ее исконность больше не верили, возвышали в своем отчаянии, доводя ее до абсурда; будучи, по существу, неверующими, люди хотели насильственно верить, разрушив сознание.

Этот призыв обманывает. Человек для того, чтобы остаться человеком, должен пройти через осознание. Следует лишь продвигаться вперед. Плоское осознание, которое все представляет как доступное познанию знание и как достигаемую цель, философствование должно преодолеть посредством ясного построения всех способов осознания. Нельзя больше прибегать к маскировке посредством отказа от сознательности, не исключая себя из движения в истории человеческого бытия. Сознательность стала для нас в нашем существовании условием, при котором может прорваться подлинное, утвердиться безусловное, станет возможным тождество с собственной историчностью.

Философствование стало основой подлинного бытия человека. Сегодня оно обретает свой характерный образ: человек, ввергнутый из субстанции стабильных условий в аппарат массового существования, пребывающий, утратив свою религию, в неверии, решительнее мыслит о собственном бытии. Из этого возникают типические, адекватные эпохе философские мысли. Первое уже не открывшееся божество, от которого все зависит, - не мир, который существует; первое - человек, который никогда не может удовлетвориться

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
самим собой как бытием, но все время стремится выйти за свои пределы.

Пятая часть

Как сегодня понимается человеческое бытие

Утративший безопасность человек сообщает облик эпохе, будь то в протесте своенравия, в отчаянии нигилизма, в беспомощности многих, не нашедших выхода, или в блужданиях и поисках, отказывающихся от конечной опоры и гармонизирующих соблазнов. Бога нет – таков все растущий возглас масс; тем самым и человек теряет свою ценность, людей уничтожают в любом количестве, поскольку человек – ничто.

Аспект нашего мира в вынужденности его существования и отсутствия опоры в его духовной деятельности, не допускает больше бытия в умиротворенной связи с существующим. Нарисованная нами картина может обескуражить; все воспринимается пессимистически, люди отказываются вообще что-либо делать. Или же сохраняют, несмотря на это, оптимистическое сознание собственной радости существования, взирая на субстанциальное, которое встречается еще и сегодня. Однако то и другое слишком просто. Они уклоняются от ситуации.

В самом деле требование ситуации к человеку кажется таковым, что удовлетворить его может только существо, превосходящее человека. Невыполнимость требований может соблазнить попыткой обойти его, считается только с настоящим и поставить границы своим мыслям. Тому, кто считает, что все в порядке, и доверяет ходу событий как таковым, мужество не нужно. Он вступает в ход вещей, который и без его содействия ведет к благу. Его показное мужество не более чем уверенность в том, что человек не двинется к бездне, где его ждет гибель. Действительным мужеством обладает тот, кто в испытываемом страхе перед достижением возможного знает: достичь возможного может лишь тот, кто хочет невозможного. Только опыт, свидетельствующий о невыполнимости попыток выполнения, может осуществить то, что человеку задано сделать.

Сегодня человек не формируется, усваивая то, что идет ему навстречу из традиции его мира. Отдаваясь только этому, он становится рассеян. Человек зависит от себя как единичного в новом смысле: он должен сам помочь себе, если уж он не свободен посредством усвоения всепроникающей субстанции, а свободен в пустоте ничто. Если трансценденция скрывается, человек может прийти к ней лишь посредством самого себя.

В наше время необходимость помочь самому себе приводит философирующего к необходимости понять, как мыслится бытие человека. Прежние противоречия мировоззрений – индивидуализма и социализма, либерального и консервативного, революционного и реакционного, прогрессивного и регрессивного, материалистического и идеалистического – больше непригодны, хотя они и используются повсюду как знамя или брань. Столкновение мировоззрений – будто их множество, из которых надлежит сделать выбор, – больше не является методом достижения истины для себя. Распространение на все возможное видения и участия привело сегодня к необходимости, в которой существует лишь один непреложный выбор: либо ничто, либо абсолютная историчность собственной основы, которой доступна каждая возможность при сознании обязательной границы.

Однако вопрос о бытии человека, который должен вывести из догматической объективности фиксированных альтернативных мировоззрений, в качестве такового отнюдь не однозначен.

Человек всегда больше того, что он знает о себе. Он не одинаков во всех случаях, он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой, исходя из которой человек еще в своем фактическом действовании решает, что он есть.

Существование человека – не круговорот, просто повторяющийся в поколениях, и не ясное, открывающееся себе существование. Человек прорывается через пассивность постоянно вновь возникающих тождественных кругов, и от его активности зависит продолжение движения к незнакомой цели.

Поэтому человек расщеплен в глубине своей сущности. Как бы он ни мыслил себя, мысля, он противостоит самому себе и всему остальному. Все вещи он видит в противоречиях.

Каждый раз смысл становится иным. Расщепляется ли он как дух и плоть, как рассудок и чувственность, как душа и тело, как долг и склонность, противопоставляется ли его бытие и его явление, его деятельность и мышление, то, что он делает, и то, что он полагает делать. Решающее в этом – что он все время должен противопоставлять себя себе. Нет человеческого бытия без расщепления. Но он не может на этом остановиться. То, как он себя преодолевает, составляет способ его проникновения в себя.

Существуют две возможности, которые здесь надлежит характеризовать:

Человек превращает себя в предмет познания. То, что он познает в опыте как свое существование, и то, что лежит в его основе, он считает своим подлинным бытием. То, что он есть в явлении, есть его сознание; то, что есть сознание, есть посредством социальных условий, посредством бессознательного, посредством жизненного вида. Это другое для него бытие, сущность которого отражается в его явлении как сознание.

Смысл такого сознания в том, чтобы снять напряжение посредством отождествления бытия с сознанием. Представление о существовании как завершеном в состоянии отсутствия напряжения невольно представляется этому познанию достижимым: социальный порядок, в котором всем дано их право; душа неосознанности, которой сопутствует сознание, свободное от помех, если в нем устранены все комплексы; жизненность расы, которая после очищения посредством естественного отбора может считать себя здоровой и благородной, чтобы, сознавая свое превосходство, удовлетворенно завершаться в качестве существования. В этих условиях, которые в двойственном смысле именуются естественными, в качестве необходимым образом возникающих и в качестве истинных, больше нет безусловности временного существования: ибо безусловность возникает лишь в напряжении, в котором самобытие насильственно схватывает самого себя. Более того, подобное знание о естественном бытии человека обращается против самобытия как чего-то экстравагантного, болезненного, исключаящего себя, потерянного.

Однако именно этим путем идет вторая возможность. Она находит себя в напряжении пограничных ситуаций, совершенно неустранимых в существовании, которые становятся для нее открытыми в решительности самобытия. Если человек не познается более как бытие, которое он есть, он, познавая, приводит себя в состояние неустойчивости абсолютной возможности. В ней он слышит призыв к своей свободе, исходя из которой он лишь посредством себя становится тем, чем он может быть, но еще не есть. В качестве свободы он заклинает бытие как его скрытую трансцендентность.

Смыслом этого пути является трансцендентность. В качестве существования в конце этого пути терпит крушение то, что собственно есть оно само. Отсутствие напряжения считается в этом понимании путем обмана, на котором в мнимом преодолении скрывается пограничная ситуация и устраняется время. Всякое познание в мире, в том числе, следовательно, и познание человека, есть частная перспектива, посредством которой для человека возникает пространство его ситуации. Поэтому познание находится в руке человека, который его схватывает. Однако сам для себя он – нечто совершенно незавершенное и не допускающее завершения, переданное некоему другому. Мысля, он лишь освещает себе путь.

Из-за того что человек во всем своем познании еще не находит себя познанным и вносит предметное познание в свой философский процесс, он еще раз прорывается, на этот раз через самого себя. То, что он потерял, когда был полностью предоставлен самому себе, может вновь открыться ему в новом образе. Лишь на мгновенье заблуждение в безнадежности своего голого существования он считал себя тождественным происхождению всего как познающий. Стремясь серьезно понять самого себя, он обнаруживает опять то, что больше, чем он. В мире он вновь обращается к объективности, которая грозила застыть для него в безразличии или потеряться в субъективности; он схватывает в трансцендентности бытие, которое он в своей свободе, представляющейся ему явлением существования, смешивал с собой в качестве самобытия.

Обе эти возможности известны сегодня под наименованием учений; путаница происходит там, где они еще не обрели прочной значимости, но волнуют сегодня человека как едва ли не необозримые способы выражения.

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
Познание человеческого бытия, которое устанавливалось в отдельных направлениях, стало в качестве социологии, психологии, антропологии типичными современными науками, которые в тех случаях, когда они, абсолютизируя, полагают, что познают бытие человека в целом, следует отвергнуть как безнадежную попытку заменить философию. Лишь при ином понимании возникает философия, которая в качестве современной называется экзистенциальной философией. Она находит сегодня материал своего выражения в областях, которые в качестве познания человека одновременно ограничиваются и обеспечиваются ею. Однако она переступает через них в движении к самому бытию. Экзистенциальная философия – это философия бытия человека, которая вновь выходит за пределы человека.

1. Науки о человеке

Социология. Поскольку человек есть только в обществе, которому он обязан существованием, традицией и задачами, его природу следует изучать только посредством изучения общества. Отдельный человек кажется непонятным, но не общество. Не знание о человеке как отдельном индивиде, а знание об общественных образованиях приведут к его бытию. Общественные учреждения, культурные образования, составляющие человечество, являются аспектами бытия человека. Подобная социология существует в разнообразных разветвлениях.

Например, согласно марксистскому воззрению на вещи можно научно постигнуть бытие человека. Человек – результат его обобществления в качестве способа производства необходимых для осуществления вещей. В своих особенностях он – результат занимаемого им места в обществе. Его сознание функция его социальной ситуации. Его духовность – надстройка над материальной действительностью данного способа обеспечения существования. Мировоззрения – идеологии для оправдания особых интересов в типической ситуации. Те, кто сообща находятся в ней, называются классом. Классы видоизменяются вместе с изменением средств производства. В настоящее время есть два класса – рабочих и капиталистов. Государство является средством господства класса, который хочет подчинить себе другие. Религия для этих других – опиум, который их успокаивает и заставляет подчиняться угнетению. Однако такой результат классового различия необходим в преходящий период развития производительных сил. В конце развития возникнет бесклассовое общество, в котором не будет идеологий, а поэтому не будет и религии, не будет государства, а поэтому и эксплуатации, а будет лишь единое человечество, общество, которое при справедливом строе в свободе всех будет заботиться о потребностях каждого. В историческом развитии человек движется к этой цели; она будет достигнута благодаря активной воле большинства, пока еще незначительного, которое составляет авангард на пути к лучшему будущему. Человек постиг свою сущность и может теперь планировать и способствовать тому, что и само по себе необходимо должно наступить. Его бытие и его сознание не будут более разделены, а составят единство. Человек зависел, не зная этого, от создаваемых им вещей. Теперь он станет господствовать над ними, взяв в свои руки все свое существование благодаря научному постижению своего неизбежного развития. Вместо того чтобы подчиняться государству или церкви, он схватывает то, что он есть, подчиняясь классу, который станет истоком свободного, бесклассового общества, классу пролетариев.

Это воззрение является не научным познанием, а рассудочной верой, которая избегает вопроса, не есть ли оно также идеология класса, характеризующаяся лишь брутальностью своей веры. Если вера ослабевает, из нее сразу же возникает представление, которое объявляет идеологией любую возможную позицию, не желая понимать ничего, что не исходит из его собственных предпосылок. Все относительно, ничто не есть оно само, кроме материальных интересов и влечений людей. Подобная теория в самом деле ничего больше не постигает и выражает только веру в ничто, применяя ко всему происходящему лишь свои этикетки.

Однако марксизм является лишь наиболее известным примером социологического анализа. В подобных исследованиях даны определенные частные и относительные познания; но они служат вместе с тем выражением духовной борьбы за способы бытия человека. Общим признаком их является абсолютное утверждение бытия. При таких меняющихся предпосылках аргументы могут быть любыми и любым образом противопоставляться друг другу. Человек, как таковой, всегда исчезает в подобном мнимом знании.

Решающий, обосновывающий знание как знание и поэтому освобождающий человека шаг делается тогда, когда в данной исторической ситуации смысл объективного

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
познания резко различается от выражения воли не только в теории, но становится и в жизни целью радикальных действий. Этот шаг сделан в наше время Максом Вебером.

Для него социология – уже не философия человеческого бытия. Она является отдельной наукой о поведении человека и его следствиях. Доступные познанию связи для него относительны; он знает, что величина каузального фактора никогда не может быть измерена в бесконечном переплетении исторической действительности: картина целого может быть только аспектом в предметном созерцании, а не знанием действительного целого. Это релятивистское познание не затрагивает человека как его самого. Для него воззрения становятся возможностями и границами; он постигает познаваемое своей ситуации в существовании, но он не возвышается до знаемого и доступного знанию. Согласно этой позиции, возможные воззрения должны быть охвачены в их относительности и присутствовать там, где что-либо совершается с должной ответственностью; но она запрещает возлагать ответственность на догматическое знание как на объективную правильность и требует понимания опасности и риска подлинного действованиия в мире.

Психология. Раньше психология была звеном в мыслимом строении существования. Она предлагала конструктивно, исходя из метафизических принципов, схему элементов и душевных сил, иллюстрируя ее повседневными наблюдениями или рассказами об удивительных событиях. В XIX веке она стала собранием физиологических и психологических утверждений, в силу необходимости соединенных теориями лежащего в их основе бессознательного. Разделенная на тысячи безразличных данных, все больше растворяясь в ничтожестве экспериментального исследования, она в конце концов превратилась лишь в подобие науки. Новая глубина в ней открылась в экзистенциально-философском мышлении Кьеркегора и Ницше. К этому присоединились неожиданные эмпирические открытия в области психологии животных и психопатологии. Психологическое истолкование всех вещей стало господствовать в романах и драмах.

Не оказалось исследователя, который в путанице учений и фактов, мировоззренческих импульсов и объективного исследования, описаний процесса сознания и спекуляций о бессознательном, в психологии, лишенной души и признаков души, разрешил бы эту путаницу и поставил бы все доступное знанию во внутреннюю связь, методически разграничив эмпирическое, объективно обязательное и относительное.

Общим достоянием нашего времени психология стала, приняв характерный для сегодняшнего дня облик психоанализа Фрейда. Если заслугой психоанализа является то, что в сфере внимания оказались не замечаемые ранее в психопатологии факты, то недостаток его состоит в том, что эти факты не были безусловно определены, ибо, несмотря на громадную литературу, до сего дня отсутствует действительно удовлетворительная и убедительная казуистика. Она держится области вероятного, которое на мгновение действительно может показаться решающим, но смысл и действие которого не могут быть ограничены неискушенными людьми.

Психоанализ коллекционирует и толкует сны, ошибочные действия, невольные ассоциации, стремясь проникнуть в глубины бессознательного, определяющего сознательную жизнь. Человек является марионеткой бессознательного; осветив его, он станет господствовать над ним. В бессознательном коренятся основные влечения, которые объединяются в качестве либидо и рассматриваются прежде всего как эротическое влечение. К ним присоединяется влечение к власти, к значимости и, наконец, к смерти. Учения никогда не становятся едиными, даже эвристически, на мгновение, чтобы исходя из этого двигаться вперед, ясно поставив вопрос, и таким образом решить что-либо исследованием. Их создатели ссылаются на то, что они эмпирики, повторяя при наличии безграничного материала год за годом, по существу, одно и то же. Истинная саморефлексия, достигшая после длительного развития в рамках христианства вершины у Кьеркегора и Ницше, здесь искажена для открытия сексуальных желаний и типичных переживаний детства; это маскировка подлинной опасной саморефлексии простым обнаружением известных типов в их мнимой неизбежности, которая абсолютизирует человеческое существование в его низменных проявлениях.

Так соединяется пригодное для того, чтобы показать растерянной массе, что такое человек. Инстинкт, требующий утверждения человека в его слишком человеческом, находит непреднамеренное удовлетворение. Это учение

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org используется для самооправдания существования в его фактической действительности; подлинной действительностью становятся либидо и другие влечения, подобно тому как в марксизме таковыми являются материальные интересы. Они в самом деле присутствуют, но все дело в том, чтобы провести их подлинную границу и рассматривать их в человеческом бытии как другое. Молчаливо допускаемое следствие психоанализа сводится к тому, чтобы не измышлять, а сделать ощутимым идеал, посредством которого человек не приходит через напряжение и насилие, как это было бы возможно, к самому себе, а возвращается к своей природе, и ему уже больше не нужно быть человеком.

Антропология. Антропология занимается человеком, как она его видит в его изначальной сущности. Ее цель – не общечеловеческая психология, а типическое бытие человека как специфическое бытие индивидуального характера. Антропология становится одним из средств схватить неповторимое в его жизненности – тип строения тела, расы, характера, культуры душевной жизни.

В отличие от идеализма, который видит в воображении лишь дух без действительности, и в отличие от материалистического понимания истории, которая превращает человека в функцию, антрополог полагает, что видит бытие самого человека.

Антропология является агломератом, связанным основным понятием расы. Физическая антропология изучает тело, его строение и функции в фактических видах, распространенных на земле. Она точно фиксирует его облик посредством измерений и других наблюдений. Однако телесность человека становится релевантной для знания о бытии человека лишь тогда, если она понимается как физиогномическое выражение его сущности. Понимание выразительности подлинный источник антропологии в той мере, в которой она направляет свое внимание на бытие человека. От физиогномики и мимики через графологию к морфологии культуры проходит методически аналогичная позиция – интуитивно понимающее видение бытия, проявляющегося в объективности форм тела, в фиксированном в почерке движении, в творениях и поведении людей и народов.

В значительных в некоторой своей части произведениях, в которых это антропологическое видение достигло конкретного сообщения, принудительное объективное знание и возможное интуитивное понимание данного таким образом выражения настолько тесно связаны, что значимость одного внушает читателю значимость другого. Проводятся измерения, но то, что действительно видят, не допускает каких бы то ни было измерений и фиксирования в цифрах. Сообщаются факты, но они еще не отражают смысла, который полагается в них как само собой разумеющийся. Ибо видение выражения не становится обязательным знанием; оно остается возможностью и само является выражением сущности того, кто таким образом видит. В выражении ему является не просто данность природы, но бытие свободы.

Антропологическое понимание вбирает в себя возможности духовного видения, чтобы схваченное таким образом сразу же принизить до натуралистического бытия. Его мышление подчинено масштабу жизненной деятельности, категориям роста и гибели; его произвольная предпосылка сводится к тому, что человек может ухаживать, воспитывать, создавать, вмешиваться. Многообразие человека для нее – не явление экзистенции в ее существовании как историчность к судьба.

Импульсом этой антропологии не являются поиски оправдания среднего, обычного. Напротив, в этом мышлении царит любовь к благородному облику человека и ненависть к неблагородному. Возникают аспекты человека в качестве образцов и противоположного им. Типы – то, чем я сам хотел бы быть или которым бы хотел противостоять. Типы народов, профессий, строений тела различаются объективно, однако так, что это различие всегда исходит из тайной любви или антипатии.

Другим импульсом служит желание познать себя в богатстве возможного. Себя видят по-новому, и жажда наблюдения над людьми становится ненасытной. Устраняются различия профессий, партий, народов, чтобы привести в ближайшее соприкосновение людей в наибольшей степени отдаленных друг от друга. Познается родство, которое затем объективируется в образах высших рангов.

Однако эти методы, которые как будто приближаются к экзистенциальной философии, отделены от нее бездной в тех случаях, когда они

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
абсолютизируются в познание бытия. Ибо в них действует импульс – упростить собственное бытие; из бытия свободы оно превращается в данное бытие, которое таково, в бытие как расу. Склонность считать себя по своему бытию благороднее или, чувствуя себя ниже, отказываться от требований к себе, парализует свободу, превращая ее в природную необходимость.

В социологии, психологии и антропологии мы каждый раз уделяли внимание одному примеру. Ибо марксизм, психоанализ и расовая теория являются сегодня самыми распространенными маскировками человека. В них находят свое выражение то прямолинейно грубое в ненависти и восхвалении, которое стало господствовать вместе с утверждением существования масс: в марксизме это требование массой общности; в психоанализе – то, как она ищет одного только удовлетворения потребностей существования; в расовой теории – то, как она хочет быть лучше других.

В них присутствует истина, но она не открыта в своей чистоте. Каждый из нас однажды испытал обаяние "Коммунистического манифеста"; благодаря ему получено новое понимание возможных каузальных связей между экономикой и обществом; каждый психопатолог знает, что психоанализ открыл нечто, то, что в расе не постигнуто даже как понятие, вероятно, окажется чем-то, что окажется решающим для будущего всего человечества в его предпосылках, однако что это и каково то, что здесь затронуто, не становится ясным. Наиболее релевантны выросшие из марксизма отдельные взгляды.

Без социологии нельзя заниматься политикой. Без психологии никто не сможет справиться со сложностями ни в самом себе, ни в отношениях с другими. Без антропологии было бы утрачено сознание темных глубин того, в чем мы даны себе.

В каждом данном случае значение познания ограничено. Ни одна социология не скажет мне, что я хочу в качестве своей судьбы, ни одна психология не объяснит, что я такое; подлинное бытие человека не может быть осознано как раса. Повсюду все то, что может быть планировано и создано, ограничено.

Знания, правда, служат импульсом для того, чтобы оперировать ими и способствовать желаемому ходу существования. Но человек может истинно быть лишь в том случае, если он отличает действительное знание от простой возможности. Теория диктатуры пролетариата, психотерапевтические предписания психоанализа, указания теоретиков по улучшению расы являются при неопределенном содержании насильственными требованиями, которые уже в начале их осуществления оказываются совершенно другими и действуют иначе, чем предполагалось.

Ибо в марксизме, психоанализе и расовой теории заключены, собственно говоря, разрушающие свойства. Если марксизм считает, что все духовное существование не более чем надстройка, то психоанализ определяет его как сублимацию вытесненных влечений; в этом случае то, что называют культурой, становится чем-то вроде насильственного невроза. Расовая теория ведет к безнадежности в понимании истории; негативный отбор лучших быстро привел бы к уничтожению подлинного бытия человека; или в сущности человека заключено, что в процессе расового смешения он достигает своих высших возможностей, чтобы после завершения этого смешения в течение нескольких столетий допустить уходящее в бесконечность бессильное усредненное существование остаточных следов своей расы.

Все три теории способны уничтожить то, что ценно в человеке. Они прежде всего разрушают безусловное, поскольку они в качестве знания выступают как ложное безусловное, которое считает все остальное обусловленным. Отрицается не только божество, но и любой образ философской веры. Как наивысшее, так и самое низкое обретают одинаковую терминологию, чтобы, обретя приговор, двигаться в ничто.

Эти три теории уверены в смене времен; то, что есть, должно быть разрушено, чтобы выросло неизвестное новое или чтобы ничего не осталось. Новое для них господство интеллекта. Коммунизм, Фрейд, расовая теория измышляют, каждый по-своему, свой идеал, но идеал такого будущего, в котором значимы рассудок и реальность, а не иллюзия и божество. Они обращаются против каждого, кто во что-то верует, и разоблачают его по-своему. Они ничего не доказывают, а лишь повторяют относительно простые толкования. Опровергнуть их невозможно, поскольку они сами являются выражением веры; они верят в ничто и в своей вере своеобразно фанатически уверены в догматике образов бытия, которыми

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
они маскируют для себя свое ничто: есть два класса... эти влечения и их превращения... эти расы... Отдельные представители этих теорий могут в действительности верить в совсем иное и сами не понимать себя. В смысле этих теорий как таковых заключено описанное следствие.

2. Экзистенциальная философия

Социология, психология и антропология учат рассматривать человека как объект, который следует изучить на основании опытных данных, позволяющих модифицировать его посредством ряда мероприятий; таким образом можно в самом деле узнать кое-что о человеке, но не самого человека; человек же как возможность своей спонтанности противится пониманию его как результата. Для индивида совсем не обязательно быть тем, чем его конструирует социология, психология или антропология. Он эмансипируется от того, что науки стремятся как будто окончательно понять в нем; он рассматривает действительно познаваемое как частное и относительное. Выход за границу познаваемого в догматическом утверждении бытия он постигает как обманчивый суррогат философствования; когда хотят бежать от свободы, оправдания ищут в видимости знания о бытии.

Специфическое объективное знание о вещах и о себе как существовании человеку необходимо для его деятельности в любой ситуации и во всех профессиях. Но объективного знания всегда недостаточно. Ибо оно становится осмысленным лишь посредством того, кто им обладает. Лишь мое собственное воление определяет, как я это знание использую. Самые лучшие законы, самые замечательные учреждения, самые верные результаты знания, самая действенная техника могут быть использованы в противоположном смысле. Они становятся ничем, если люди не наполняют их содержательной действительностью. Поэтому то, что действительно происходит, может быть изменено не улучшением объективного знания, но посредством бытия человека; истоком того, что он совершает, служит его внутреннее отношение, способ того, как он осознает себя в своем мире, содержание того, что его удовлетворяет.

Экзистенциальная философия есть использующее все объективное знание, но выходящее за его пределы мышления, посредством которого человек хочет стать самим собой. Это мышление не познает предметы, а проясняет и выявляет бытие в человеке, который так мыслит. Приведенное к парению посредством выхода за пределы всего фиксирующего бытие познания мира (в качестве философской ориентации в мире) оно апеллирует к своей свободе (в качестве прояснения существования) и создает пространство для своей безусловной деятельности в заклинании трансценденции (в качестве метафизики).

Эта экзистенциальная философия не может обрести законченного выражения в каком-либо произведении или окончательного завершения в существовании какого-либо мыслителя. Свои истоки и одновременно ни с чем не сравнимое расширение она обрела у Кьеркегора. Кьеркегор, который в свое время стал сенсацией в Копенгагене, затем был вскоре забыт, получил большую известность незадолго до начала первой мировой войны, но оказал значительное воздействие лишь в наше время. Шеллинг вступил в своей поздней философии на путь, на котором совершил экзистенциальный прорыв в немецком идеализме. Однако так же, как Кьеркегор, напрасно искавший метод сообщения и пытавшийся найти выход в технике псевдонимов и в "психологическом экспериментировании", Шеллинг похоронил свои подлинные импульсы и видения в им самим созданной идеалистической систематике, которой он в юности держался и не мог преодолеть. В то время как Кьеркегор сознательно занимался самой глубокой философской проблемой, проблемой сообщения и, стремясь к непосредственному сообщению, пришел к поразительно неудачному результату, который тем не менее потрясает каждого читателя, Шеллинг как бы пребывал в бессознательности и может быть открыт, только если идти к нему от Кьеркегора. Из другого корня, не зная обоих мыслителей, вступил на путь экзистенциальной философии Ницше. Англосаксонский прагматизм служил как бы предварительной ступенью. Разрушив традиционный идеализм, он заложил как бы новую основу; однако то, что он вслед за тем построил, можно в качестве агломерата плоского анализа существования и дешевого жизненного оптимизма считать не более чем выражением слепого доверия к нынешней путанице.

Экзистенциальная философия не может найти решение; она способна стать действительной только в многообразии мышления каждый раз из истоков в сообщении от одного к другому. Она пришла ко времени, но уже сегодня видна скорее ее неудача и подчинение сумятице, которая превращает все, что появляется в мире, в несвоевременный шум.

Экзистенциальная философия сразу же погибла бы, если бы она считала, что обладает знанием того, что есть человек. Она вновь стала бы заниматься исследованием человеческой и животной жизни в ее типах, стала бы антропологией, психологией, социологией. Смысл ее сохраняется только в том случае, если она в своей предметности остается безосновной. Она пробуждает то, чего не знает; проясняет и волнует, но не фиксирует. Для человека, который находится в пути, она служит выражением, посредством которого он сам опирается на себя в принятии направления, средством сохранить возвышенные моменты для осуществления посредством своей жизни.

Экзистенциальная философия может снизиться до простой субъективности. Самобытие может быть неправильно понятым как бытие и солипсически замыкающееся в себе в качестве существования, которое хочет быть лишь таким. Подлинная экзистенциальная философия апеллирующе вопрошает, благодаря чему человек пытается сегодня вновь прийти к самому себе. Поэтому понятно, что она есть лишь там, где за нее борются. При вносящем путаницу смешении с социологическим, психологическим и антропологическим мышлением она попадает лишь в софистический маскарад. Тогда ее либо бранят, называя индивидуализмом, либо используют в качестве оправдания личного бесстыдства, и она становится опасной почвой истерического философствования. Но там, где она сохраняет подлинность, там только она и может создать ощущение для явления подлинного человека.

Экзистенциальное просветление, поскольку оно беспредметно, не дает результата. Ясность сознания содержит требование, но не дает выполнения. В качестве познающих нам приходится удовлетвориться этим. Ибо я не есть то, что я познаю, и не познаю то, что я есть. Вместо того чтобы познать мою экзистенцию, я могу только ввести процесс прояснения.

Познанию человека наступил конец, когда было постигнуто, что его граница находится в экзистенции. В экзистенциальном прояснении, которое выходит за пределы этого познания, остается неудовлетворенность. На почве экзистенциального прояснения следует еще раз вступить в новое измерение, когда делается попытка обратиться к метафизике. Создание метафизического предметного мира или возможность открыть истоки бытия – ничто, если они отделены от экзистенции. Она с психологической точки зрения лишь создана, состоит в образах фантазии и в своеобразно волнующих мыслях, в содержании рассказов и конструкциях бытия, которые для каждого пытающегося схватить их знания сразу же исчезают. В ней человек обретает покой или ясное понимание своего беспокойства и грозящей ему опасности, когда перед ним как будто спадает пелена с подлинно действительного.

В наше время подступы к метафизике экзистенциально столь же запутаны, как и все философствование вообще. Однако ее возможность стала, быть может, чище, хотя и уже. Поскольку необходимое опытное знание теперь ни с чем спутать нельзя, метафизика как научное знание больше невозможна и должна быть постигнута в совсем ином направлении. Поэтому она стала опаснее, чем раньше, ибо она легко уводит либо в суеверие, отрицая науку и истинность, либо в беспомощность, которая больше ни во что не верит, поскольку она хочет, но не может знать. Только тогда, когда эта опасность на почве экзистенциальной философии будет увидена и преодолена, станет возможной идея свободы в схватывании метафизического содержания. То, что тысячелетия показывали человеку в трансцендентности, может вновь заговорить, после того как оно будет усвоено в измененном облике.

Шестая часть

Каким может стать человек

1. Анонимные силы

Вопрос об анонимных силах не является вопросом о неизвестном, которое мы находим и узнаем, чтобы вновь в тех же поисках противостоять новому неизвестному. Лишь за пределом неизвестного и в различении с ним человек наталкивается на непостижимое, которое есть не еще неизвестное, а существенно анонимное. Анонимное, доступное постижению, вообще никогда не было бы таковым.

Анонимное – это и подлинное бытие человека, угрожающее исчезновением в рассеянии, и подлинное небытие, притязующее как будто на всю сферу

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
существования. Вопрос об анонимных силах – это вопрос о бытии самого человека.

Попытка описать анонимность уничтожила бы ее, если бы описание стало познанием. Но здесь описание – не установление, а апеллирующая возможность.

Искажение свободы. Следует напомнить о ряде проявлений современной софистики. Различные замаскированные формы неясности, возмущения, мнимой правдивости, неуверенности мнения и воления должны были служить сохранению определенной структуры существования или отрицанию ее в удобной прямолинейности. Они создали такую атмосферу, которая вносит соблазн в существование индивида, побуждая его бежать от самого себя, приняв признанный образ деятельности, необходимый для всеобщего блага. В структуре существования это всеобщее благо как будто со всех сторон идет мне навстречу, чтобы освободить меня от самого себя как притязания на самобытие.

Деловитость, осмысленная лишь в ограниченных ситуациях, становится в своей абсолютизации в "новую деловитость" маской. Ею можно заслонить собственное ничтожество; значение человека – в выполнении функции, и это значение растет вместе с видимостью безграничной трезвости. Люди боятся слов, желаний и чувств, отвергают как пошлость не только то, что придает обманчивость содержанию, но называют пошлостью и все то, в чем не нуждается больше лишенная всех облачений вещь. Людям, собственно говоря, сказать больше нечего. Существуют лишь вопросы техники; после их решения остается немота – не глубина молчания, а выражение пустоты. Человек стремится отказаться от себя, устремиться в работу, чтобы забыться, не быть свободным, вновь стать природой, будто природа идентична технически осваиваемой вещи.

Нежелание принимать решения стало формой мира, требуемой общим интересом структуры существования. Между волей, ищущей решение о своем бытии, и волей, отказывающейся от борьбы и стремящейся лишь продолжать утвердившееся существование как таковое, идет тайная борьба. Воля, отказывающаяся от борьбы, не препятствовала бы и тому, чтобы существование соскользнуло в болото, где исчезает всякая возможность человеческого бытия. Порядок существования дает человеку чистую совесть, уверенность в том, что все совершаемое им и его бытие правильны, при условии, что его поведение никогда не потребует принятия подлинных решений.

Однако человек не может отказаться от себя. В качестве возможности свободы он либо ее истинное осуществление, либо ее искажение, которое не дает ему покоя. Человек, искаживший себя как свободу, становится в своем корне неразличимым. Он отгорожен формами общения и оборотами речи.

В своем искажении он противостоит свободе. При тайной любви к бытию, возможностью которого он был, он вынужден уничтожать бытие повсюду, где оно ему встречается. Его скрытое благоговение превращается в глубокую ненависть. Он пользуется структурами существования, чтобы ложно используемыми аргументами свободы уничтожить ее мощью аппарата. Сущность свободы – борьба; она стремится не к успокоению, а к обострению, не к невмешательству, а к очевидности. Однако анонимная враждебность к свободе превращает духовную борьбу в искаженную духовность инквизиции: игнорируя самобытие там, где она не может нанести ему удар, отступая повсюду, где ей пришлось бы выступить открыто, она пользуется любой возможностью, чтобы напасть на существование самобытия или уничтожить его приговором публичной власти. Самобытию выносятся приговор, его не выслушивают, в него вторгаются: то, что относится к сфере подлинной коммуникации, желание коснуться глубочайших мотивов настроения и поведения, используется здесь посредством предания гласности частной жизни для публичного порицания. К такому инквизиторскому поведению способно лишь предательство собственных возможностей, которое поразительным образом внезапно прорывается то тут, то там в лишенном коммуникаций мире.

При искажении истинное сознание относительности структуры существования и ничтожности свободы перед лицом ее трансценденции превращается в отрицание всего. Тайный яд, неспособный нейтрализоваться посредством структуры существования, наполняет жизнь отрицанием и упреками, а не деятельностью и трудом. Отравленный этим ядом, я всегда хочу, собственно говоря, только иного, не того, что есть, всегда хочу устраниваться, чтобы только не нести

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
ответственности. Справедливая критика времени и обстоятельство, в силу того, что они таят в себе угрозу человеку, превращается в удовольствие скептического уничтожения, будто отрицание в устах недееспособных людей уже есть жизнь. Готовность разрушить мир – к чему это приведет, будет видно, во всяком случае к чему-нибудь такому, что также будет достойно разрушения, такова удобная позиция этого отрицания. Поиски самосознания носят негативный характер, от него отказываются. Однако жизненный инстинкт все-таки заставляет желать – пусть даже в качестве ничто – остаться самим собой. Люди скрывают свои побуждения под видом неумолимой правдивости, которая в своем корне – не что иное, чем ложь. Все продуманное в осознании времени за столетие должно служить мишурой этого отрицающего мнения и высказывания.

Софист. Конкретное определение искажения слишком просто. Ибо искажение софистического существования универсально. Там, где оно принято, оно уже вновь изменилось. Софист, возможность которого создана структурой существования в качестве грозного анонимного предзнаменования судьбы человека в будущем, может быть описан только как непрерывное изменение; формулирование сразу же придает ему слишком определенные черты. В своей как будто само собой разумеющейся естественности он никогда сам не присутствует. Сведущий во всем, он использует по своей прихоти каждую возможность – то одну, то другую.

Он всегда выступает как соучастник, так как хочет присутствовать. Он всячески стремится избежать любого серьезного конфликта, не позволить ему отчетливо проявиться на каком бы то ни было уровне. Маскируясь всесторонней связью, он хочет только существовать и неспособен к подлинной вражде, которая в своей высокой сущности выступает против другой стороны на равном уровне в борьбе за неопределенную судьбу.

Там, где все обращается против него, он готов склоняться и угодничать, но вновь встает во весь рост, как только видит, что опасность миновала. Ему удастся найти выход даже там, где все представляется безнадежным. Он повсюду устанавливает связи, ведет себя так, что невозможно не испытать к нему симпатии и не помогать ему. На службе он гибок в отношениях с властью; груб и неверен вдали от власти; патетичен, когда это ни к чему не обязывает; сентиментален, если его воля сломлена.

Там, где он обретает превосходство и прочную позицию, он, только что такой скромный, переходит в наступление против всего, что есть бытие. Маскируясь возмущением, он направляет свою ненависть на благородство человека. Ибо он обращает в ничто все, что встречается на его пути. Он не стоит перед возможностью ничто, он верит в ничто. Встречаясь с бытием, ему необходимо убедиться на свой лад, что это ничто. Поэтому, хотя он все знает, ему чужды почтение, стыд и верность.

Он патетически устремляется в радикальное неудовольствие под видом героического терпения. Для него обычна лишенная экзистенции ирония. Он бесхарактерен, не будучи злым, одновременно добродушен и враждебен, готов помочь и беспощаден и, собственно говоря, ничто. Он склонен к мелкому непристойному обману и вместе с тем может быть порядочным и честным, но при этом всегда лишен величия; он – не дьявол во плоти.

Никогда не бывая подлинным противником, он не призывает к ответу, все забывает и не ведает внутренней ответственности, о которой, однако, все время говорит. Он лишен независимости безусловного, но сохраняет бесцеремонность небытия, а в нем сиюминутную и меняющуюся по настроению непререкаемость утверждения.

В интеллектуальности он обретает единственное прибежище. Здесь он чувствует себя хорошо, ибо задача состоит только в том, чтобы в движении мысли постигать все, как другое. Он все путает. Вследствие недостатка самобытия он никогда не может усвоить науку. В зависимости от ситуации он переходит от научного суеверия к суеверию, побеждающему науку.

Его страсть – дискуссия. Он высказывает решительные мнения, занимает радикальные позиции, но не удерживает их. То, что говорит другой, он не усваивает. Каждому он внушает, что сказанное им верно, надо только одно прибавить, другое изменить. Он полностью соглашается с собеседником, но затем делает вид, будто вообще ничего не было сказано.

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
Если ему повстречался противник, обладающий самобытием, для которого интеллектуальность важна не сама по себе, а как медиум явления бытия, он становится бесконечно подвижным; возбужденный до крайности, так как ему представляется, что опасность грозит значимости его существования, он постоянно меняет точку зрения, все время занимает разные позиции в дискуссии, то подчеркивает совершенно объективную деловитость, то переходит к аффектации; он идет навстречу, чтобы найти общую формулу, будто в ней заключена истина; становится то плаксивым, то возмущенным, но то и другое ненадолго. Он даже готов быть уничтоженным, только бы обратить на себя внимание.

Условие его жизни – рассматривать все рационально. Он воспринимает характер мышления, категории, методы – все это без исключения, но только как формы выражения, не как содержательное движение познания. Он мыслит в последовательности силлогизмов, чтобы с помощью известных логических средств достигнуть мгновенного успеха, применяет диалектику, чтобы остроумно обратить все сказанное в противоположное, использует в созерцании и примерах, не обладая подлинным пониманием вопроса, плоскую понятность, ибо он заинтересован в риторическом воздействии, а не в понимании. Он рассчитывает на общую забывчивость. Пафос его риторической решимости позволяет ему ускользать, наподобие угря, от всего, способного его поймать. Он оправдывает и отвергает в зависимости от того, что ему полезно. Все сказанное им – забава, не меняющаяся во времени, коммуникация с ним растекает в бездне. Из сказанного им ничто не вырастает, ибо он журчит, как ему вздумается. Вступить с ним в общение означает попусту растрачивать себя. В целом он охвачен страхом от сознания своего ничтожества и все-таки не решается на скачок, который мог бы привести его к бытию.

Такого завершеного в своем небытии человека в результате искажения свободы бытия не может. Однако подобные описания следует безгранично продолжать. Они кружатся вокруг некоей анонимной силы, тайно стремящейся овладеть всеми, то ли для того, чтобы превратить нас в нее, то ли для того, чтобы исключить нас из существования.

Вопрос о действительности времени. Понимание того, что в настоящее время есть истинное бытие, какое бытие в качестве существования обладает зрелостью своего крушения, которое пока еще не более чем росток, как то и другое составляют основу будущего человеческого бытия, столь же недоступно знанию, как бытие софиста. Бытие остается скрытым, оно молчит даже и тогда, когда его носитель играет публичную роль, но становится видимым каждому встречному, если он сам открыт бытию, которое он видит сквозь собственное самобытие.

Вопрос об этой подлинной действительности времени неизбежен, но ответ на него не может быть дан. Следует лишь сформулировать сомнения и поставить вопрос:

Вызывает сомнение, встречается ли эта действительность в общественной жизни в качестве того, что знает и может знать каждый, что каждый день устанавливают и о чем толкуют газеты. Ибо эта действительность может заключаться в том, что происходит за этим зримым для нас, в том, чего мало кто касается и еще меньшее число людей обнаруживает в своих действиях. Она может быть жизнью, о которой, пожалуй, никто не говорит потому, что никто ее не осознает.

Возникает сомнение в том, существует ли духовное движение, действующее так, чтобы все принимали в нем участие; быть может, эта доступность всем была бы лишь инерцией уже прекратившегося движения, которое, заострен в объективности, способно служить только для развлечения. Духовное движение могло бы во все времена, оставаясь неизвестным толпе, принадлежать невидимому царству духов. В той мере, в какой люди держали руль, исходя из него, это движение косвенно воздействовало на них посредством мотивов решений, однако не так, чтобы их смысл мог быть доступен всем или доступен сегодня. То, что стало бы понятно всем, было бы обеспечением существования в устройстве мира, сводилось бы к манере поведения и высказываний, к тому, что повсюду доступно и что, по существу, не имеет значения.

Возникает сомнение в том, что такое, собственно говоря, успех. В мире успех проявляется в публичном признании, в значимости сказанного, в достижении привилегированного положения, в наличии денег. Тот, кто в качестве самого себя вступает в мир, будет стремиться к этому успеху для расширения условий

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
существования, но этот успех станет действительно таковым, если он в своем самостановлении, в построении наполненной жизни достигнет посредством расширенных условий существования и в своем господстве над ними действительно настоящего для человека.

То, что надлежит показать в образе настоящего, никогда не бывает этим настоящим полностью. Каждый живет в мире еще неосознанных возможностей. Существует как бы некий закон: то, что мы знаем, уже не есть путь субстанциальной истории. Подлинно действительное происходит почти незаметно, вначале изолированно и рассеянно. Новое поколение обычно мало похоже на то, о котором мы говорим. Те молодые люди, которые после тридцати лет совершат решительные действия, вероятнее всего бывают тихими, ожидающими; однако уже теперь, незаметно для других, они посредством неограниченной духовной дисциплины полностью отдаются своей экзистенции. Эти люди обладают чувством времени и ничего не предвосхищают. Невозможно установить, кто к ним относится. Все попытки отбора не что иное, как гротескное притязание не сознающего своих границ технического рассудка. Заранее известное уже существовало бы, и незачем было бы осуществлять его всей судьбой своей жизни. Существует признание способностей, прилежания, надежности, но не анонимности и в качестве предсказания подлинного бытия и утверждения ранга.

Анонимное бессловесно, бездоказательно, непритязательно. Оно – зародыш бытия, его невидимый образ, пока оно еще растет, и мир не может отозваться на него. Оно подобно огню, который мог бы воспламенить мир или стать в превратившемся в кучу пепла мире тлеющей искрой, сохраняющей свою силу, чтобы когда-либо вновь возгореться или вернуться в завершении чистой к своему началу.

Современный человек. В настоящее время мы не видим героев. Этого слова опасаются. Всемирно-исторические решения не принадлежат отдельному человеку, который принимает их и может в течение некоторого времени таить в себе. Решение абсолютно лишь в личной судьбе единичного человека и почти всегда представляется относительным в судьбе огромного аппарата современности. Только потребность души массы в восхищении создает своих героев, когда она направлена на виртуозность, способность рисковать жизнью и политическое представительство; на мгновение она помещает индивида в центр своего внимания, однако вскоре совершенно забывает, когда свет рампы падает уже на другого.

Возможный героизм человека сегодня лишен в деятельности блеска, в воздействии – славы. Он остается без признания, если, не уступая повседневности, обладает силой самостояния. Он не ведает чар неверных ожиданий и ложного, отстраняющего его от самого себя отклика. Он отвергает облегчение, которого можно достичь, действуя, как все, получая общее одобрение, и не дает поколебать себя сопротивлением и непризнанием. Ему свойственна уверенность в продолжении своего пути. Этот путь – смелое приятие одиночества, невзирая на то что пересуды, согласно которым подобное притязание на своеволие действительно заслуживает одиночества, едва ли не принуждает следовать тому, чего хотят все. Сохранять при этом без упрямства и слабости выбранное направление, не поддаваться ни на мгновение обману, даже при усталости и слабеющем рассудке сохранять верность решению – такова задача, которая заставляет едва ли не каждого иногда оступиться. В невозможности когда-либо быть довольной собой бытие человека в своей невидимости может надеяться обрести неverified подтверждение только перед лицом своей трансценденции.

Если человек в качестве героя характеризуется тем, что утверждает себя перед превосходством силы, которая, будучи свойственна каждой эпохе, достигает, противостоя ему, цели, к которой она слепо стремится, то сегодня он утверждает себя перед неосязаемой массой. Индивид не смеет сегодня ставить ее под радикальное сомнение, если он хочет жить в мире; он должен молча терпеть и участвовать в ее действиях или стать мучеником, оказаться во власти этого деспота, уничтожающего тихо и незаметно. Подобную власть мы обнаруживаем в тех индивидах, которые в качестве функционеров группы власти в рамках всеобщности на мгновение осуществляют волю массы так, как они ее понимают, чтобы после завершения своей функции – в их понимании – вновь впасть в ничтожество. Поэтому они и не могут быть постигнуты как индивиды. Современный герой, становясь мучеником, не увидел бы своего противника и сам остался бы невидимым в качестве того, что он в действительности есть.

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
В скепсисе нашего времени массовые проявления суеверия служат как бы вызванными отчаянием случайными фанатическими связями. Пророки всех видов достигают успехов. Для независимости же остается только один путь - никогда не отказываться от скепсиса по отношению ко всему объективно фиксированному. Человек, выражающий в нем истинное бытие, радикально отличен от прежних пророков.

Прежде всего он не признан пророком, он действует скрыто, в противном случае он превратился бы в демагога, в эфемерно обожествляемого, затем отвергнутого вождя массы или в течение некоторого времени в самого себя возвеличивающего представителя культа в какой-либо группе. Поэтому он отказывается быть пророком; он отталкивает тех, кто хочет ему следовать, ибо его сущность отвергает подчинение; он видим лишь независимым, которые, проникая взором в его сущность, приходят к самим себе. Он ищет не последователей, а соратников. Стремиться к тому, чтобы ему следовали, он может только в государственной жизни как общей судьбе существования; лишь здесь он становится в качестве демагога вождем, совершает в созданной им понятной форме для всех то, что, по существу, понимают лишь немногие, и остается при этом скрытым в качестве самого себя. Его сущность воздействует косвенно; он не становится пластическим образом, не провозглашает законов. Не погружаясь в деятельность приходящих и уходящих кумиров существующего порядка, он пребывает в качестве самобытия для самобытия, ибо он создает жизнь как требование посредством действия в другом, исходя из его собственных истоков, не превращаясь для него в идола в своем противопоставлении ему.

Он не предсказывает будущего, но говорит то, что есть. Это он постигает в его полноте как явление бытия, не абсолютизируя его в очередной миф.

Его образ можно спутать с другим, его объективная деятельность может быть незаметной, его знание - как бы двойственным. Его сущность - очевидная тайна. Открытость безграничного желания видеть превращается у него в молчание - не для того, чтобы умолчать о том, что он знает и мог бы сказать, но чтобы не внести в высказанное то, что посредством ошибочности стало бы в экзистенции неясным самому себе. Такая неустранимая анонимность - его признак. Каждый должен быть готов услышать в своем мире ее призыв, не делая ее вновь невидимой для себя из-за ложного утверждения о причастности и ожидания.

Борьба без фронта. Анонимное есть подлинное бытие, открытость которому единственно и создает уверенность в том, что не существует ничто. Но анонимное - одновременно и существование небытия, чья сила ни с чем не сравнима и не может быть постигнута, хотя она и грозит всему уничтожением. Оно есть то, единение с чем возвышает меня, и есть то, с чем я должен бороться, когда ищу бытие. Но и эта борьба своеобразна. Существование небытия кажется то исчезнувшим, то внезапно господствует над всем. В нем сосредоточено нечто злое, связанное с беспокойством вследствие неуверенности в том, против чего и за что идет борьба. В нем как будто не остается ничего, кроме жестокой борьбы за существование в ее постоянной эгоцентричности. Но и само это понимание дано им, ибо оно покрывает все пеленой небытия, потому что само есть ничто.

Подобно тому как примитивный человек противостоял демонам, полагая, что, назвав их имя, он станет их господином, современный человек противопоставляет этому непостижимому, путающему его расчеты: если только мне удастся познать его, полагает он, я заставлю его служить мне. Аналогом демонов являются анонимные силы ничто в разбожествленном мире.

Борьба, в которой ясно, с кем имеешь дело, открыта. В современном же существовании после минутного прояснения человек теряется от путаницы в фронтах борьбы. Тот, кто только что казался противником, оказывается союзником. Кто по объективному желаемому должен был быть противником, выступает на твоей стороне; то, что, собственно говоря, кажется антагонистичным, отказывается от борьбы, а представлявшееся единым фронтом оборачивается против самого себя. И все это в вихревой неразберихе и изменчивости. Это может превратить меня в противника того, кто казался ближайшим, и в союзника самого далекого человека.

Можно было бы вообразить, что этот образ возник вследствие борьбы двух эпох, происходящей сегодня, причем таким образом, что отдельный человек не знает, где он находится, и никто не может знать, что же действительно

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
старое и что, собственно говоря, будущее; эпоха еще неясна в своей сущности; поэтому без понимания себя и ситуации люди борются, быть может, против подлинного смысла. Однако единства нет ни в прошедшей, ни в будущей эпохе. Существо человека в его истории всегда промежуточно, это – беспокойство его всегда незавершенного существования во времени. Ему не поможет попытка обнаружить единство наступающей эпохи, разве только никогда не прекращающиеся попытки снять пелену с анонимных сил, стоящих поперек дороги как порядку существования, так и самобытию.

Минуя случайные и нежеланные фронты борьбы, человек стремится попасть на подлинные и желаемые. Пусть падут фронты, оказывающиеся подступами, ибо в них нет идентичной воли, пусть увидят друг друга подлинные противники. Все то, что встает между ними как непостижимое, туманит ясность, парализует волю, препятствует достижению цели, пусть оно выйдет наружу. Лишь тогда, когда я и другой пойдем друг друга в борьбе, она станет осмысленной. Я хочу сознания, хочу видеть противника. Пусть он не прячется за моей спиной и не исчезает, когда я оборачиваюсь; пусть он смотрит мне в глаза, говорит со мной и отвечает мне. Однако анонимные силы ускользают и меняют свой облик. Если я на мгновение как будто ухватил их, они уже не то, чем были. В некоторых образах они перестают быть силой, если им не противиться и просто не обращать на них внимания; однако неожиданно они вновь появляются в другом образе. Они выступают с одинаковым успехом как противники и как друзья, становятся двойственными как одним, так и другим. Каждый, кому когда-либо нечто было безусловно важно, должен был столкнуться с этой путаницей. Она прорывает наше планомерное существование и опустошает самобытие человека. Или же человек должен сам принимать участие в этой путанице, ничего не ведая о ней.

Подлинные противники выступают там, где в существовании бытие противостоит бытию в продуктивной борьбе. Нет противников там, где бытие борется за существование с небытием. Может случиться, что небытие незаметно предательски достигнет в качестве существования триумфа в неуловимых образах софистики.

2. Самобытие в условиях времени

Характер бытия человека – предпосылка всего. Можно наилучшим образом наладить действие аппаратов; но если отсутствуют люди в качестве таковых, ничего достигнуто не будет. Может показаться необходимым, чтобы человек не погряз в желании просто продолжать существовать, поставить его в его сознании перед ничто: пусть он вспомнит о своем изначальном состоянии. Если в начале его исторического пути его физическому существованию угрожали силы природы, то теперь его сущности угрожает собственный, созданный им мир. На другом уровне, отличающемся от неизвестного начала его становления, вновь встает вопрос обо всем.

Существование в настоящем, в радости жизни, так же как и отчаянная решимость устоять перед лицом ничто, спасти его не могут. То и другое, правда, необходимо как минутное прибежище при неудаче, но их недостаточно.

Для того чтобы быть самим собой, человек нуждается в позитивно наполненном мире. Если этот мир пришел в упадок, идеи кажутся умершими, то человек будет скрыт от себя до тех пор, пока он в своем созидании не обретет в мире вновь идущую ему навстречу идею.

В самобытии человека начинается то, что лишь затем осуществляется в мире. Когда в бездушном существовании мир как будто становится безнадежным, в человеке сохраняется то, что в данный момент вернулось к чистой возможности. Если сегодня в отчаянии спрашивают, что же еще осталось в этом мире, то каждому следует ответить: то, что ты есть, потому что ты можешь. Духовная ситуация требует сегодня сознательной борьбы человека, каждого человека за его подлинную сущность. Он должен устоять в этой борьбе или быть побежденным, и это зависит от того, насколько он уверен в основе своего бытия в действительности своей жизни.

Настоящий момент выступает как самое трудное, невыполнимое требование. Теряя в кризисе мир, человеку надлежит, исходя из имеющихся у него предпосылок, вновь создать свой мир из первоначала. Перед ним открывается высшая возможность его свободы; ему надлежит либо в невозможности ухватить ее, либо погрузиться в ничтожество. Если он не последует путем самобытия, то останется своевольно наслаждающимся своим существованием в

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
неотвратимости аппарата, против которого он больше не будет обороняться. Он должен, исходя из собственной независимости, овладеть механизмом своего существования или, превратившись в машину, покориться ему; должен осуществить в коммуникации связь самости с самостью, сознавая, что здесь все решается в верности или неверности; в противном случае он окажется в бездушной покинутости своего существования просто функцией. Он должен подойти к границе, чтобы ощутить свою трансцендентность, или быть опутанным просто дающим себя бытием вещей мира. К нему предъявляются требования, будто он титан; он должен их признать и установить, что ему удастся в становлении его самости, или же, если он их отвергнет, ему придется вести существование, в котором он не будет, по существу, ни человеком, ни животным. Жалобы на то, что от человека ждут слишком многого, что изменены должны быть обстоятельства, не помогут. Ибо лишь из способа самобытия вырастает подлинное воздействие на обстоятельства. Если я жду от изменения обстоятельств того, чем я могу быть из самого себя, я предаю собственные возможности. Я уклоняюсь, передавая другому то, что могло бы зависеть от меня, тогда как это другое процветает лишь в том случае, если я сам становлюсь таким, каким я должен быть.

Против мира или в мир. Первым актом пробуждающегося внимания человека является то, как он относится к миру. Самобытие есть то, что из бытия против мира вступает в мир.

Первый путь ведет из мира к одиночеству. Самобытие, которое в своем негативном решении, в своем отказе от себя не устремляется к бытию мира, изнуряет себя в возможности. Оно говорит лишь для того, чтобы ставить под вопрос. Его атмосфера – создание беспокойства. Этот путь Кьеркегора, неизбежный при переходе, стал бы неистинным, если бы человек в собственной твердости допускал бы беспокойство других. Кто занимает какую-либо должность, осуществляя в жизни положительную деятельность, кто выступает, обучая, у кого есть семья, кто живет в мире релевантного ему исторического и научного знания, тот отверг путь негативного решения, отказа от мира. Он не может стремиться к тому, чтобы другие лишились почвы под ногами, не показав им почву, на которой он сам стоит.

Второй путь ведет в мир, но лишь через возможность первого пути. Ибо философствующее самобытие не может находиться в своем мире с не ведающей сомнения удовлетворенностью.

Сегодня, когда поглощение всего существования аппаратом уже стало необратимым, когда существование протекает в учреждениях и на предприятиях и большинство людей являются рабочими и служащими, бессмысленно стремиться зависеть только от себя в своей профессии и в обеспечении средств на жизнь. Участие в союзе, основанном на общности интересов и защищающем существование человека, работа, направленная на достижение поставленных извне целей и условий, стали неотвратимы. В некоторых областях еще есть следы относительной независимости, идущей из прошлого, их следует сохранять всюду, где они обнаруживаются как драгоценные возможности несовременного типа, которые могут показать нам бытие человека в его незаменимости, однако почти ко всем предъявляется неумолимое требование: работать на предприятии или погибнуть. Вопрос состоит в том, как жить.

Соблазняет двоякая возможность просто противопоставить себя миру. Однако действительно пойти на это может лишь тот, кто сам приговаривает себя к крушению всякого существования. Если же он пытается, используя благополучную экономическую ситуацию, обособиться от мира и сохранить полную независимость, то погрузится в пустоту, в которой все-таки останется в плену у мира; он теряет истину в бегстве из мира, от которого он, порицая его, уходит, чтобы в своем отрицании все-таки остаться бытием.

Действительность мира невозможно игнорировать. Ощутить суровость действительности – единственный путь, который ведет к себе. Быть действительным в мире, даже если поставленной цели достигнуть невозможно, остается условием собственного существования. Поэтому этос заключается в том, чтобы жить вместе с другими внутри аппарата власти, не давая ему поглотить себя. Значение предприятия, при ограниченности необходимым, состоит в том, чтобы, обеспечивая жизнь всех, одновременно служить сферой деятельности отдельного человека; он делает то, что делают все, и это создает для каждого возможность существования. Однако этос такой работы включает в себя страх перед самобытием.

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
Деградация сферы труда в нечто относительное как будто убивает желание приложить свою силу; однако экзистенция человека в том, чтобы суметь выдержать это отрезвление, не теряя воли к деятельности. Ибо самобытие возможно лишь в напряжении, которое, вместо того чтобы просто сопоставить две сферы жизни, пытается исходя из одной выразить другую, не утверждая возможности общезначимого образа единения в качестве единственной возможности правильной жизни для всех. Это – как бы жизнь на крутой вершине, с которой я сорвусь либо в сферу предприятия, либо в лишенное действительности существование вблизи от него.

Смысл вступления в мир становится содержанием философствования. Философия не является средством, еще менее того – волшебным средством, она сознание в осуществлении. Философствование – это мышление, посредством которого или в качестве которого я деятелен в качестве самого себя. Оно являет собой не объективную значимость знания, а сознание бытия в мире. Технический суверенитет, изначальное желание знать, безусловные связи.

Вступление самобытия в его мир можно наблюдать в ряде возможных направлений. Путь ведет от технического через изначальное желание знать к безусловным связям. Повседневная сложность технического мира ставит передо мной требование владеть ею в доступной мне сфере. Отношение к вещам преобразилось; отодвинутые вдаль, они превращаются в своем безразличии в заменяемую функцию. Техника отделила человека от непосредственного присутствия. Новая задача заключается в том, чтобы посредством технического осуществления вновь достигнуть непосредственного присутствия человеческого бытия во всех вещах мира; новые предпосылки возросших возможностей должны быть принуждены служить нам. Рационализация жизненных средств вплоть до деления времени и экономии сил должна внутренне восстановить в каждом возможность полностью присутствовать: в размышлении, в ожидании созревания, в действительной близости к вещам, которые принадлежат ему. Новая возможность заключена не просто во внешне уверенных действиях в области целесообразно машинного осуществления материальных условий существования, но в свободе, превосходящей все материальные вещи.

Там, где завоевывается техника, энтузиазм человека проявляется в открытиях, превращающих его в инициатора изменения мира, как бы во второго строителя мира; это – привилегия тех, кто прорывается к границе достигнутого.

Там, где используется техника, уместно спокойствие в ограничении необходимым, строжайшая экономия времени, отсутствие спешки и без расточительства. При оглушающей сложности технической сферы тем не менее становится возможным неповторимый покой существования, господствующий над внешними условиями жизни и собственной жизненной телесностью. С легкостью достигнутое, воспринятое с детства послушание законам, регулирующим общественные функции, создает свободную сферу и для самобытия.

Технический мир как будто уничтожает природу. Раздаются сетования на то, что существование становится далеким от природы. Однако техника, которая вынуждена на своем пути смириться с безобразием и отдаленностью от природы, могла бы в конечном счете создать возможность более интенсивного подхода к природе. Современный человек способен по-новому осознать солнце и стихию мира. Техника создает предпосылки для того, чтобы жить в целостности географического мира, в обширном пространстве света и воздуха и всех видов их явления. По мере того как все становится близким и достижимым, родина расширяется. Из этого завоевания природы вырастает подлинная радость от близости нетронутой природы, которую я в одиночестве воспринимаю и открываю в чувственной близости посредством деятельности в ней моего тела. Только расширяя эту возможность открытия в моем непосредственном окружении и не освобождаясь от почвы, вернее, пользуясь этим освобождением просто как техническим средством приблизить ко мне эту почву, я могу не только увидеть в искусственно созданных возможностях шифры природы, но и глубже проникнуть в них.

С технизацией мира мы вступили на путь, по которому надлежит следовать дальше. Повернуть вспять означало бы затруднить существование до невозможности. Порицание не поможет, необходимо преодоление. Для этого техника должна быть чем-то само собой разумеющимся, которое в своем действии находится едва ли не вне сферы пристального внимания. Необходимости в каждой деятельности создания для большего успеха технической основы следует противопоставить доведенное до несомненности сознания того, что не подлежит механизации. Абсолютизация техники была бы

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
уничтожающей для самобытия; в нем каждое чувство свершения должно быть
проникнуто другим чувством. 1.

Техническое обеспечение существования требует знания лишь применительно к цели, для которой оно используется. Самобытие же в знании есть лишь в изначальном волеии знания. Если последним масштабом знания становится его пригодность, то я в нем отрекаюсь от себя. Если же знание остается просто ясностью, то я обретаю в нем самосознание.

Практически пригодное знание возможно только как результат подлинного знания, которое внутренне разъединяется и обнаруживает мир необходимо значимого и действительного как нечто особенное. Поэтому и в техническом существовании решительное понимание способа знания вызывает доверие лишь там, где есть самобытие, проводящее границы. Там, где это рушится, возникает лишь смешение познанного и воображаемого. Абсолютизированное, рационально принуждающее знание как бы технизирует все бытие; в непонимании оно предоставляет свободу научному суеверию, а затем и всякому суеверию. В этом случае человек не может ни с достоверностью познавать, ни быть подлинно самим собой, ибо ему доступно либо то и другое в одном, либо ни то, ни другое. Науку постигает лишь тот, кто изначальное есть он сам.

Будущее находится там, где сохраняется напряженное единство методов знания, где специальное знание пронизано бытием, а философствование особенностью мира. Тогда самобытие – высший орган знания, которое, правда, видит лишь в той мере, в какой оно наполнено миром, и только в том случае, если оно само остается в настоящем. Жизнь становится одновременно ответственностью удостоверившегося в бытии человека и подобна эксперименту познающего. То, что человек совершает, исследуя, планируя и строя, является, если видеть перед собой целое, путем, на котором он посредством попыток находит свою судьбу как способ своей уверенности в бытии. 2.

Однако жизнь как существование, которое проходит в течение сумм мгновений, а затем прекращается, не имеет судьбы; время для него лишь ряд моментов, воспоминание безразлично, настоящее лишено будущего – оно лишь мгновенное наслаждение существованием или помеха ему. Судьбу человек обретает только посредством связей, не принудительных, охватывающих его в его бессилии как чуждые, а в принятых им, которые становятся для него собственными. Они держат его существование в единстве, чтобы оно не распадалось тем или иным образом, а стало бы действительностью его возможной экзистенции. Тогда воспоминание открывает перед ним свою неизгладимую основу, а будущее – пространство, из недр которого вырастает требование ответственности за его нынешние действия. Жизнь становится неопределимой в своей целостности. В ней содержится возраст человека, его осуществление, зрелость, возможность. Самобытие есть жизнь, которая хочет стать целостной, причем только посредством значимой для нее связи.

В отрыве от исторических связей, в превращении в толпу любым образом взаимозаменяемых индивидов, выполняющих определенные функции в аппарате, действует тенденция разложить человека на короткие перспективы настоящего. Тогда связь относительна; ее можно разорвать, она всегда лишь временна, и безусловность всегда воспринимается как не имеющая отношения к делу патетика; в такой деловитости вырастает сознание хаоса. Поэтому сегодня взывают к новым связям, к авторитету и церковной религиозности. Однако, если время и способно производить все, подлинные связи сделаны быть не могут; они свободно создаются человеком в сообществе. Если призыв к установлению связей сведется лишь к требованию создать искусственный порядок, основанный на послушании авторитетам и сформулированному закону, то это уведет в сторону от подлинной задачи и наступит то, что делает безусловность невозможной, что освобождает от свободы, парализуя ее. Перед человеком стоит возможность либо успокоиться, забыть о своем существовании, возвращаясь к авторитарным формам, освящающим аппарат обеспечения, либо обратиться в качестве единичного к той точке своей основы, исходя из которой существование определяет некая исключаящая безусловность.

Истинным может остаться в мире только тот, кто живет, исходя из позитивного, которое он в каждом данном случае обретает лишь благодаря связи. Поэтому возмущение против внешних связей в качестве простого отрицания неистинно; оно завершается внутренним хаосом и продолжает существовать, когда предмета возмущения уже давно нет; возмущение истинно только как борьба свободы за свое пространство, черпающей свое право только из силы, посредством которой она связывает самое себя. 3.

Погружение в историю. Только тот, кто свободно связывает себя, застрахован от того, чтобы в отчаянии возмутиться самим собой. Невыполнимая и все-таки единственная задача, которая остается еще сегодняшнему человеку как человеку, состоит в следующем: найти перед лицом ничто, на свой страх и риск, исходя из своих истоков, путь, на котором жизнь, невзирая на всю рассеянность в беспокойном метании, станет целостностью. Как во времена мифических героев, все теперь как бы зависит от отдельного человека.

Все дело в том, чтобы человек погрузился с человеком в мир исторической конкретности и в своей универсальной утрате родины фактически обрел новую, другую родину. Дистанцирование от мира дает ему свободу, погружение в мир его бытие. Дистанцирование не может быть совершено посредством интеллектуальной абстракции, но лишь в одновременном соприкосновении со всей действительностью; погружение – незримый акт, его не превозносят, а совершают в тихой безусловности. Дистанцирование мира дает внутреннее благородство; погружение в мир пробуждает человечность и самобытие. Первое требует самодисциплины, второе есть любовь.

Погружение в историю, в качестве которого безусловность возможной экзистенции может привести себя с помощью связи к себе, не совершается по предписанию; о нем можно говорить, лишь апеллируя к нему. Оно может быть достигнуто как сила почитания, как концентрация в профессиональном труде, как исключительность в эротической любви.

Сила почитания, взирая на исторические образы человеческого величия, твердо исходит из того, что человек есть и на что он способен. Она не допускает, чтобы увиденное ею было разрушено. Она верна тому, что в качестве традиции воздействовало на ее самостановление, обращается к тому, из чего проросло ее бытие, к особым людям, под влиянием которых она обрела сознание, и сохраняет пиетет, от которого никогда не отказывается. Для нее воспоминание в качестве абсолютного требования сохраняет в настоящем то, что уже лишено действительности в мире. Если же индивид почти всегда встречает на своем пути тех, кто лишен содержания и ранга, если одно его разочарование сменяется другим, то мера его собственной сущности проявляется в том, насколько он может проникнуть вглубь, по рассеянным искрам истинного найти свой путь и обрести уверенность там, где человек действительно есть.

Работа, совершаемая день за днем, если в ней нет ничего, кроме этой рутины, сразу же после ее окончания погружается в бездну забвения. Однако она становится явлением самобытия, если оно активно и длительно преследует в ней смысл, который вырастает в трудящемся как концентрация непрерывности его воли к труду в сознании его определенной направленности. Если человек не может избежать безработицы или случайного использования его рабочей силы вследствие обстоятельств, которые он вынужден выносить, внутренне возмущаясь, то мерой его собственной сущности все-таки остается то, в какой степени он даже в этой крайней нужде способен посредством своей деятельности ощутить близость к вещам, остается та истина, которую осуществить трудно и никогда не следует требовать от других: хотя я и наковальня, мне надлежит совершить в качестве молота то, что я должен выстрадать.

Исключительность в половой любви связывает двух людей без каких-либо условий на все будущее время. Она без всякого обоснования коренится в решении, которое связало самость верностью в то мгновение, когда она пришла к себе посредством другого. Негативная сторона – отказ от полигамной эротике – есть следствие позитивного, которое в качестве любви истинно лишь тогда, когда охватывает всю жизнь; негативное требование – не растрчивать себя следствием бескомпромиссной готовности возможного самобытия в этой верности. Без строгости в эротике нет самобытия; человеческое отношение к эротике возможно только в исключительности безусловной связи. Если же требование эротического удовлетворения находит свое выражение в чарах следующих друг за другом счастливых переживаний индивида, то мерой собственно человеческой сущности остается власть, господствующая над этими чарами и не признающая непобедимыми требования природы.

Почитание подобно основе самобытия, активная деятельность в своей профессии – его возможная действительность в мире, все исключая любовь одного человека или безусловная готовность к ней – истина его души, без которой в ней царит непреодолимая грубость.

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
В каждой безусловности человек становится как бы неестественным в своей жесткости по отношению к себе; ибо подлинность бытия в исторической неповторимости связана с необоснованным стремлением не допускать, не желать и сдерживаться. Путь человека, некогда определяемый принуждением и силой всеобщих авторитетов, теперь же возложенной на него самого в качестве его ответственности свободой, связан с насилием по отношению к самому себе, пафос которого создается возможностью подлинного выполнения поставленной задачи.

Эта свобода в историческом погружении, безусловная по отношению к самой себе, в действительном существовании масс связана с сохранением авторитета духовных сил. Противоположность свободы и авторитета по своему характеру такова, что друг без друга они потеряли бы сами себя; свобода превратилась бы в хаос, авторитет – в деспотию. Поэтому самобытие хочет наличия консервативных сил, в противоположность которым оно только и должно прийти к себе как единичное. Оно принимает традицию, которая прочно сохраняется во всей духовной жизни только в авторитетах. Несмотря на то что церковь совершенно не заинтересована в свободе, она служит условием существования возникающей свободы. Она сохраняет духовное содержание во всем его объеме, понимание неумолимости, относящейся к трансцендентности действительности, глубину требований к человеку. Самой страшной опасностью было бы ее незаметное подпадение под власть массового аппарата при молчаливом союзе с неверием и тем самым утрата того, что в ней постоянно становилось истоком свободы.

Благородство человека. Вопрос, возможно ли еще достоинство человека, идентичен вопросу, возможно ли еще благородство. В настоящее время речь больше не может идти об аристократии как о господстве меньшинства в качестве наследственно привилегированного слоя, возвысившегося над толпой в силу своей власти, имущества, воспитания и осуществленного в нем идеала образованности, – того слоя, который считает себя и считается другими сообществом лучших. Аристократия редко могла длительное время действительно быть господством лучших. Если аристократия как социальный слой временно принадлежала к числу самых значительных явлений, то очень скоро она превратилась в господство меньшинства, которое, само являясь массой, обрело типичные черты таковой; принятие решений большинством, ненависть к каждому выделяющемуся в толпе индивиду, требование равенства, беспощадная изоляция каждой особенности, непредставительной для всех, преследование всего выдающегося. Аристократия, как господство меньшинства в качестве массы, заимствует доступные всем ее членам исключительные качества как социальные суррогаты действительного благородства человеческой экзистенции. То, что она в ряде случаев создавала неповторимый духовный мир, было следствием ее происхождения из подлинно благородного социального слоя и постоянного самовоспитания.

И впредь могут появляться, вероятно, могущественные социальные слои, но они будут варварскими. Проблема человеческого благородства состоит теперь в спасении воздействия наилучших, число которых невелико.

Однако эта аристократия не может держаться в стороне от мира, заполняя личную жизнь романтической любовью к прошлому. Если она не войдет в сознательном волении в условия существования своего времени, с которыми она фактически связана, она составит лишь искусственные группы с необоснованными притязаниями.

Лучшие представители благородства внутри человеческого бытия – не наиболее талантливые, которых можно было бы выделить, не типы рас, которые можно установить антропологически, даже не гениальные люди, создающие выдающиеся произведения, то среди них всех те люди, которые являются самими собой, в отличие от тех, кто ощущают в себе лишь пустоту, ничто не считают своим, бегут от самих себя.

Сегодня начинается последний поход против благородства. Он ведется не на политическом или социальном уровне, а в самих душах людей. Следовало бы повернуть вспять то развитие, которое считают сущностью нового, но теперь уже прошедшего времени, – раскрытие личности. Серьезность проблемы, как позаботиться о человеке массы, который не желает внутренней независимости, ведет к восстанию в каждом из нас экзистенциального плебейства против самобытия, требуемого от нас божеством в его таинственности. Возможность, которую человек завоевывает в ходе своей судьбы, может быть в конце концов уничтожена. Инстинкты людей массы вновь, как уже не раз, и опаснее, чем

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
когда-либо, объединяются с церковно-религиозными и политическими
абсолютистскими инстинктами, чтобы освятить универсальное нивелирование в
существовании массы.

Именно это восстание направлено против подлинного благородства человека. Прежние политические восстания могли оказаться успешными, не разрушая его; это же, если бы оно удалось, уничтожило бы самого человека. Ибо не только последние века, но все историческое время, начиная с иудейских пророков и греческих философов, превратило бытие человека в то, что затем в новое время стали называть личностью. Однако по-разному именуемое, оно объективно недоступно, всегда остается единственным, ничем не заменимым способом самобытия.

Солидарность. Когда люди перемешиваются, как пыль, действительность в ее достоверности встречается лишь там, где друзья являются подлинными друзьями в фактической коммуникации их открытости и солидарности, в личной верности.

От одиночества спасает не мир, а самобытие, устанавливающее связь одного человека с другим. Это единство обладающих самобытием есть невидимая действительность существенного. Поскольку объективного критерия надежного самобытия не существует, оно не могло быть объединено в группы власти. "Треста порядочных людей", как принято было говорить, не существует. В этом их слабость, сила их может сохраняться только в невидимости. Существует не фиксированная в договорах связь, более сильная, чем национальное, государственное, партийное и социальное сообщество, чем раса. Эта связь непосредственно незаметна и проявляется лишь в своих следствиях.

Подобная близость обладающих самобытием людей - лучшее, что может быть нам даровано сегодня. Эти люди служат друг другу гарантией того, что бытие есть. В миру это те, кто меня волновал как действительность, кто оставался во мне, приводил меня к самому себе, а не те, кто проходил мимо, с кем я просто общался. У нас больше нет пантеона, им служит нам память об истинных людях, которым мы обязаны тем, что стали такими, как мы есть. Влияние известных из истории великих людей становится для нас решающим не сразу, но лишь в той степени, в какой они как бы вновь узнаются в тех, кто был нам действителен в качестве живых. Они пребывают для нас как бы в уверенном знании их близости, остаются без притязаний вовне, без обожествления, без пропаганды. Они не встречаются среди того, что открыто публичности и значимости, и тем не менее именно они определяют правильное движение вещей.

В изолированном существе подлинного благородства быть не может. Оно - в связанности самобытных людей, которые верны обязательству постоянно интересоваться друг другом, помогать друг другу, когда они встречаются, и быть готовым к коммуникации, ожидая ее, не проявляя навязчивости. Не сговариваясь, они сохраняют взаимную верность, более непоколебимую, чем основанную на договоре. Такая солидарность распространяется и на врага, если одно самобытие подлинно противостоит другому. Тогда осуществляется то, что могло бы быть в политических партиях, невзирая на все различия, солидарностью лучших их членов, которая ощущается, даже если не находит своего выражения, потому ли, что для этого нет повода, или потому, что ситуация не предоставляет для этого возможности.

Солидарности этих людей надлежит отделиться от встречающихся повсюду фактических предпочтений, связанных с симпатией или антипатией, от своеобразной притягательности друг для друга всякой посредственности, чувствующей себя хорошо при отсутствии высоких требований, от вялого, но постоянно молча действующего объединения многих против немногих. Если все они чувствуют себя уверенными в массе, в которой они встречаются и из которой они выводят свое право, то солидарность тех, кто обладает самобытием, хотя и бесконечно более прочна во взаимной надежности, распространяющейся даже на не допускающее объективацию поведение, но в мире она ненадежна из-за слабости, связанной с малочисленностью и неуверенностью во встречах. У многих есть десятки друзей, которые не являются таковыми; эти же счастливы, имея одного.

Благородство духов, обладающих самобытием, рассеяно в мире. Тот, кто вступает в их сферу, приходит к этому не на основе суждения, а посредством осуществления своего собственного бытия. Единство этого рассеяния подобно невидимой церкви некоего *corpus mysticum* [мистическое тело] в анонимной

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
цепи друзей, тот или другой член которой благодаря объективности своей деятельности обнаруживается другим, быть может, далеким самобытием. В этом безобразном царстве духов время от времени находятся отдельные люди, которые воспламеняются в близости строгостью своей коммуникации. Они всегда служат началом высшего взлета, возможного теперь в мире. Только они, собственно говоря, создают облик людей.

Благородство и политика. Массы приводятся в движение вождями, которые говорят им, чего они хотят; историю творит меньшинство. Однако в настоящее время маловероятно, чтобы массу могла бы постоянно держать в повиновении аристократия, право которой на господство она бы признавала. К сожалению, сегодня все люди, неспособные действительно мыслить в силу отсутствия самобытия, все-таки благодаря тому, чему они научились, обрели способность высказывать свои мысли и манипулировать ими. Между тем, обретя таким образом свою долю в мышлении, масса непрерывно осуществляет нажим.

Поэтому может возникнуть вопрос, каким образом меньшинство, получив на мгновение одобрение массы, приходит к осуществлению власти, посредством которой оно впоследствии и при отсутствии одобрения сохраняет господство, формируя человека массы, который не есть он сам и не знает, чего он хочет. Замкнутое меньшинство может в сознании своего благородного происхождения под именем авангарда или в качестве самых передовых, наиболее волевых из последователей вождя, в силу исторически унаследованных привилегий по крови объединиться, чтобы завоевать власть в государстве. Они формируются по аналогии с прежними сектами: строгий отбор, высокие требования, постоянный контроль; они ощущают себя элитой и пытаются после захвата власти сохранить свои преимущества посредством воспитания молодежи, способной продолжать их дело. Однако даже если при возникновении этой элиты сила самобытия в качестве благородства человека и могла играть известную роль и продолжает ее играть в ведущих индивидах, то в своей совокупности они создают новую, отнюдь не аристократическую массу меньшинства. Безнадёжно в определяемую массой эпоху ждать благородства человеческого бытия в образе господствующего меньшинства.

Поэтому аристократия и масса окончательно и на необозримое время перестали являть собой специфические политические проблемы. Правда, они встречаются еще как антитезы в политической аргументации, но это только слова; по существу же, все дело в том, господствует ли организованное меньшинство над большей массой, или благородство действует анонимно внутри массового порядка; устанавливается ли несправедливая и поэтому невыносимая форма управления, или благородство человеческого духа находит сферу для своего осуществления.

Ложное притязание на благородство. Поскольку благородство есть лишь во взлете, в котором завоевывает себя бытие, оно не может само дать себе предикат. Оно – не род, в который человек входит или не входит, а человек вообще в возможности своего взлета. Поскольку мы склонны находить удовлетворение только в существовании, сила взлета всегда свойственна только немногим и в них непостоянна. Эти немногие – не представители массы в качестве вершины ее сущности, а скорее смутный упрек ей. Лишь непонятные они становятся ей известны.

Где идея равенства отдалается от только метафизически мыслимой изначальной возможности и касается фактического существования людей, она лишена истинности; именно поэтому от нее почти всегда безмолвно отказывались. Отвратительные физиогномические черты в поведении и облике, неприятный смех, мерзкие удовольствия, недостойные жалобы, ощущение себя сильными только в массе – все это не оттолкнет лишь того, кто только в пошлом окружении чувствует себя в сообществе равных. Нет человека, который мог бы равнодушно видеть себя в зеркале; чем сильнее он переживает взлет, тем острее чувствует он другое в себе. Людей массы следует признавать в той мере, в какой они служат, трудятся, поднимая взор, знают импульс возможного взлета, другими словами, в той мере, в какой они сами суть то, чем в большей степени являются немногие. Любви достоин не человек как экземпляр существования, а человек как возможная экзистенция, в каждом индивиде – его возможное благородство.

Если же благородство в человеке хочет понять себя как определенное существование и выделить себя, то оно становится ложным; истинное благородство анонимно как требование человека к себе; ложное становится жестом и требованием, обращенным к другим.

Поэтому в ответ на вопрос, возможна ли еще в наше время аристократия, следует апеллировать лишь к человеку, задавшему этот вопрос, к нему самому. Поле духовного сражения существует в каждом, если он еще не полностью утратил силу.

Философская жизнь. Благородство человека может быть названо философской жизнью. Благородством обладает тот, кто обладает истиной веры. Кто опирается на авторитет в том, чем он может быть только сам, это благородство теряет; тот же, кто вверяет себя божеству, не теряет себя, но претерпевает истину своего взлета как движение конечного самобытия в его крушении, истину, исходя из которой все происходящее в мире не может быть для него большим, чем он сам есть для себя.

Сохранить требование к этому благородству – прежде всего дело традиции. Невозможно достичь всего во внешнем действии; для внутреннего действия в центре вещей человека существует слово, не пустое слово, а слово, которое может пробудить то, что приближается. Слово преобразуется, но остается тайной нитью, по которой ощупью пробирается сквозь время подлинное бытие человека. В качестве философской жизни это бытие человека, без которого внешняя действительность существования мира лишена души, есть последний смысл философского мышления; только в нем находит свое подтверждение систематическая философия.

В характере философской жизни человека заключена его судьба. Это не предписание, которому надлежит просто следовать, и не идеальный тип, в соответствии с которым надо строить свою жизнь. Философская жизнь вообще не есть нечто идентичное для всех. Она – армия отдельных людей, поток падающих звезд, который, не зная откуда он пришел и куда направляется, проходит сквозь существование. Отдельный человек, каким бы он ни был ничтожным, последует за ним во взлете своего самобытия.

Ситуация самобытия. Человек не может быть завершеным; для того чтобы быть, он должен меняться во времени, подчиняясь все новой судьбе. Каждый из его образов с самого начала несет в себе, пребывая в созданном им мире, зародыш разрушения.

Сегодня он может вспомнить, как история бросала его из одной формы существования в другую, из одного сознания своего бытия в другое, но продолжать идти этим путем он, по-видимому, уже не может. С человеком вновь случилось нечто подобное тому, что было в начале его пути, и свое выражение оно находит в том, что человек оказался перед лицом ничто, и не только фактически, но и в своем знании, и что теперь он должен вновь, исходя из истоков, проложить свой путь, пользуясь воспоминанием о прошлом.

Сегодня, когда возможности экстенсивного расширения существования неизмеримо возросли, стала ощущаться некая ограниченность, которая как будто уничтожает экзистенциальную возможность. С тех пор как это осозналось, жизнь людей преисполнилась отчаяния или бессознательного желания забыть о ней, что в объективном рассмотрении может быть и концом, и началом.

Человек не может уклониться от сложившейся ситуации, отступить в лишние действительности – ибо они прошлые – формы сознания. Он мог бы успокоиться в самозабвенном наслаждении существованием, как бы вернуться к природе, к мирной жизни безвременья. Однако наступит день, когда железная действительность вновь станет перед его взором и приведет его в замешательство.

Для человека, полностью отброшенного назад в своей беззащитности, остается лишь вернуться к началу вместе с другим человеком, с которым он связан верностью. Потрясающие сообщения о том, как в конце войны при отступлении некоторые немцы продолжали сопротивляться: видя себя изолированными, все-таки достигали в своем самоутверждении и жертвенности того, к чему не мог принудить ни один приказ, в последнюю минуту еще пытались спасти родину от разрушения и сохранить в воспоминании немцев сознание своей непобедимости – эти сообщения свидетельствуют о едва ли когда-либо достигнутой в иных случаях действительности, как символ сегодняшней возможности вообще. Это – первое бытие человека, которое перед лицом ничто в гибели не могло осуществить свой мир, но предъявило требование будущему миру.

Если мы назовем состояние перед лицом ничто неверием, то сила самобытия порождает в неверии внутреннюю деятельность во взлете. Эта сила пренебрегает возможностью объяснять внешними причинами то, что возникает или теряется в свободе. Она считает, что призвана к наивысшему и живет в напряжении из-за действующего на самое себя принуждение, в сопротивлении тому, что есть только существование, в податливости относительного, терпеливой способности ждать, в исключительности исторической связи. Она знает о своем крушении и читает в крушении шифр бытия. Она – вера, философская по своему характеру, которая в цепи отдельных людей, передающих друг другу факел, способна к новому созиданию.

Завершения быть не может. Все время будет возникать вопрос, что есть человек. Однако в каждый момент, когда человек, исходя из безусловности, следует своим путем, во времени есть то, что уничтожает время.

Прошлое никогда не может сказать человеку, как ему себя вести. Пробужденный в свете воспоминания о прошлом, он должен сам принять решение. Им он наконец скажет, чем была для него духовная ситуация: в каком образе он осознает бытие, уверен в нем, чего он безусловно хочет, к кому он в данной ситуации обращается и к кому он в глубине своей души прислушается.

Без таких истоков мир человека останется только предприятием. Для того чтобы бытие стало миром, тот, кто впоследствии отдается в сообществе с другими целому, должен сначала проникнуть в самого себя.

Самобытие – условие, без которого мир как наполненная идеей действительность человеческой деятельности уже невозможен. Поскольку самобытие есть лишь в единстве с бытием своего времени, оно при всем противоречии ему все-таки принуждает решиться на то, чтобы хотеть жить только в это время. Каждый акт действительности самобытия становится, пусть даже исчезающе малым, зародышем творения мира.

Прогноз, основанный на наблюдении, и пробуждающий прогноз

Прогноз, основанный на наблюдении. По сравнению с миллиардами лет истории Земли 6000 лет человеческого существования подобны первой секунде нового периода в преобразовании планеты. По сравнению с сотнями тысячелетий, когда, как мы знаем по останкам скелетов, на Земле уже жили люди, известная нам история подобна начальной стадии процесса, в ходе которого определится, каким может стать человек, после того как он пришел в движение, выйдя из пассивно повторяющихся условий. Правда, рассмотренные по сравнению с нашим коротким существованием, 6000 лет – очень длительное время; сегодня, как и две тысячи лет тому назад, человеку благодаря воспоминанию присуще сознание истекшего времени, ощущение, будто он живет в некий конечный период: кажется, что лучшее уже позади. Однако перспектива в истории Земли приносит ему сознание краткости всех его предприятий и ясности ситуации, в которой он находится в своей лишь начинающейся деятельности; все еще впереди; быстрое следование друг за другом от десятилетия к десятилетью технических открытий кажется несомненным доказательством этого. Однако человек может задаться вопросом, не составляет ли вся история человечества лишь преходящий эпизод в истории Земли; человек может погибнуть и вновь уступить место неизмеримой по своему времени истории Земли.

Спрашивают о возможности исчерпать запасы угля, рассчитанные только на несколько тысяч лет; об ограниченном наличии всех доступных нам энергий, о грядущем охлаждении Земли, которое приведет к угасанию жизни. Однако, хотя естественнонаучные данные позволяют прийти к выводам высокой степени вероятности о неизбежном будущем Земли, достоверности они не достигают. Технически релевантные ситуации могут привести и к непредвиденным техническим выходам, и к катастрофам. Можно представить себе утопическую картину того, как в некоей чудовищной организации человек держит руку на рычаге земного механизма, проникая по своей воле с помощью технических средств в мировое пространство; как он при охлаждении планеты создает в мире, где захочет, условия для своей жизни и обретает сферу своего существования не на Земле, а вообще в безграничном мировом пространстве; будто в конце концов творение благодаря человеку возвращено самому себе, благодаря тому, что оно в своей совокупности, служа человеку для осуществления задуманного им, достигло единства. Поскольку все это невозможно, конец, вероятно, наступит на границах техники в результате катастроф. Спрашивают также о конце культуры; увеличение населения может

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
привести к последним войнам и в конце концов уничтожить с помощью технических средств основы технического существования, а вместе с ними и нашу культуру. В самом деле, культуры ведь уничтожались, и оставшиеся в небольшом количестве люди должны были, пребывая в состоянии варварства, начинать все с самого начала. Вопрос состоит в том, установилось ли теперь начало неразрывающегося более целого в истории человечества. Особенность ситуации заключается в том, что даже при полном уничтожении какой-либо территории земного шара ряд других областей мог бы сохранить для будущего сокровища исторического развития; но остается также опасность того, что народных резервов больше не будет, если погибнет охватившая к тому времени всю Землю культура.

Спрашивают, не составляет ли наибольшую опасность специфика нашего существования, не возникнет ли в нем такое увеличение числа людей, что отдельному человеку не хватит больше жизненного пространства и в конце концов все человечество в своей массе духовно задохнется; или не произойдет ли отрицательный отбор и изменение рас, которые приведут к прогрессирующему ухудшению человечества, в результате чего вследствие биологических причин останется только тип трудолюбивых, еще некоторое время функционирующих внутри технического аппарата людей. Не исключено, что человек погибнет от тех средств, которые он создал для своего существования.

Спрашивают о мрачном законе неминуемого угасания всего происходящего в человеческом обществе. Не исчезает ли медленно субстанция, некогда данная человеку? Не является ли упадок искусства, поэзии, философии симптомом предстоящего исчезновения этой субстанции? Не является ли то, как люди сегодня изнашиваются на предприятиях, как они общаются, действуют, теряя силы, в рамках своей профессии, бездумно занимаются политикой, предаются бессодержательным удовольствиям – не является ли все это доказательством того, что упомянутая субстанция уже почти исчезла. Правда, в момент утраты мы еще ощущаем, что мы теряем. Но в недалеком будущем никто уже не будет знать, что было раньше, так как это станет непонятным.

Однако подобные вопросы и возможные ответы на них не ведут к знанию о пути целого. Даже доказательства невозможности дальнейшего существования, сколь несомненными они ни представляются, нельзя считать исключающими возможность ошибки, ибо нам не дано знать то, что когда-либо может стать доступно знанию. Познавая, можно всегда ухватить лишь что-то единичное, но картина неизбежного целого при этом не складывается. Все эти прогнозирующие мысли не носят философского характера. Это лишь технические и биологические представления, имеющие частично реальную основу. Человек как возможная экзистенция не устраняется ни одним из этих наблюдений.

Там, где существуют реальные предпосылки, можно сказать только одно: в данный момент я не вижу других возможностей. Обладая доступным нам сегодня знанием и существующими в настоящее время масштабами, наш разум всегда увидит в конце неизбежную гибель.

Что действительно важно. Предвосхищающее знание о ходе вещей остается знанием возможностей, среди которых то, что действительно произойдет, совсем не обязательно должно присутствовать. Более существенно, чем далекие возможности, находящиеся вне сферы того, что зависит от нас, – знать, чего я, собственно, хочу. Применительно к будущему это означает знать, что в нем важно для человека. Затем возникает существенный вопрос – какие люди будут жить тогда. Интересоваться ими современному человеку стоит лишь в том случае, если их существование будет иметь ценность и достоинство в том смысле, который связан с бытием человека, сложившимся в тысячелетия до нас; те, кто придет, должны видеть в нас своих предшественников не обязательно в физическом, но в историческом понимании.

Но знать, что такое, собственно, люди, не должно быть целью. Люди суть то, что они суть, не только по рождению, формированию и воспитанию, а по свободе каждого человека на основе его данности самому себе. Создать то, что действительно важно, невозможно даже при совершенном знании.

Поэтому остается только слушать, как говорит со мной прошлое, сделавшее меня человеком, и говорить своей жизнью с будущим. Однако рассмотрение истории в ее целостности отвлекает от того, посредством чего история только и совершается, незримо и незаметно. Возможные на основании истории прогнозы указывают лишь на горизонт, внутри которого я действую.

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
Поэтому прогноз, основанный на наблюдении целого, если он целое, обособлен от воления, – лишь отговорка, отказ от подлинного действия, которое начинается с внутреннего действия человека. Меня ослепляет "зрелище мировой истории" и высказывания о необходимом развитии, будь то марксистский путь к бесклассовому обществу, продвижение по предполагаемому закону развития в культурно-морфологическом понимании или распространение и осуществление окончательно достигнутой абсолютной истины человеческого бытия, как его мыслит догматическая философия. Когда я задаю вопрос о будущем человека, я должен, если вопрос поставлен серьезно, разрушить все эти фасады, будь они великолепны или мрачны, и прийти к источнику возможного, где человек, обладая самым обширным знанием, все-таки еще сам создает себя таким, каким он будет, а не располагает уже этим в знании.

Поэтому, во-первых, ни один прогноз не может быть безусловным. Он означает открытую возможность. Я ищу его, чтобы изменить ход вещей. Чем ближе прогноз, тем он релевантнее, так как дает повод к действию; чем дальше, тем безразличнее, так как не имеет отношения к действию. Прогноз это спекулирующее предвидение человека, который хочет что-либо совершить; он видит не то, что неотвратимо происходит, а то, что может произойти, и ориентируется на это. Будущее становится предвидением, которое может быть изменено волей человека.

Во-вторых, прогноз по своему смыслу соотносится с ситуацией в настоящем. Он не парит в пустом пространстве, соотносясь с наблюдателем вне времени. Самый убедительный прогноз дает тот, кто обладает, исходя из собственной жизни, глубоким знанием настоящего. Сознание того, что есть, он обретает только посредством своего самобытия в мире, с которым он связан. По опыту он знает, что полностью утрачивает видение всего хода вещей, если занимает позицию зрителя, наблюдающего извне и желающего знать целое; сильнее всего он это чувствует, когда доводит свое сознание ситуации до границ доступного ему мира. Его одушевляет не желание собрать бесчисленные факты настоящего, а чувство, направленное на сферу подлинных решений. Он хочет стать соучастником в знании там, где действительно совершается движение истории.

В-третьих, важен прогноз не как знание, а то, как это знание сразу же становится фактором происходящего в действительности. Нет видения действительного, в котором одновременно не заключалось бы или не могло бы быть пробуждено или парализовано воление. То, чего я жду, следует проверять, исходя из того, что я, высказывая свой прогноз, содействую реализации этого прогноза, пусть даже мельчайшей его части или препятствую этому. Возможно двоякое: либо я вторгаюсь своим прогнозом в ход вещей и изменяю его этим, либо происходит то, чего раньше никто не желал и не опасался. Когда знание способствует отношению к будущему как к чему-то неотвратимому и передо мной стоит только выбор, отдамся ли я течению или поплыву против него, то такой прогноз, воспринимаемый легковверными людьми, получает громадное значение; он усиливает упорство и способствует бездействию, поскольку складывается убеждение, что и без моего участия все произойдет так, как должно произойти. Этот прогноз парализует волю, если изображает неизбежным то, что кажется отвратительным и против чего всякая борьба напрасна. Однако такая вера заблуждение; она основана на том, что знает больше, чем можно знать. Истина лишь неуверенность в возможном, которая, пробуждая в человеке сознание опасности, заставляет его напрячь все свои силы, поскольку он осознает необходимость решения. Духовное сознание ситуации остается знанием и волей одновременно.

Поскольку ход вещей в мире недоступен нашему видению, поскольку до сего дня лучшее всегда терпело неудачу и может вновь претерпеть ее, поскольку, следовательно, ход вещей в мире в своем длительном процессе совсем не тот, который для нас важен, всякие планы и действия, направленные на далекое будущее, теряют свое значение, и все дело в том, чтобы создать бытие и одухотворить его "здесь и теперь". Я должен хотеть то, что важно, даже если предстоит конец всего. Действия, предотвращающие нежеланные события, могут иметь силу, только если они исходят из воли осуществить собственную жизнь в настоящем. Из мрака будущего, его угроз, его бездн все настойчивее раздается призыв действовать, пока еще есть время. Прогнозирующее мышление отбрасывает нас назад в настоящее, не отказываясь от планирования в сфере возможного. Делать в настоящем то, что подлинно, – единственное, что мне, безусловно, надлежит делать.

Это послужит также основой для людей будущего, которые будут, правда, определены тем аппаратом, в коем они пробудятся к сознанию, но решительное

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
воздействие окажут на них подлинные люди; взирая на них, они придут к раскрытию своего собственного человеческого бытия. Поэтому всегда есть точка, в которой концентрируется воля, ориентированная на будущее бытие человека; что произойдет с миром, решает парадоксальным образом каждый человек в зависимости от того, какое решение он примет о себе в континууме своих действий.

Пробуждающий прогноз. Прогноз, основанный на наблюдении, хочет знать, что будет, не вводя в это знание того, кто мыслит. Пробуждающий прогноз высказывает то, что возможно, так как посредством такой возможности может быть определена воля; этот прогноз проникает через наблюдение к решению собственного воления.

Если видение не дает картины того, что станет с миром, то конструкция возможностей показывает лишь арену борьбы, где идет бой за будущее. На арену борьбы вступает то, что само обретает действительность. Тот, кто лишь следит за борьбой, не узнает, в чем, собственно говоря, дело.

Арена борьбы неясна. фактические бои предстают часто как сплетение непонятных противников. фронты борьбы застыли, их сдерживает вялое желание оставить все, как есть. В своем предвидении размышление, взирая на действительное в настоящем, ищет подлинные фронты в борьбе, где речь идет о существенных решениях. Видение их пробудило бы меня, заставило бы пойти туда, где я должен быть, так как я хочу этого навечно.

Пробуждающий прогноз сделал бы возможным ответ на вопрос: для какого настоящего я хочу жить. Поскольку прогноз говорит о возможности гибели, ответ может быть – хочу погибнуть вместе с тем, что есть самобытие человека.

Представление о возможных направлениях развития дает ответ на вопрос: каким может оказаться мир, в начале которого мы находимся. Концентрация всего человеческого бытия в стабильных организациях быстро растет. Превращение людей в функции огромного аппарата создает общее нивелирование; не нужны ни люди высокого ранга, ни необычное – нужно только усредненное, обладающее способностями в специальной области; переживает только пребывающее и поэтому относительно постоянное; принудительные меры существующего порядка состоят в том, что для вступления в союзы требуются обоснования, что вводится частичный, а затем полный запрет на свободу передвижения. Своего рода страстная тяга к авторитету, который гарантировал бы порядок, призвана к тому, чтобы заполнить внутреннюю пустоту. Развитие идет к стабильному конечному состоянию. Но то, что выступает как идеал порядка в земном мире, невыносимо для человека, который знает, что его бытие состоит в притязании на свободу этого бытия. Кажется, что эта свобода может быть задушена незаметно растущим бременем преобразенных обстоятельств. Общее мнение деспотически господствует посредством фиксированных убеждений, которые, властвуя над всеми партиями, предстают как нечто само собой разумеющееся.

Таким образом, основной вопрос времени сводится, по-видимому, к тому, возможен ли еще независимый человек, сам определяющий свою судьбу. Под вопрос вообще поставлено, может ли человек быть свободным; это – вопрос, который, будучи действительно понят, сам снимает себя, ибо с действительным пониманием ставит такой вопрос только тот, кто может быть свободным. Напротив, при объективирующем мышлении, которое рассматривает свободное бытие человека как существующую при данных обстоятельствах жизнь и ставит вопрос об условиях свободного бытия, может возникнуть мысль, что вся история человека – лишь тщетная попытка быть свободным. Тогда история человека для нас, по существу, не более чем сущее, но терпящее крушение мгновение между двумя неизмеримыми состояниями сна, первое из которых было природным существованием, второе становится существованием техническим. Постепенное угасание человеческого бытия оказалось бы более радикальным, чем когда-либо. Свобода была тогда лишь переходом во времени; она сама знала себя в своей трансценденции как подлинное бытие человека, а результатом оказался технический аппарат, который могла создать только она.

В противовес этому мысль объективирует как неустранимую другую возможность: решение, может и хочет ли человек быть в будущем свободным, выносится для него, а не против него. Правда, в своем большинстве люди испытывают страх перед свободой самобытия. Однако не исключено, что в соединениях внутри огромного аппарата окажется такая брешь, что для тех, кто осмелится, смогут

Ясперс Карл Теодор Духовная ситуация времени filosoff.org
осуществить свою историчность из собственных истоков, хотя и не в том образе, которого ждали. В нивелировании внешнего существования, представляющемся неотвратимым, исконность самобытия может в конечном итоге оказаться даже более решающей. В концентрации сил на краю гибели возникнет, быть может, независимый человек, который фактически овладеет ходом вещей и обретет значимость подлинного бытия.

Мыслить мир преисполненным безверия, а в нем машинных людей, потерявших себя и свое божество, мыслить рассеянное, а затем и окончательно уничтоженное благородство возможно лишь теоретически на мгновение. Подобно тому как внутреннему достоинству человека необоснованно претит мысль, что он умрет, будто он был ничто, ему претит и мысль, что исчезнут свобода, вера, самобытие, будто их с таким же успехом может заменить технический аппарат. Человек – нечто большее, чем он видит в подобной перспективе.

Но если это меняющееся представление возвращается в сферу позитивных возможностей, то оказывается, что существует не единственная истинная возможность. Без сохраняющейся в церковной традиции религии в мире нет философского самобытия, а без него как противника и возбудителя нет подлинной религии. В отдельном человеке не содержится все. В существующем прогнозе противники, между которыми в виде напряжения между авторитетом и свободой есть жизнь не допускающего завершения духа, должны ощущать свою солидарность перед возможностью ничто. Если бы напряжение между авторитетом и свободой, в котором должен пребывать обладающий временным существованием человек, было восстановлено в новых формах, в машинном существовании возникла бы субстанция.

Что случится, скажет нам не беспрекословный авторитет, это скажет своим бытием человек, который живет. Задачей пробуждающего прогноза может быть только одно: напомнить человеку о нем самом.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!